

ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ И ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ПРИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ЦИК СССР

ПОПУЛЯРНАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА

В С Е М И Р Н А Я И С Т О Р И Я

ПОД ОБЩИМ РУКОВОДСТВОМ

М. Н. ПОКРОВСКОГО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

П. О. ГОРИН, Ф. Е. МАХАРАДЗЕ,

М. Н. ПОКРОВСКИЙ, КАРЛ РАДЕК

и Ц. ФРИДЛЯНД

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ 1932

О. Л. ВАЙНШТЕЙН

ИСТОРИЯ
П А Р И Ж С К О Й
КОММУНЫ

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ 1932

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вряд ли можно переоценить то огромное влияние, какое оказал опыт Парижской Коммуны 1871 г. на выработку марксистско-ленинской теории и тактики революционной борьбы рабочего класса. Основные принципы учения Маркса и Энгельса о социальной революции и диктатуре пролетариата оформились окончательно в результате изучения ими опыта Парижской Коммуны. Богатое наследие этого опыта было затем с исключительной глубиной проработано и всесторонне использовано Лениным и его партией в период борьбы за Октябрь и в период построения первого в мире пролетарского государства. Усвоение положительного опыта Коммуны и преодоление всех ее ошибок позволило пролетариату отвоевать у капитала для построения коммунистического общества шестую часть земного шара. Мы, по словам Ленина, «стоим на плечах Парижской Коммуны»; наша действительность тесно и органически с нею связана.

Эта связь не только историческая. Проблемы, поставленные Коммуной, сохраняют и сохраняют еще надолго самое актуальное значение — прежде всего для трудящихся в странах капитала, еще стоящих перед своим Октябрем. Ибо основным содержанием истории Коммуны является то, что она была диктатурой пролетариата и притом первой по времени попыткой такой диктатуры; а вопрос о диктатуре пролетариата, учил нас Ленин, «это самый главный вопрос всей пролетарской классовой борьбы» (т. XXIII, 377). И точно также являются для нас сугубо актуальными важнейшие уроки Коммуны по вопросам железного единства партии пролетариата в период решающих классовых

боев; по вопросам правильных взаимоотношений между рабочим классом и трудовым крестьянством; по вопросам борьбы с вредными «демократическими», парламентскими и конституционными иллюзиями, еще сохраняющимися у значительной части пролетариев капиталистических стран.

Было бы удивительным, если бы всего этого не учитывали и враги революционного пролетариата, в первую очередь социал-фашисты. Прекрасно сознавая огромное революционизирующее влияние опыта Парижской Коммуны, «вожди» и теоретики социал-фашизма, наряду с фальсификацией всего учения Маркса и Энгельса, усердно занимаются также — особенно со времени Октябрьской революции — фальсификацией истории Коммуны. Карлу Каутскому в этой почтенной работе принадлежит, несомненно, самое видное место. В своих писаниях «Диктатура пролетариата» (1918 г.), «Терроризм и коммунизм» (1919 г.), «Материалистическое понимание истории» (1927 г.) он для обоснования своей бешеной ненависти к диктатуре пролетариата в Советском союзе прибегает к извращению и взглядов Маркса на Коммуну, и фактической истории самой Коммуны. Любопытным образчиком такого извращения фактов является его статья «*War die Pariser Kommune deutschfeindlich?*» («*Die Gesellschaft*», 1925, № 3). Каутский приводит здесь свежий фактический материал. Коммуна конфисковала промышленное предприятие немца, бежавшего из Парижа. Это вызвало протест дипломата охранявшего немецкие интересы. Коммуна ответила на протест заявлением, что предприятия бежавшей буржуазии конфискуются независимо от национальной принадлежности их собственников. Единственный вывод, который делает отсюда Каутский: Коммуна не была враждебна немцам. Как будто Каутскому и без того не известно, что Коммуна была глубоко интернациональной, что она была резко враждебна всякой национальной розни, что она провозгласила лозунг Всемирной Республики! Наоборот, единственно важный вывод, который сам собою напрашивается и который отличается известной новизной, а именно, что Коммуна не только декларативно, но и практически уже становилась на путь экспроприации экспропри-

горов, этот вывод Каутский обходит полнейшим молчанием. Что это как не сознательное извращение фактической истории первой пролетарской революции?

В таком же фальсификаторском духе выдержана и вся «концепция» Каутского, являющаяся официальной концепцией всего Второго Интернационала. Парижская Коммуна, утверждают социал-фашисты, была демократически организованной формой государственной власти, основанной на всеобщем избирательном праве. Для Коммуны характерно не желание углубить классовую борьбу, а, наоборот, установить сотрудничество классов с целью освобождения труда. Метод действия Коммуны поэтому не насилие над побежденным классом, а охрана всех буржуазно-демократических свобод. Те элементы насилия, которые имелись в практике управления Коммуны, не пользовались симпатиями в самой Коммуне и вызывались лишь крайней необходимостью.

Антимарксистский и контрреволюционный характер этой концепции был полностью разоблачен Лениным в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Пойманный с поличным в попытке замолчать основной вывод Маркса, что пролетариат не может просто овладеть буржуазной государственной машиной, а должен сломать эту машину, Каутский старается в своей книге «Материалистическое понимание истории» выкрутиться новым трюком. Он хочет здесь уверить читателя в том, что под разрушением государственной машины Маркс понимал... устранение централизованной государственной власти и замену ее «широкой демократией». Такие же образчики клеветы на Маркса и Энгельса, искажения их взглядов на Коммуну, как диктатуру пролетариата, можно найти и в произведениях Кунова Конради, Маутнера. Последний, например, в своей статье «К истории понятия «диктатура пролетариата»» (Grünberg Archiv В. XII, 1926) буквально утверждает следующее: «Энгельс представлял себе диктатуру пролетариата в форме демократической республики, основанной на всеобщем избирательном праве». Это в сущности означает, что немецкая «демократическая республика» Гитлера и Гинденбурга является диктатурой пролетариата. В издевательстве над важнейшими мыслями осно-

воположников марксизма дальше итти действительно некуда.

Цель всех этих клеветнических измышлений состоит в том, чтобы доказать, что Октябрьская революция установила у нас не диктатуру пролетариата в понимании Маркса и Энгельса, а диктатуру над пролетариатом. В этой задаче извращение истории Парижской Коммуны служит исходным пунктом. Отсюда ясно, насколько актуальной и политически заостренной является самая тема данной книги. Именно политическая актуальность этой темы заставила и буржуазных историков прервать свой долгий заговор молчания против Парижской Коммуны. За последние годы вышло несколько книг и статей французских буржуазных ученых, в которых одни (Буржен), изучая Коммуну, попросту замалчивают вопрос о диктатуре пролетариата, другие (Ларонз, Сеньобос) селятся доказать, что Коммуна не была ни пролетарской, ни социалистической, ни даже революционной. Они изображают Коммуну малозначущим эпизодом в истории даже не всей Франции, а одного только Парижа. Развенчать Коммуну в глазах пролетариата, доказать отсутствие всякой связи между этим случайным эпизодом и современностью, словом, убить всякий интерес у французских рабочих к героям и мученикам Коммуны, память которых эти рабочие и по сегодня чувствуют, — такова непосредственная задача современной буржуазной историографии.

При таких условиях каждый историк-марксист, берущийся за эту боевую тему, должен твердо помнить, что малейшая его ошибка, малейшее искажение взглядов Маркса и Ленина на Парижскую Коммуну может только послужить на пользу классовому врагу. Здесь как никогда справедливы слова Чернышевского: «теоретическая ложь всегда приводит к практическому вреду». Особенно в самостоятельной исследовательской работе, если она еще опирается на свежий или малоиспользованный материал первоисточников, возможна опасность, в погоне за новой черточкой, за ранее неизвестным, хотя и мало существенным фактом, упустить или исказить самое существенное и главное в марксистско-ленинской концепции Коммуны.

Этой опасности не сумел избежать автор данной книги в своих предшествовавших исследовательских работах по истории

Коммуны. В статье «Парижская Коммуна и пролетариат в революции 1871 г.», помещенной в Известиях Академии наук за 1930 г., и в вышедшей в 1931 г. на украинском языке книге «Етюди й розвідки з історії Паризької Комуни» автор допустил ряд грубейших ошибок, являющихся в совокупности по существу не чем иным, как ревизиєю взглядов Маркса и Ленина по вопросам истории Коммуны. Прежде всего в обеих работах ставится как проблема то, что для марксиста не является и не может быть проблемой, а именно: была ли Коммуна диктатурой пролетариата, причем эта проблема решается настолько нечетко, с такими ошибками в формулировках, что у читателя могут законно возникнуть сомнения в вопросе о характере этой диктатуры, времени ее возникновения, даже в факте ее существования. Совет Коммуны рассматривается как орган мелкобуржуазный и противопоставляется в этом качестве Центральному комитету национальной гвардии, как единственному настоящему представителю интересов пролетариата, хотя для такого утверждения нет никаких оснований. В результате создается совершенно неверное представление о наличии какого-то двоевластия, чуть ли не классовой борьбы среди самих же революционеров, в то время как речь может идти только о существовании некоторых трений между обоими органами — факт общеизвестный, объясняемый неупорядоченностью взаимодействия отдельных частей в механизме управления Коммуны: ведь этот механизм строился всего лишь в течение нескольких недель, даже дней.

Еще более грубой ошибкой является противопоставление Совета Коммуны пролетариату, изображение всей социально-экономической деятельности Коммуны результатом давления на нее со стороны рабочих, как бы вырывавших у мелкобуржуазных партий то или иное революционное мероприятие. В связи с этим стоит и недооценка социально-экономического законодательства Коммуны и переоценка политической зрелости парижского пролетариата, беда которого как раз ведь и состояла в недостаточной политической зрелости, в существовании известных демократических иллюзий, в отсутствии теоретически выдержанной и дисциплинированной партии.

Проявленное автором пренебрежение к Совету Коммуны коре-

нится в антиленинской оценке того факта, что Коммуна формально была избрана всеобщим голосованием. Ложной с начала до конца и политически весьма вредной является общая установка украинской работы автора — рассматривать динамику революции 1871 г. после 18 марта не как процесс развития диктатуры, а как процесс развития к диктатуре. В этой же работе имеются преувеличения и неверные формулировки в вопросе о социально-экономических предпосылках Коммуны, в вопросе о роли прусской оккупации и интервенции в поражении Коммуны, в вопросе о подготовленности беднейшего крестьянства к пролетарской революции.

Эти ошибки, вскрытые Обществом историков-марксистов в Москве и в Одессе, были автором осуждены как антиленинские и искажающие правильное представление о Парижской Коммуне и пролетарской революции 1871 г. В связи с этим автор заново пересмотрел и радикально переработал весь накопленный им материал. Преодоление и исправление всех допущенных им ошибок на основе использования исторического наследия Маркса—Энгельса—Ленина являлось при этом его основной задачей. С основными марксо-ленинскими установками по истории Коммуны знакомит Введение. В первой части, посвященной предпосылкам Коммуны, в отдельных местах использован свежий цифровой и фактический материал (например, по вопросу о католической церкви, положении крестьянства, роли банковского капитала и биржи в период Второй империи). Во второй части рассматривается наиболее слабо изученный период от 4 сентября до 18 марта. Здесь, в отличие от предшествующих общих работ по Коммуне, уделено сравнительно больше внимания революционному движению в провинции, признакам брожения среди беднейшего крестьянства и сельского пролетариата, реакционной роли Турской делегации правительства, а также активности бланкистских элементов в Париже и любопытным, хотя пока еще не вполне для нас ясным попыткам превратить наблюдательные комитеты в ячейки единой боевой революционной организации.

Следующая часть — «Революция 18 марта» — несколько освежена привлечением новых материалов о немецкой окку-

пазии, помощи, оказанной ею правительству Тьера еще перед 18 марта, процессе разложения в военных частях, посланных Тьером для ликвидации революционного очага в Париже. Далее, в большом разделе, посвященном развитию пролетарской диктатуры, подробнее, чем это обычно делалось, изучается вопрос о тактике Парижской Коммуны по отношению к буржуазным и мелкобуржуазным слоям Парижа, отражении этой тактики в законодательстве Коммуны и ошибках, допущенных при ее применении. Автор стремился показать и проиллюстрировать материалом первоисточников быструю эволюцию взглядов радикально-буржуазных группировок на Коммуну и объяснить констатированный Лениным отход этих группировок от рабочей власти, невзирая на усилия последней сохранить и повести их за собою. Разрушению Коммуной буржуазной государственной машины и построению нового типа государства отведено, разумеется, подобающее место, в соответствии с огромным и решающим значением, придаваемым этой стороне дела марксо-ленинской концепцией Коммуны. Несколько малоизвестных прежде черточек (о мировых судьях, комиссии общей безопасности) служат здесь дополнительной иллюстрацией к мысли Ленина о принципиально новом характере государственного аппарата Коммуны. В дальнейших главах автор с особым вниманием останавливается на всех проявлениях высокой политической и общественной активности парижского пролетариата времен Коммуны, на тесной связи рабочих профессиональных и политических организаций с аппаратом революционной власти. Здесь автору приходилось в наибольшей степени опираться на результаты своей собственной исследовательской работы, поскольку этот вопрос недостаточно освещен даже в лучших марксистских трудах по истории Коммуны.

Излишне говорить, что вся новейшая исследовательская литература вопроса была принята во внимание для всех разделов книжки¹. Ограниченный узкими рамками научно-популярной работы, автор далеко не всюду мог в сколько-нибудь достаточ-

¹ К сожалению новейшее издание известной работы Н. М. Лукина о Парижской Коммуне, вышедшее уже по окончании верстки настоящей книжки, не могло быть использовано автором.

ной степени обосновать свое изложение выдержками из первоисточников или дать во всех случаях, где это необходимо, развернутую аргументацию. Приходилось очень скупиться даже на цитаты из произведений учителей и вождей пролетариата. В противном случае небольшая книжка грозила разрастись в солидный том, что не входило в намерения ни автора, ни издательства.

Все иллюстрации к книжке подобраны автором. ¹

Одесса, 12 мая 1932 г.

¹ По недосмотру типографии «Гудок», в которой печатались иллюстрации к этой книге, перепутан порядок их размещения, вследствие чего иллюстрации даются не в хронологическом порядке.

ВВЕДЕНИЕ

Револуция 1871 г., не совсем точно называемая «Парижской Коммуной», обладает рядом внешних признаков, как будто умаляющих ее историческое значение. Территориально она была ограничена пределами одного города. Попытки революционных восстаний в других частях Франции были быстро подавлены и не оказали существенного влияния на ход событий. Даже в пределах Парижского округа народные массы — прежде всего крестьянство — не были втянуты в борьбу и до конца ее хранили нечто вроде нейтралитета. И, наконец, на последнем этапе революции возглавлявший ее класс, после отхода от движения мелкой буржуазии, оказался одиноким и изолированным внутри самой столицы, наподобие того, как это уже случилось однажды с пролетариатом в июне 1848 г.

Точно также крайне ограниченным был опыт революции 1871 г. и во времени. Коммуна просуществовала, как известно, 72 дня, причем и это короткое время пришлось главным образом отчаянной борьбе за существование, почти не оставлявшей места для творческой, преобразующей работы. Это обстоятельство, равно как и исключительно полная в данном случае победа реакции над силами революционного класса, сделало возможным настолько радикальное уничтожение всех следов пребывания пролетариата у власти, что, казалось бы, бесцельно искать каких-либо изменений в общественных, экономических и политических отношениях, которые были бы результатом этой революции.

Далее, в противоположность французским же революциям 1789—94, 1830 и 1848 гг. революция пролетариата 1871 г. не вызвала соответствующего движения за границей, ни одного восстания пролетариата даже в передовых европейских странах. И это обстоятельство, естественно, может служить формальным основанием, чтобы видеть в событиях 1871 г. только эпизод, лишенный серьезного исторического значения. А именно таким и является взгляд на Коммуну современной буржуазной историографии.

Наконец, особенностью революции 1871 г. является ее стихийный характер не только в смысле слишком слабой организованности масс, но и в смысле значительного преобладания классового инстинкта над классовой сознательностью и в борьбе, и в строительстве Коммуны. «В Парижской Коммуне, — говорит по этому поводу В. И. Ленин, — новый тип (государства) просуществовал несколько недель, в одном городе и притом без сознания того, что делали. Коммуны не понимали те, кто ее творил, ибо они творили при помощи чутья гениально проснувшихся масс, но ни одна фракция французских социалистов не сознавала, что она делает» (1).

Этому слабому уровню сознательности соответствовала нечеткая, отчасти ошибочная постановка основных задач революции. «Восставший против старого режима пролетариат, — пишет в другом месте Ленин, — взял на себя две задачи: общенациональную и классовую, освобождение Франции от нашествия Германии и социалистическое освобождение рабочих от капитализма. В таком соединении двух задач — оригинальнейшая черта Коммуны» (2). Но в этом же соединении источник того внешнего впечатления идейной слабости и противоречивости пролетарской революции, которое дало мелкобуржуазным историкам некоторую видимость основания отрицать ее пролетарский, социалистический характер и видеть в ней только республиканско-демократическое и патриотическое движение.

Понадобился гений Маркса и Ленина, чтобы показать, чем была в действительности Парижская Коммуна, и обнаружить под внешними формами «эпизода» событие величайшего исторического значения. Коммуна, — утверждал Маркс, — была «громким историческим событием», «всемирно-исторической драмой»; Ленин видел в Коммуне «величайший образец величайшего пролетарского движения XIX в.», «громкой важности исторический опыт, известный шаг вперед всемирной пролетарской революции».

Блестящие страницы, посвященные Марксом, Энгельсом и Лениным Парижской Коммуне, показали, в чем ее сокровенная сущность, ее «тайна»: она была «первым правительством рабочего класса», «диктатурой пролетариата», «существенно новым типом государства», «той давно искомой полигической формой, в которой могло бы совершиться экономическое освобождение труда».

Эта исключительно высокая оценка исторического значения Коммуны исходит не из поверхностных аналогий с другими революциями и не из крохоборческого внимания к отдельным, разрозненным фактам данной революции, взятым вне всякой связи

SA MAJESTÉ !!!

DU L'HABIT NE FAIT PAS LE MOINE

ЛУИ НАПОЛЕОН

Под карикатурой подпись «Его величество!!! или «платье не делает монахом»

с целым и без понимания этого целого. Какое значение имеет, например, то обстоятельство, что во главе пролетарской революции оказалось немало зараженных мелкобуржуазными предрассудками интеллигентов, что насущнейшие интересы революции и рабочего класса подчас приносились в жертву отвлеченным принципам буржуазной демократии; что Коммуна, как констатирует в одном месте Ленин, «слишком медлила с введением социализма»? Критерием для оценки революции не могут служить только те

или иные ее социальные мероприятия. В «Гражданской войне во Франции» Маркс прямо говорит, что «великим социальным мероприятием Коммуны было ее собственное существование... отдельные меры, предпринимавшиеся ею, могли обозначить только направление, в котором развивается управление народа посредством самого народа».

В этих словах выражен основной подход Маркса к историческому изучению Коммуны, частный случай применения его исторической методологии. В совокупности фактов, составляющих историю Коммуны, не столько самые эти факты, сколько выражаемая ими тенденция имеет решающее значение. Коммуну нужно изучать не как законченное, застывшее и неизменное с начала до конца явление, не только как уже готовую, хотя еще «неполную» диктатуру пролетариата, но и как процесс развития этой диктатуры.

Нетрудно показать, что именно так подходит к рассмотрению Коммуны и В. И. Ленин. В своей статье «Памяти Коммуны» после указания, что власть в результате революции 18 марта перешла к пролетариату, он пишет: «Но в современном обществе пролетариат, поработанный капиталом экономически, не может господствовать политически, не разбивши своих цепей, которые приковывают его к капиталу. И вот почему движение Коммуны должно было неизбежно получить социалистическую окраску, то есть начать стремиться к ниспровержению господства буржуазии, господства капитала, к разрушению самых основ современного общественного строя». Но такой характер движение получило не сразу: «вначале оно было, — констатирует Ленин, — крайне смешанным и неопределенным».

Далее, ставя в «Государстве и революции» вопрос о союзе пролетариата с беднейшим крестьянством, как гарантии социалистического перерастания революции, Ленин замечает: «к такому союзу, как известно, и пробивала себе дорогу Парижская Коммуна, не достигшая цели в силу ряда причин внутреннего и внешнего характера». Коммуна снова таки и здесь рассматривается как трудный процесс перехода диктатуры пролетариата с низшей на высшую ступень.

Точно также в «Материалах по подготовке брошюры «Государство и революция», анализируя письмо Маркса к Кугельману, в котором отмечается необходимость «разбития» государственной машины буржуазии при переходе власти в руки пролетариата, Ленин пишет: «Это Коммуна и начала (подчеркнуто в оригинале) делать, но не доделала, к сожалению».

ДЕНЬ 4 СЕНТЯБРЯ
Провозглашение республики на площади Рагуши

Отсюда видно, что если Парижская Коммуна была неполной, несовершенной диктатурой, то это объясняется не только тем, что она допустила в своей деятельности ряд крупнейших ошибок, частично неизбежных в условиях французского общества 1871 г., но еще и тем, что у нее не оказалось достаточного времени для раскрытия всех заложенных в ней возможностей. Развитие первой в истории диктатуры пролетариата было насильственно прервано вступлением в Париж версальцев, полным подавлением революции. Тем большее значение имеет направление этого развития, общие тенденции предпринятых Коммуной социально-экономических мероприятий, бывших сами по себе весьма недостаточными и весьма скромными по своим масштабам.

Изучая деятельность Совета Коммуны, как органа пролетарской диктатуры, мы должны будем неоднократно убеждаться в том, что последний далеко не всегда был на высоте задач, возложенных на него революцией. И якобинско-бланкистское большинство Совета, и его прудонистское меньшинство допускали в своей работе ошибки, которые вовсе не обязательно вытекали из обстановки, не были неизбежными. Суровой критикой, иногда прямым давлением на органы власти приходилось иногда передовому пролетариату Парижа выпрямлять линию их поведения; но эта критика всегда была критикой с в о е й власти, это давление

со стороны пролетариата постоянно обнаруживало глубину и органический характер той связи, которая существовала между революционной властью и выдвинувшей ее массой. Но и помимо того, даже учитывая все слабости и ошибки Совета Коммуны, мы должны помнить, что нельзя смешивать, а значит отождествлять государство с правительством. «Наше государство, — пишет И. В. Сталин в «Вопросах ленинизма», — есть организация класса пролетариев в государственную власть, призванную подавлять сопротивление эксплуататоров, организовать социалистическое хозяйство, ликвидировать классы и т. д. Наше же правительство есть верхушка этой государственной организации, ее руководящая верхушка. Правительство может ошибаться, оно может допустить ошибки, угрожающие временным провалом диктатуре пролетариата, но это еще не будет означать, что пролетарская диктатура является неправильной или ошибочной... это будет означать лишь то, что руководящая верхушка плоха, что политика руководящей верхушки, политика правительства не соответствует диктатуре пролетариата, что эта политика должна быть изменена в соответствии с требованиями диктатуры пролетариата» (2). Эти слова могут быть целиком отнесены к ошибкам или слабостям Совета Коммуны, которые несколько не в состоянии изменить нашего представления ни о классовой природе государства Коммуны, ни о сущности его руководящей верхушки как органа пролетарской диктатуры.

При оценке деятельности Парижской Коммуны необходимо также постоянно иметь в виду, что она была лишь первым опытом диктатуры пролетариата, и следовательно, соблюдая историческую перспективу, мы не можем подходить к ней со всеми теми требованиями, тем мерилom, которое выработалось у нас на основании опыта нашей диктатуры. Мы, как указывал неоднократно В. И. Ленин, стоим на плечах Парижской Коммуны, наш пролетариат и наша коммунистическая партия учились не только на достижениях, но и на ошибках Коммуны, и уже одно это заставляет нас несколько иначе подходить к этим ошибкам, чем к ошибкам, скажем, пролетарской диктатуры в Баварской советской республике или Венгерской советской республике.

И, наконец, самое важное соображение. Буржуазные историки, подчеркивая недостаточность и слабую эффективность социально-экономических мероприятий Коммуны, хотят отсюда сделать вывод, что в Коммуне ничего не было ни социалистического, ни даже революционного (Ларонз, Сеньбос, Лепельтье); социал-соглашательские историки стремятся на этом же основании извратить самое понятие диктатуры пролетариата у Маркса и Энгельса (Каутский, Маутнер и др.). Но, как блестяще показал

В. И. Ленин в «Государстве и революции», Маркс и Энгельс видели сущность Коммуны не в ее социально-экономических мероприятиях, а в том, что она была особым типом государства, таким, которое уже не было государством в собственном смысле слова, а переходной ступенью к уничтожению вообще всякого государства. Точно также, в «Письмах о тактике» Ленин писал:

МАРШАЛ БАЗЕН
Шарж Фостена

На доске висельника надпись «Благославная Франция—маршалу Базену»

«Тов. Каменев немножечко нетерпеливо размахнулся и повторил буржуазный предрассудок насчет Парижской Коммуны, будто она «немедленно» хотела вводить социализм. Это не так. Коммуна, к сожалению, слишком медлила с введением социализма. Действительная суть Коммуны не в том, где ее ищут обычно буржуа, а в создании особого типа государства».

Итак, рассмотрение Коммуны как особого типа государства является центральным пунктом в марксо-ленинской концепции истории Коммуны.

Исходным пунктом развития Коммуны, как государства, как диктатуры пролетариата, была революция 18 марта, низвергшая в Париже власть буржуазии и передавшая власть в руки пролетариата. Отсюда, следовательно, мы должны вести историю Коммуны, историю первой пролетарской революции 1871 г. Но основные элементы этой революции были уже заложены в предше-

ствовавшем периоде революционного движения французского пролетариата. Прежде всего, переворот 4 сентября 1870 г. сыграл немалую роль в интенсивности развития этого движения. Переворот 4 сентября, низвергший империю, хотя и выразился только в переходе угнетательской машины буржуазного государства из рук одной кучки обанкротившихся эксплуататоров в руки другой, еще более отвратительной кучки представителей капиталистической реакционной буржуазии, но он сильно пошатнул авторитет этой машины и имел своим непосредственным результатом вооружение рабочего класса. Таким образом это событие создало две важнейшие предпосылки для возможности перехода власти в руки пролетариата. Первые попытки в этом направлении были сделаны уже 31 октября 1870 г. и 22 января 1871 г., причем тогда на первый план выступала еще только «общенациональная задача освобождения Франции от нашествия Германии». Таким образом 18 марта парижский пролетариат имел уже опыт этих двух неудачных восстаний, его политическая зрелость и его организованность несколько—хотя, к сожалению, очень еще недостаточно—возросли, и благодаря этому революция 18 марта могла оказаться более радикальной, более глубоко подорвавшей самые устои буржуазного общества и государства. Таким образом изучение предшествовавшего периода революционной борьбы поможет нам понять, как сумел парижский пролетариат за кратчайший исторический период времени, бывший в его распоряжении, обнаружить столь относительно большое богатство форм политического и социально-экономического строительства.

Революционное движение между 4 сентября и 18 марта довольно явственно делится на два периода: до и после появления Национального собрания или до и после капитуляции Парижа. Если в первом периоде наиболее сильно звучал патриотический лозунг спасения отечества от иностранного завоевания, то во втором ближайшей, непосредственной целью движения было спасение республики от монархического заговора реакционной буржуазии и кулацко-дворянской «деревенщины», заседавшей в Национальном собрании. В первом периоде также более заметной является роль провинциального пролетариата в революционном движении, в то время как во втором—пролетариат Парижа, освобожденного от прусской осады, выступает более решительно в качестве руководителя и передового отряда всего французского рабочего класса. Наконец в период от февраля до марта создаются новые организационные формы движения: реорганизуется центральный комитет 20 парижских округов, возникает центральный комитет национальной гвардии, по разным направлени-

ям делаются попытки консолидации, собирания всех сил революции.

Пробуждающаяся инициатива масс, творческая подготовительная работа революции, вызвавшая восхищенное замечание Маркса: «снова кипит котел у чародейки-истории» — вот что особенно бросается в глаза изучающему этот относительно слабо разработанный этап революционного движения.

Но понять революцию 18 марта и созданную ею диктатуру пролетариата можно, только спустившись еще глубже, к периоду зарождения пролетарского революционного движения, к периоду возникновения социально-экономических и политических предпосылок всего движения — следовательно, к периоду второй империи. Здесь, помимо общей характеристики экономики Франции и изучения классовых антагонизмов французского общества, перед нами будут стоять два основных вопроса: вопрос об объективных условиях революции и вопрос о «гарантиях» ее успеха.

Была ли подготовлена Франция всем своим предшествующим развитием к переходу власти в руки рабочего класса? В чем именно следует искать основных, конечных причин его решительного поражения? В каких условиях дореволюционного развития скрыты корни тех «ошибок» Парижской Коммуны, которые ускорили ее гибель?

Отсюда следует отличать ту обстановку, в которой пролетариату пришлось брать власть, совокупность тех главным образом внешних факторов, которые сами по себе не вызвали революции, не определили ее характера и ее тенденций, но оказали заметное влияние на ее исход. 17 апреля 1871 г., когда ничто еще не предвещало трагического конца революции, Маркс писал Кугельману об ее перспективах: «Решающий неблагоприятный случай на этот раз следует искать отнюдь не в общих условиях французского общества, а в присутствии в пределах Франции и у ворот самого Парижа пруссаков». Таким образом, Маркс здесь явно отличает объективные предпосылки пролетарской революции («общие условия французского общества») от гарантий ее успеха. Мысль Маркса здесь, очевидно, состоит в том, что раз революция уже произошла, раз власть уже перешла к пролетариату, то на дальнейшее развитие событий непосредственно оказывают влияние уже не только эти общие условия, а и внешняя обстановка, в которой очутилась революция, в данном случае — «присутствие в пределах Франции пруссаков».

Помимо общего тормозящего влияния, которое немецкая оккупация оказывала на революцию, здесь имеется в виду и скрытая интервенция оккупантов в гражданскую войну и реальная угроза открытой интервенции. Следуя указанию Маркса о важ-

ном значении немецкой оккупации в классовой борьбе 1871 г., мы должны уделить достаточное внимание и этому вопросу, к сожалению, наименее разработанному из всех вопросов истории Парижской Коммуны.

ФРАНЦИЯ ЭПОХИ ВТОРОЙ ИМПЕРИИ

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ

1. — 50—60-е года в Зап. Европе отмечены исключительной активностью промышленного капитала, достигающего в этот период своей полной зрелости. Использование в промышленности ряда научных открытий, ранее не выходявших за пределы лабораторий, распространение множества технических изобретений в усовершенствований (бессемерование стали, сельфакторы, водяные турбины, динамическое электричество, анилиновые краски), проникновение механизмов и машин в самые отсталые прежде отрасли промышленности и создание ряда новых отраслей (химическая промышленность и проч.), невиданный рост морского и железнодорожного транспорта и улучшение средств связи раздвинули сферу приложения капитала до необъятных размеров. Ряд предпринятых в это время гигантских работ международного характера — Трансатлантический кабель, Монсениский туннель, Суэцкий канал — являются свидетельством технической мощи, достигнутой промышленным капиталом, а также его предприимчивости и уверенности в своих силах, которой в немалой степени содействовали вошедшие именно тогда в обиход всемирные промышленные выставки (в 1851 и 1862 гг. в Лондоне, в 1855 и 1867 гг. в Париже). В числе двух-трех стран, шедших во главе этого быстрого экономического развития, находилась и Франция второй империи.

Вот несколько данных, свидетельствующих об ее промышленных успехах. Добывание каменного угля с 1852 по 1869 г. утроилось в количественном и учетверилось в ценностном выражении (в 1852 г. 4,9 млн. тонн, в 1869 г. 13,46 млн. т.); производство чугуна возросло в два с половиною раза (523 тыс. т. и 1 400 тыс. т.), железа и стали свыше чем втрое (320 тыс. и 1 014 тыс. т.), цветных металлов в десять раз (на сумму 6,7 млн. фр. в 1852 г. и на сумму 69,8 млн. в 1869), сахара в четыре раза (59 и 248 млн. кг.). Количество хлопка, перерабатывае-

мого в текстильной индустрии, увеличилось с 1847 г. более чем вдвое (57,4 млн. кг. и 122,7 м. кг.), шерсти почти в шесть раз (19,5 и 109,5 млн. кг.), льна и конопли в три раза (22 и 69 млн. кг.). Одновременно сильно повысилось техническое оборудование промышленности и мощность силового хозяйства. В 1852 г. в промышленности Франции насчитывалось 6 080 машин мощностью в 76 тыс. л. с., в 1869 г. — 26 221 м. мощностью в 320 тыс. л. с. По количеству веретен, занятых в хлопчатобумажной промышленности, Франция вышла на одно из первых мест (6,5 млн. веретен, против 2,5 млн. в Германии), по количеству веретен в производстве шерстяных тканей — на первое (3,3 млн. вер. против 2,5 млн. в Англии и 650 тыс. в Пруссии). Чрезвычайно велики были также успехи в области железнодорожного и морского транспорта. Протяжение железнодорожной сети возросло с 1850 г. почти в шесть раз (3 010 км. в эксплуатации в 1850 г. и 17 924 км. в 1870 г.), тоннаж парового флота — втрое (150 пароходов водоизмещением в 3 735 тыс. тонн в 1850 г. и 454 парохода в 10 954 тыс. тонн — в 1869 г.). Наконец, длина телеграфных линий за очень короткое время достигла 41 тыс. километров.

Для характеристики промышленного развития Франции укажем еще следующую деталь: такое предприятие, как Суэцкий канал, было выполнено не только на французские капиталы и французскими инженерами, но и при помощи французских машин (3).

Подъем промышленности, улучшение транспорта и связи способствовало быстрому увеличению торгового оборота. По темпам роста внешней торговли Франция того времени обогнала остальные европейские страны. За период 1850—1869 гг. этот темп выражался для Бельгии 7,8% ежегодного прироста, для Англии 5,2%, для Немецкого таможенного союза 4,4%, для Франции 10,2%! Вообще за время второй империи размеры французской внешней торговли возросли почти в четыре раза (с средней цифры 1 631,6 млн. за пятилетие 1842—47 гг. до 6 227 млн. в 1869 г.). При этом Франция имела неизменно активный баланс, результатом чего был усиленный ввоз драгоценных металлов — всего на сумму около 13 миллиардов франков, из коих было вывезено обратно за границу только 8 миллиардов (4).

Этот золотой поток превратил Францию, подобно современным САСШ, в «банкира всего света» и держателя крупнейшего в мире золотого запаса. Об этом свидетельствуют, между прочим, размеры и характер операций Парижской биржи. В 1867 г. здесь было размещено ценных бумаг на сумму в один миллиард,

ТЬЕР И ЖЮЛЬ ФАВР ПОД ОХРАНОЮ ПРУССКИХ ОФИЦЕРОВ ОБСУЖДАЮТ ВОПРОС
О КАПИТУЛЯЦИИ ПАРИЖА

в 1868 г. — на 1 943 500, в 1869 г. — на 2 945 444 000, за первую треть 1870 г. — на 1 048 000 000. От 500 до 900 миллионов из этих сумм ежегодно уходило за границу. «Несмотря на огромные размеры сумм, вложенных таким образом в биржевые бумаги, — замечает современный экономист Теро, приводя эти цифры, — не видно уменьшения свободных капиталов; наоборот, следует признать, что плодovitость Франции в отношении капиталов поразительна: у нас хватает денег для любой нации и любого предприятия» (5). Общая масса бумажных ценностей за время империи возросла с 9 127 млн. фр. до 30 869 млн.

Не менее трети этих ценностей падало на долю иностранных бумаг. Характерной чертой французского капитализма было уже тогда помещение «свободных» средств в иностранные займы. Только за один 1868 г. к услугам Парижской биржи обратилось 14 государств (6). Огромные капиталы уходили таким образом на реализацию государственных займов Бразилии, Мексики, Перу, Туниса, Египта, Турции и т. п. стран, природными богатствами которых прожженные дельцы второй империи соблазняли держателя мелких сбережений. На помощь банкам и биржевым маклерам нередко приходили служители церкви, получавшие приличный процент «на добрые дела» со стоимости ценных

бумаг, размещенных ими в среде прихожан (7). Авантюрный большею частью характер этих займов благоприятствовал развитию самой разнузданной биржевой игры, разорявшей мелких держателей и позволявшей бешено наживаться крупным биржевым спекулянтам. «Нечестность, — писал по этому поводу Прудон, — царит в нравах, пиратство в делах».

Подобный способ использования значительной части капиталонакоплений придавал французскому капитализму ярко выраженный рантьеерско-ростовщический характер. Вследствие этого успехи, достигнутые в промышленности, далеко не соответствовали экономическим возможностям Франции эпохи второй империи. Так, в производстве средств производства, требующем особенно больших капиталовложений, темпы развития были значительно ниже, чем в Пруссии, Англии и Бельгии (8). Сравнительно слабым был также темп роста акционерных обществ, несмотря на то, что закон 1863 г. очень благоприятствовал их возникновению: (126 ежегодно вновь возникавших акц. обществ за период 1866—70 гг. против 292 за следующее пятилетие и 419 за годы 1876—80). Далее отметим, что доля тяжелой индустрии в общей промышленной продукции продолжала оставаться еще очень незначительной. В то время как стоимость ежегодного производства только предметов одежды и туалета составляла 1,4 миллиарда, продукция всей рудной и каменноугольной промышленности оценивалась в 265 млн., а всей металлообрабатывающей промышленности — в 300 млн. фр. Выражением известной промышленной отсталости служило и то, что во всех важнейших отраслях легкой промышленности, особенно в текстильной (первой по значению, с годовой продукцией в 3,4 миллиарда и с количеством рабочих в тринадцать раз большим, чем во всей рудной промышленности), упорно продолжали держаться архаические формы домашнего производства. И наконец — что также является немаловажным признаком отсталости — промышленность второй империи характеризуется решительным преобладанием мелких и мельчайших предприятий с числом рабочих менее 10 чел. Из общей суммы промышленной продукции 1869 г. в 12 792 млн. фр. на долю мелкой промышленности приходилось 6 442 млн., но и эта цифра должна быть сильно увеличена, так как французская статистика в се текстильное производство относит к крупной индустрии, что совсем неверно. Крупные промышленные предприятия современного типа, с тысячами занятых рабочих и полной механизацией производственных процессов, наподобие заводов Крезю, текстильных фабрик Мюльгауза, газовых и машиностроительных заводов Парижа, хотя были уже нередким явлением в промышленной

Франции и число их непрерывно возрастало, но все же в ряде важнейших отраслей промышленности они еще тонули в море мелких предприятий.

Все это в значительной степени является результатом упомянутого выше ростовщически-рантьеерского уклона французского капитализма. Но оригинальнейшей чертой его является то, что наряду с таким уклоном в его деятельности обнаруживаются и совершенно новые тенденции, являвшиеся до некоторой степени уже предвестниками будущей монополистической стадии капитализма.

Возьмем экспорт капиталов. Представление об его чисто ростовщических целях является не совсем верным. Этот экспорт уже тогда преследовал, хотя только частично, вполне современную задачу — расширения иностранных рынков для французской продукции и привлечения иностранных заказов к французской промышленности. Из данных анкеты 1864—66 гг. «о денежном и кредитном обращении» видно, что наиболее воспользовалась этим источником получения заказов промышленность, изготавливающая оборудование железных дорог. Капиталисты, принявшие участие в анкете, подчеркивают, что благодаря этому «большая часть капиталов, вложенных в иностранные государственные займы, постепенно и окончательно возвращается в страну своего происхождения» (9).

Но еще разительнее новые тенденции проявляют себя в быстрой концентрации промышленного капитала и уже начавшемся сращивании его с капиталом банковским. Уже в 1863 г. все банки, океанские пароходства, железные дороги, рудники и каменноугольные копи, крупнейшие фабрики и заводы были организованы в акционерные общества с капиталом в двадцать миллиардов франков. Управление и контроль над всеми этими предприятиями были сосредоточены в руках 183 финансистов. Братья Перейры «контролировали» 37 компаний; Ротшильд — 27, банкир Малле — 22, банкир Бишовсгейм — 14 и т. д. (10).

Чтобы понять, как уже в период второй империи банковский капитал накладывает руку на промышленные предприятия, концентрирует их, основывает новые и т. п., достаточно рассмотреть деятельность двух крупных банков — «Движимого кредита» и «Генерального общества промышленного и торгового кредита».

«Движимый кредит», основанный братьями Перейр в 1853 г., имел своей задачей «руководить движением капитала и направлять его в предприятия, достойные его внимания». Концентрация капиталов осуществлялась банком путем выпуска акций и облигаций на продолжительный срок и в «неограниченном количестве». Более сложные финансовые операции преследовали

цель — на базе аккумулированных таким образом капиталов — поставить под контроль банка важнейшие предприятия Франции и даже заграницы.

Далеко не все эти грандиозные планы уже вполне современного типа удалось осуществить. Правительство отказало им в поддержке, а капиталисты старой формации и даже Французский банк ставили на каждом шагу преграды новой организации. В конце концов она погибла, выродившись в чисто спекулянтское предприятие для биржевой игры. Однако ею были все же намечены новые пути для деятельности банковского капитала. «Движимый кредит» содействовал слиянию мелких железнодорожных компаний в более крупные и постройке новых железных дорог; основал 4 анонимных акционерных товарищества для эксплуатации Луарских угольных копей; объединил в одну крупную компанию омнибусов отдельные транспортные предприятия Парижа; слил в одну шесть парижских газовых компаний и т. п.

Аналогичную деятельность развернуло «Общество промышленного и торгового кредита». В 1865 г. оно выпустило акции «Генерального общества морского транспорта» на 20 млн. фр.; в 1866 г. пытается основать «Генеральное общество экспорта и импорта»; в 1868 г. кредитует ряд предприятий — железные дороги, шахты, металлургические заводы и т. п.; в 1869 г. основывает «Генеральное общество государственных и частных строительных работ», увеличивает капиталы испанских рудников, организует ряд новых акционерных компаний особенно в металлургии и железнодорожном строительстве.

Большинство кредитных учреждений, не исключая крупнейшего из них — Французского банка — пошли по тому же пути финансирования крупных предприятий и активного вмешательства в промышленную жизнь. Появились, наконец, банкиры (вроде знаменитых Перейр, Миреса и др.), которые по характеру своей деятельности многим уже напоминают современных королей финансового капитала.

Приведенные здесь данные, конечно, нисколько не меняют общей картины экономики Франции. Несмотря на большие промышленные успехи, несмотря на появление кое-где первых признаков намечающегося перехода к монополистической стадии развития, основным фоном этой картины продолжает все же оставаться легкая индустрия и мелкие предприятия. «К 1871 г., — говорит В. И. Ленин, — французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.)». Особенно это справедливо по отношению к политическому и экономическому центру страны — Парижу. Тем более резким был

ДЕНЬ 31 ОКТЯБРЯ

Арест правительства национальной обороны в здании Ратуши

контраст между этим фоном и появившимися на нем в период империи узорами предприятий совершенно нового типа: подобное сочетание значительной отсталости в одних областях хозяйственной жизни и элементов полной зрелости, предвосхищавшей дальнейшее развитие — в других, в XIX ст. не встречается больше нигде в Зап. Европе. В этой своеобразной черте французской экономики можно искать конечных причин наибольшего обострения классовой борьбы именно во Франции; она же позволяет нам объяснить, почему впервые в этой стране сделалась возможной и первая попытка диктатуры рабочего класса, и неизбежность ее поражения.

2. — За время второй империи население Франции возросло с 36 до 37,5 млн., причем население городов увеличилось не только абсолютно, но и относительно благодаря непрерывному притоку рабочих из села. В 1851 г. в городах было сосредоточено 25,5% всего населения, в 1872 г. — 31,1%. Один только Париж с 1851 г. по 1864 г. увеличил число своих жителей с 1 277 тыс. до 1 825 тыс., Лион до 320 тыс., Марсель до 300 тыс., Бордо до 200 тыс. Наоборот, сельское население сократилось абсолютно, хотя и незначительно: на 157 тыс. человек.

Что касается состава населения, то согласно переписи 1866 г. из 15 192 763 чел., имевших какую-либо профессию, 7 231 683 чел. было занято в сельском хозяйстве, 4 715 804 в промышленности, 972 793 в торговле, 1 273 117 в домашнем хозяйстве и около миллиона приходилось на государственных служащих и так наз. либеральные профессии. Однако установить сколько-нибудь точно на основании этой или других переписей эпохи империи число промышленных рабочих совершенно невозможно. Вероятно, оно было близко к 3 миллионам, причем около 40% из них было занято в крупной и свыше 60% в мелкой промышленности (11). Во всяком случае, промышленный пролетариат количественно сильно вырос за время империи. Некоторое представление об этом дают цифры, относящиеся к Парижу. В 1847 г. в нем насчитывалось 342 530 рабочих, занятых в 64 816 промышленных предприятиях, в 1860 г. — 439 000 в 101 171 предприятиях. Отсюда видно, между прочим, что число рабочих мелкой промышленности, по крайней мере в Париже, возрастало даже быстрее, нежели число рабочих крупной. По данным 1860 г. здесь числилось 61,2% предприятий, имевших только одного рабочего или совсем их не имевших, 31,1% предприятий, насчитывавших от 2 до 10 рабочих, и только 7,4 с числом большим 10. Таким образом, если мы имеем в Париже наиболее значительное во всей Франции скопление пролетариата, то здесь же был и наиболее ярко выражен его кустарно-ремесленный характер. К концу империи, по расчетам Н. М. Лукина, на транспорте, в крупнейших коммунальных и фабрично-заводских предприятиях современного типа было занято в Париже не свыше 50 тыс. человек. В развитии революции 1871 г. это обстоятельство сыграло немаловажную роль, будучи одной из причин организационной и теоретической слабости рабочего класса.

Материальное и правовое положение французских рабочих за все время империи оставалось очень тяжелым. Вопреки закону сентября 1848 г. рабочий день, как правило, превосходил в Париже 11, а в провинции 12 часов, доходя до 13 и более часов в Сент-Этьенне, до 15 в промышленных заведениях департаментов Орна и Верхней Луары, до 17 ч. в лионских мастерских и т. д. Луарские углекопы по 10 часов подряд принуждены были работать в шахтах. В области детского труда империя оставила в силе закон 1841 г., разрешавший эксплуатацию детей с 8-летнего возраста, но даже и этот закон не соблюдался ввиду отсутствия фабричной инспекции. Статья 1781 гражданского кодекса, дававшая веру простому заявлению хозяина по вопросу о выплате заработной платы, и статьи уголов-

ного кодекса, сурово каравшие любые совместные выступления рабочих, отдавали их полностью на произвол предпринимателя. Закон империи о рабочих книжках ставил пролетария под несусыпный надзор полиции. К этим законам предприниматели присоединяли свои собственные. Многие из них, особенно железнодорожные компании, требовали от принимаемых на службу удостоверения в том, что они не занимаются политикой. Часто обязательным условием пребывания на работе ставилось регулярное посещение церкви. При благосклонном содействии центральной и местных властей на всех крупных предприятиях были введены драконовские правила внутреннего распорядка и широко применялась система штрафов и вычетов из заработной платы за малейшее их нарушение.

Но и независимо от этого и в еще большей степени положение рабочих ухудшалось в результате непрерывного падения реальной заработной платы. Правда, благодаря общему экономическому оживлению и строительной политике Наполеона III, следовавшего в этом традициям первой империи, французский пролетариат почти не страдал от безработицы, и его номинальная заработная плата даже несколько увеличилась. Но это увеличение с избытком поглощалось бешеным ростом дороговизны. Данные официальных анкет, исследования современных буржуазных экономистов и показания самих рабочих единодушны в констатировании этого факта, расходясь только в цифрах. Например, в анкете 1856 г. дается такое общее заключение: «В то время как цены на продукты питания возросли на 45%, заработная плата увеличилась только на 17% (12). Рабочие делегаты на Лондонскую выставку 1862 г. оценивают в своих отчетах рост дороговизны в 50%, а заработной платы в 9-10%. Анализы рабочих бюджетов, сделанные экономистами второй империи, показывают, что большинство этих бюджетов дефицитны. Таким образом можно констатировать снижение жизненного уровня рабочих за время империи, которое было для них особенно чувствительным на фоне быстрого роста национального богатства и скандальной расточительности господствующих классов. Следует отметить, что женщины-работницы ухудшением материального положения были затронуты еще более, чем мужчины, так как при общей для всех дороговизне их номинальная заработная плата испытала и абсолютно, и относительно меньшее повышение (13). Исключительно активная роль работницы в революции 1871 г., несомненно, находится в известной связи с этим фактом.

Перед усиленным наступлением капиталистов на рабочий день и заработную плату французский пролетариат был, особен-

но в первое десятилетие империи, почти совершенно бессилён. Его профессиональные и кооперативные организации, возникшие главным образом в 1848 г., за редкими исключениями были целиком уничтожены в период господства крайней реакции 1849—52 гг. Попытки рабочих противопоставить хозяевам стачку, как орудие самозащиты, подвергались суровым административным и судебным преследованиям. По официальным, разумеется оптимистическим данным, между 1853 и 1859 гг. было по делу о стачках возбуждено 749 процессов, привлечено к суду 4 652 и осуждено 3 909 рабочих (14). Вынужденное рабочими у правительства в 1864 г. право коалиций нисколько не улучшало положения. Закон не разрешал, а только терпел стачку, и то лишь при условии ее «мирного» характера, заведомо невозможного ввиду того, что запрет собраний и каких бы то ни было организаций рабочих попрежнему оставался в силе. Стачное движение, начиная с 1865 г., чрезвычайно усилилось, но стачки протекали стихийно, неорганизованно и в большинстве случаев заканчивались поражением. Такими были, напр., стачки возчиков (1865), портных (1867), бронзовщиков (1867) в Париже, грузчиков в Марселе, текстильных рабочих в Сент-Этьенне и Лионе (1865), прядильщиков в Рубе (1867) и проч.

Росту стачечного движения отчасти предшествовало, а отчасти с ним совпало общее повышение общественной и политической активности передовых элементов рабочего класса. Среди них в ту пору еще господствовала мелкобуржуазная, объективно реакционная идеология прудонизма. Прудон осуждал стачки и видел в уже возникавших понемногу рабочих ассоциациях, в кассах взаимопомощи, обществах взаимного кредита и различных видах кооперации — производительной, жилищной, потребительской — зародыш нового общества, основанного на принципе взаимности услуг — мютюализме. С 1863 г. ученики Прудона, вышедшие из рядов мелкой буржуазии и рабочего класса, Бельюз, Верморель, Толен и др., дают сильный толчок развитию кооперативного движения; журналы «Ассоциация», «Взаимость», газета «Французский курьер», служили им для пропаганды идей учителя. Результаты ее нельзя было назвать блестящими. Между 1863 и 1868 гг. в Париже и провинции возникает несколько десятков производительных ассоциаций, небольшое число обществ взаимного кредита, кооперативных лавок и столовых и один кооперативный банк «Кредит труду». Однако сама жизнь сурово разбивала прудонистские иллюзии. Производительные ассоциации быстро разлагались, либо оказываясь нежизнеспособными, либо перерождаясь в предприятия с эксплуататорскими тенденциями (15); кооперативный банк лопнул, а подозритель-

ное сочувствие буржуазии и правительства к кооперации, которую особенно последнее стремилось прибрать к рукам при помощи специального закона 1867 г., лишало ее симпатий широких рабочих масс. Только рабочие кассы взаимопомощи продолжали развиваться, но уже не в прудонистском духе, а как суррогат запрещенных законом профессиональных союзов и опора стачечной борьбы.

«Я НАСЫТИЛСЯ!!! ДО
ОСТАЛЬНОГО МНЕ И
ДЕЛА НЕТ!»

Карикатура Домье на парижского буржуа в период осады и голода

Кооперативное движение не могло принести сколько-нибудь значительной пользы пролетариату в условиях императорского режима, стремившегося развратить его верхушку политикой мелких подачек. Можно даже присоединиться к мысли Ж. Вейля, что рабочие ассоциации «не только не служили делу пролетариата, но отвлекали его от социальной пропаганды и поглощали заботой ежедневной борьбы за существование наиболее активных и интеллигентных людей рабочего класса» (16).

Впрочем, часть по крайней мере передовых рабочих уже с 1860 г. начинает втягиваться и в политическую борьбу. Этому косвенно содействовало само правительство, стремившееся через их посредство приобрести влияние на рабочие массы, которые его все более тревожили своей вновь пробудившейся активностью и нескрываемой враждебностью к империи. Шабо, Базен и еще несколько рабочих, завербованных с этой целью принцем Наполеоном и получивших в свое распоряжение газету «Национальное мнение», развернули в рабочих кварталах бонапартистскую пропаганду, но без заметного успеха. Стремление правительства рассеять недоверчивость рабочих и дать им залог

своего благожелательства путем посылки в 1862 г. двухсот избранных ими делегатов на Лондонскую промышленную выставку имело тот неожиданный результат, что опыт английского рабочего движения и идеи международной рабочей солидарности приобрели многочисленных сторонников среди верхушки французского пролетариата. К этому времени из числа наиболее развитых и сознательных парижских рабочих выделился тот политический «актив», который начинает задавать тон рабочему движению, выставляет впервые на выборах в 1863 г. в законодательную палату рабочую кандидатуру против буржуазной, публикует знаменитый Манифест 60-ти, выражающий, хотя и в прудонистской форме, волю рабочего класса к самостоятельной политической роли, создает в Париже первые секции Интернационала, использует буржуазную прессу — за неимением собственной — для пропаганды своих идей, формулирует основные требования пролетариата, — словом, выполняет некоторые функции отсутствующей политической рабочей партии.

Парижская организация Интернационала, которая до 1867 г. насчитывала не более 600 членов и, всецело поглощенная теоретической работой, влачила малозаметное существование, теперь завоевывает, благодаря активному участию в стачечной борьбе, симпатии широких рабочих масс. Тысячи рабочих после удачной или неудачной стачки записываются в Интернационал, иногда целыми предприятиями, мастерскими или заводами. Возникают новые секции Интернационала в Париже, число которых к 1869 г. достигло 25, и в провинции — в Лионе, Марселе, Руане, которые становятся центрами областных федераций Интернационала.

Все это тем более должно было встревожить и правительство, и буржуазию, что в рабочем движении, наряду с прудонизмом и его мирной пропагандой экономических реформ, начинают пробиваться новые течения — революционного коммунизма (не в виде научно-обоснованной, стройной системы марксизма, а в той неразвитой, рудиментарной форме, которую он получил у Огюста Бланки), революционного анархизма Бакунина и туманного коллективизма Мильера, Бриона и других теоретиков, вышедших из парижской рабочей среды. Да и самый прудонизм, потерпевший поражение от коллективистов и приверженцев Маркса на Брюссельском конгрессе Интернационала в 1868 г., принужден был перестроиться и выступить в форме так называемого левого прудонизма, близко стоявшего к революционному социализму.

Этим течениям нетрудно было завоевать себе успех у рабочей массы, которая не забыла ни июньских дней 1848 г., ни социа-

листических надежд, порожденных революционным годом. Некоторые данные, приведенные у Тома в его истории второй империи, доказывают, как прочно держались среди рабочих социалистические традиции. Сведения из Кольмара в Эльзасе в 1852 г. говорят о том, что «все население заражено гангреной социализма». О том же свидетельствует донесение прокурора из Мюльгауза в 1853 г. Прокурор округа Дуэ констатирует в 1856 г. «стойкость республиканской партии, которая, проникши в массы, приняла социалистический характер». Аналогичные сведения неоднократно посылали в Париж прокуроры Лиона, Лиможа и других промышленных центров. В сердце каменноугольной промышленности, в Анзене, в 1856 г. было открыто тайное общество среди шахтеров. Следствием было установлено, что анзенские рабочие мечтали о национализации шахт и передачи их рабочим ассоциациям, для чего необходимо предварительно свергнуть империю и установить демократическую и социальную республику.

Но настоящее завоевание рабочих масс коммунистическими идеями в более развитой и теоретически уже несколько обоснованной форме относится лишь к последним двум-трем годам империи. Предоставленное правительством в 1868 г. право собраний, правда, в очень ограниченной форме и только для обсуждения узкого круга теоретических вопросов, создало все же сравнительно благоприятные условия для социалистической пропаганды. В Париже появляется ряд клубов, где перед громадными рабочими аудиториями проводилась оживленная дискуссия по экономическим и социальным вопросам, в которой наряду с представителями различных социалистических течений сначала приняли участие видные буржуазные экономисты. По словам одного из буржуазных участников этих дискуссий, Молинари, только за 9 месяцев 1868—69 г. состоялось в Париже около 400 заседаний и было произнесено до 3000 речей. Буржуазная пресса очень скоро вынуждена была констатировать, что поле битвы осталось за «мечтателями, социалистами и коммунистами» (17). Ибо не было никаких сомнений, на чьей стороне все симпатии слушателей. «Восьмимесячные дебаты на народных собраниях, — писал в начале 1869 г. один из революционных деятелей, — вскрыли тот поразительный факт, что большинство рабочих, активно стремящихся к общественному преобразованию, разделяют коммунистические взгляды». «Народные собрания, — тогда же сообщал другой, — все более и более приобретают окраску революционного коммунизма». Такой же вывод делает буржуазный наблюдатель: «На десять рабочих, инте-

ресующихся не только едою и питьем,— пишет Молинали,— девять уже социалисты или собираются стать социалистами».

Нельзя сказать, чтобы коммунистические идеи, развивавшиеся на этих собраниях, отличались полной ясностью или теоретической глубиной: Характер дискуссий скорее свидетельствовал о том, что в головах социалистических ораторов было еще достаточно путаницы и что они еще сами во многих случаях не освободились из-под влияния утопического социализма и мелкобуржуазных предрассудков. Но для политического и классового воспитания рабочей массы эти дискуссии сыграли огромное значение. Они убедили ее в неизбежности и необходимости социалистического переворота, «социальной ликвидации», как тогда любили выражаться, дали ей в руки — правда, еще несовершенное — теоретическое оружие для классовой борьбы и даже преподали ей некоторые элементы тактики этой борьбы (18).

Неудивительно, что в апреле 1870 г. на политических собраниях, которые созывались в связи с проведением плебисцита, даже рядовые рабочие выступали с речами, свидетельствовавшими об их политической зрелости. В то время как республиканская буржуазия высказывалась за отрицательный вотум, рабочие ставили вопрос о полном воздержании от участия в плебисците. Важно здесь не только то, что такая тактика в борьбе с империею сама по себе была тогда более правильною, нежели отрицательный ответ на предложение правительства утвердить либеральные реформы: важно, каким образом рабочие обосновывали эту свою тактику. «Отрицательный вотум, говорили они на собраниях, одобрен республиканской буржуазией, которая «сделала» июньские дни 1848 г. и выдвинула Кавеньяка. Народу нечего ждать от буржуазии, а ее республика стоит не больше империи, ибо эта республика будет не менее враждебна к социальным реформам» (19). Эти взгляды разделялись еще не всеми. Многие рабочие придерживались того мнения, что «теперь не время вспоминать старые споры, ибо нужно вместе с буржуазией бороться против общего врага — империи». Но во всяком случае, весь этот круг противоречивых идей показывает, как активно работала политическая мысль пролетариата в последние годы империи.

Однако то, что парижские пролетарии в эти годы выиграли в смысле политической и классовой сознательности, они потеряли в смысле организационном. Два процесса, возбужденные правительством против Интернационала в 1868 г. и закончившиеся осуждением его наиболее видных деятелей, основательно разгромили эту организацию. Французские делегаты на Брюссельском конгрессе Интернационала в 1868 г. могли даже за-

явить, что французских секций не существует больше. И хотя преследования против Интернационала подняли его моральный авторитет в глазах рабочей массы и, с другой стороны, заставили многих его организаторов пересмотреть свои взгляды в смысле их приближения к идеям революционного социализма, все же остается несомненным, что в самый критический момент революции — чужого рабочего движения, накануне больших классовых боев, не было даже того организационного ядра, вокруг которого могли бы собраться все политически активные элементы пролетариата. В отсутствии политической партии французского пролетариата, несмотря на то, что все условия для ее возникновения имелись налицо, заключалась самая глубокая трагедия революционного движения во Франции. К 1870 г. рабочий класс в этой стране созрел для своей революции, но еще не созрел для победы.

3. — Вопрос о победе пролетарской революции тесно связан с крестьянской проблемой. Какую позицию займет крестьянство в революции? Как оно будет реагировать на переход власти к пролетариату? Изменились ли с 1848 г. экономические условия на селе в такой степени, чтобы гарантировать пролетариату поддержку основных масс сельского населения? Эти вопросы для надвигающейся пролетарской революции имели тем большее значение, что Франция 60-х гг., несмотря на большие успехи ее промышленности, оставалась в значительной мере аграрной страной. Согласно данным переписи 1862 г., около 19 миллионов человек, т. е. 50% всего населения, было связано с сельским хозяйством, а проживало на селе еще больше: 70% всего населения.

Об аграрных отношениях во Франции второй империи могут дать представление следующие цифры. На 3 225 877 хозяйств, обследованных в 1868 г., 1 815 558 хозяйств владели менее чем 5 га, 619 847 — от 5 до 10 га, 363 769 — от 10 до 20 га и только 95 796 хозяйств насчитывали 30—40 га. Вообще на мелкое и мельчайшее землевладение приходилось 75,5% всех крестьянских хозяйств, на среднее — 19,7, на крупное — около 4,8%.

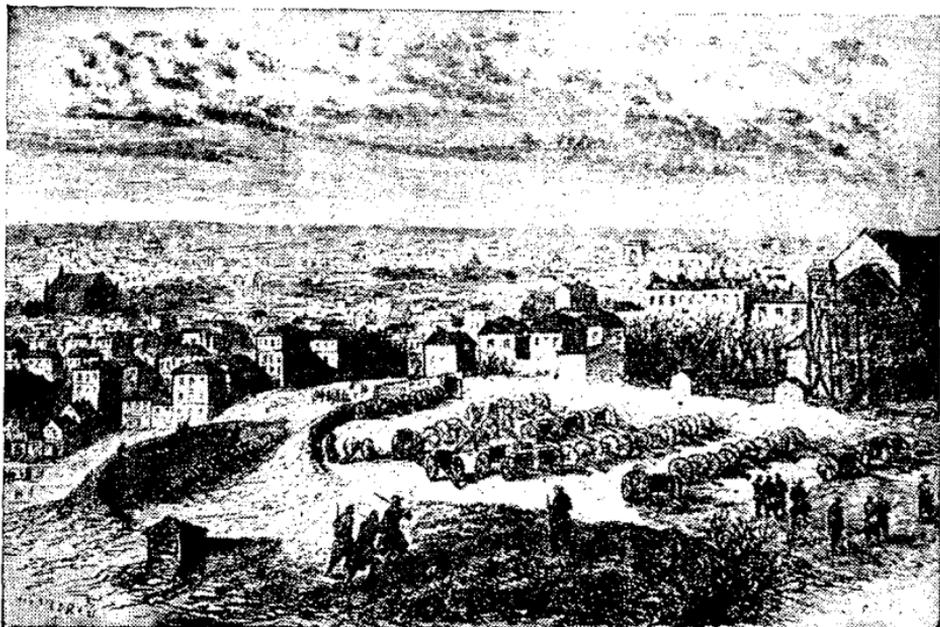
Социальное расслоение крестьянства, которое было результатом этого неравномерного распределения земельной собственности, непрерывно углублялось в период империи все большим размельчением крестьянского владения. Благодаря главным образом постоянным разделам при переходе земли по наследству (20), количество парцелл и количество земельных собственников все время возрастало: в 1850 г. насчитывалось

12 825 797 парцелл, принадлежавших 7 850 000 собственников; в 1870 г. таких парцелл было уже 14 485 282, а земельных собственников 9 097 758. Отсюда можно сделать вывод, что — при незначительном увеличении общего фонда крестьянского землевладения — уменьшались не только размеры самой парцеллы, но — и даже несколько быстрее — уменьшалось количество парцелл, приходившихся на одно хозяйство. Экономическая база этого хозяйства суживается, и оно все более беднеет.

Результатом бесперывного измельчания крестьянского хозяйства было «прогрессивное ухудшение землевладения и прогрессивная задолженность землевладельца» (Маркс). Технические и агрономические улучшения, применявшиеся помещиком или крупным фермером, были совершенно недоступны мелкому собственнику. Ему приходилось искать выхода в увеличении своего надела путем прикупки земли, что неизбежно ставило его в зависимость от банкира, ростовщика, местного кулака и делало жертвой «таких пиявок, как нотариус, адвокат, судебный пристав и проч.». Закладывая свою землю для приобретения нового участка, он доходами последнего обычно не мог покрывать даже процентов по ипотеке. Увеличение собственности, которая фактически принадлежала его кредиторам, таким образом только еще более подрывало его благосостояние.

Государство приходило на помощь разорению среднего крестьянина. «Отдельные капиталисты, — заметил как-то Маркс, — эксплуатируют отдельных крестьян ипотекой и ростовщичеством, класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян государственными налогами». Вторая империя в этом отношении превзошла своих предшественников. Крестьянин платил: 1) прямой земельный налог, 2) налог за отчуждение недвижимого имущества, по размерам равнявшийся первому, 3) бесчисленные косвенные налоги, 4) налоги на продукты, доставляемые крестьянином в город (октруа). Из тех двух миллиардов, которые империя высасывала из населения путем налогов, крестьянство платило почти три четверти, хотя стоимость с.-х. продукции едва достигала 50% всей национальной продукции.

Прикованный к своему жалкому клочку земли вечной борьбой за существование, задавленный тяжестью государственных налогов и ростовщических процентов по ипотекам, опутанный сетями закона и своим собственным невежеством, мешавшим ему видеть основную причину своих страданий, такой средний крестьянин представлял для буржуазных экономистов и политических деятелей «центральную фигуру» французского села. Скупость крестьянина, его упорная преданность неблагодарному труду, его умение без конца ограничивать свои потребности

НАКАНУНЕ 18 МАРТА

Артиллерийский парк на Монмартре под охраною национальных гвардейцев

сделались для них предметом чуть ли не национальной гордости. В его жадности и привязанности к земле господствующие классы видели наилучшую гарантию общественного порядка, опору существующего режима против революционного городского пролетариата (21).

Но владение этого крестьянина дробилось, он разорялся и тысячами незаметных переходов спускался на положение сельского пролетария или полупролетария. Эта категория крестьян, к которой относится и большая часть мелких собственников, составляла основную массу сельского населения. По данным 1872 г., сюда принадлежало, вместе с членами семейств, почти 9,5 миллионов, т. е. свыше 50% всех занятых в сельском хозяйстве: это 3 225 618 батраков, 3 191 187 арендаторов, 1 428 881 половников и свыше полутора миллиона постоянных с.-х. рабочих, служащих и «прислуги». Жизнь этой массы, красноречиво описанная английским агрономом, Джемсом Говардом, объехавшим Францию накануне падения второй империи, напоминает, по его словам, состояние настоящего рабства. Крайне низкая заработная плата, 16-часовой рабочий день при почти полном отсутствии выходных дней, хлев в качестве жилища и клочок соломы, брошенный на землю, вместо постели, — такова неприглядная картина существования батрака и мелкого собст-

венника, вынужденного продавать на стороне часть своей рабочей силы (22).

Подтверждение наблюдениям английского путешественника мы находим и в сельскохозяйственной анкете 1860 г., и во всей современной экономической литературе. Жалкий размер крестьянского надела, нищета, гнет налогов и низкая заработная плата гнали крестьян в город, на строительные работы, на разные отхожие промыслы, заставляли их жен и детей отдавать почти даром продукт своего кустарного производства капиталистскому скупщику. Только в четырех провинциях — в Лотарингии, Фландрии, Нормандии и Оверни 390 000 женщин работало на скупщиков в производстве кружев, прошив, перчаток и т. п.

Известно, что империя угнетала крестьян не только материально, но и политически и культурно; что выборы в Законодательную палату проходили в деревне под открытым давлением местных органов власти; что огромная армия духовенства подавляла крестьянина своим авторитетом и усердно помогала правительству держать его в темноте и покорности. Крестьянину не давали ни школы, ни книги. «Не хотели, — пишет один современный автор, — чтобы книга проникла в деревню, и в этом имели успех: книгу сделали продуктом редким и ценным, ее нужно было искать часто за несколько миль, где-нибудь в городе, в лавке привилегированного книгопродавца» (23). «В крестьянских домах, — пишет другой автор, — нет ни перьев, ни бумаги, ни карандашей, ни одной книги» (24). Подавляющее большинство крестьян было неграмотно или малограмотно. В 1869 г. свыше 20% новобранцев не умели ни читать, ни писать. От них недалеко ушли те, которые были в какой-либо школе. «Во Франции, — сообщает еще один современник, — 12-летний ребенок выходит из школы, а в 20 лет идет в солдаты, едва умея подписать свое имя». Притом эта школа была в значительной части церковной и служила рассадником религиозного фанатизма. Либеральному министру конца империи, Дюрюи, не удалось дать в деревне торжество светской школе. Духовенство вело бешеную кампанию против светских учителей и учительниц и применяло нечто вроде церковного отлучения по отношению к родителям, которые посылали к ним учиться своих детей (25).

Но несмотря на соединенные усилия правительства и церкви, массы беднейшего крестьянства не остались совсем в стороне от революционного движения последних лет империи. Прежде всего должен быть отмечен прогресс религиозного индифферентизма в деревне и даже открытой враждебности к церкви, местами переходившей в настоящие восстания крестьян против духовенства. В 60-х гг. префекты многих департаментов

4 СЕНТЯБРЯ 1870 г.

Толпа рабочих и национальных гвардейцев наводняет Законодательный корпус.

ДЕНЬ 31 ОКТЯБРЯ

Пролетарский батальон округа Бельвилля вторгается в здание Ратуши.

ПОСЛЕДНЯЯ БАРРИКАДА НА УЛИЦЕ ТУРТИЙ. ВЗЯТАЯ ВЕРСАЛЬЦАМИ 28 МАЯ.

с тревогой констатировали в своих донесениях освобождение деревни от религиозного дурмана. Вот несколько данных, которые приводит по этому поводу один новейший исследователь. «Мо: население диоцеза Мо нерелигиозно... жители (сел) не ступают в церковь и ногой; божественная служба проходит в полнейшей пустоте». «Труа: в отношении религии положение поистине угрожающее... В большинстве сельских общин религиозный дух, можно сказать, совершенно угас: почти полное прекращение религиозных обрядов, по крайней мере мужчинами, опустение церквей, несоблюдение закона о воскресном отдыхе, вот что замечается в деревне». «Дижон: в городах и селах департамента Кот-д'Ор народ индифферентен и становится все более нерелигиозным». «Орлеан: жители деревень... мало религиозны. Подобно горожанам 20 лет назад, они теперь начинают ненавидеть поповскую партию (le parti prêtre). Нужно добиться изменения этого плохого настроения, но это должно быть сделано с осторожностью». «Лимож: духовенство пользуется слабым влиянием в лиможском округе отчасти вследствие сезонной эмиграции; рабочие каменщики и котельщики не возвращаются из больших городов домой с теми религиозными убеждениями, которые они имели перед отъездом» (26). Последнее указывает, между прочим, на те каналы, которыми дух непокорства не только по отношению к церкви, но и к властям проникал в деревню. В тех департаментах, где отхожие промыслы были широко развиты, сельское население, несомненно, испытывало влияние пролетариата крупных центров и приобретало даже некоторое представление о социалистических программах. Немалую роль в пропаганде социализма на селе играли и народные учителя (27). «Поистине, масса теперь не так темна, как раньше, но она зато более испорчена»,— писал в 1870 г. буржуазный наблюдатель.— «Кто жил среди крестьян,— утверждает он,— и кому приходилось с ними беседовать, знает, что социальный вопрос не является, так сказать, монополией только городских мастерских и фабрик. Сельские рабочие тоже волнуются на свой фасон, и следует признать, что требования их небезосновательны» (28). И этот автор, может быть, лучше осведомленный и более проникательный, нежели его собратья, далее удачно отмечает у сельских рабочих зародыши классового сознания: «Над собою,— говорит он,— они видят все остальное общество, то есть категорию людей, которых они боятся, ненавидят, которым они завидуют; к этой категории относятся рантье, собственники, служащие — словом, все те, кого не угнетает труд и у кого нет мозолистых рук». Естественно, что эта ненависть рас-

пространялась и на непосредственных эксплуататоров беднейшего крестьянства — капиталистических фермеров.

Но не только батраки представляли собою социальную опасность. Мони де Морне, главный правительственный комиссар по проведению сельскохозяйственной анкеты, указывал, что мелкие земельные собственники, мелкие арендаторы несколько спокойнее, чем батраки и половники, но они придерживаются таких же взглядов, как и последние, и «выступят совместно с ними в случае крестового похода против любимцев фортуны» (29).

Если в 1859 г. К. де-Витт, давший картину общественной жизни в провинции, мог сказать, что «немногие крестьяне, занимающиеся политикой, заражены социализмом», то в конце империи эта «зараза» сделала несомненные успехи. Малон, предпринявший в 1870 г. по поручению Интернационала турне по провинции, очевидно, не ограничил своей деятельности городами: в одном из писем к приятелям он писал: «Побольше мужества, и скоро Интернационал распространится по всей Франции; на нашем ближайшем конгрессе у нас будут уже представители от крестьян» (30). А несколькими днями ранее он на основании своих наблюдений выражал уверенность, что «если бы удалось завести постоянного разъездного агитатора, то можно было бы вполне подготовить почву для социальной революции».

Таким образом, нельзя сказать, чтобы передовые рабочие, в частности деятели французской секции Интернационала, не понимали всей важности вопроса о союзе между пролетариатом и крестьянством в предстоящей революции. Известные предпосылки для такого союза были налицо, но только очень поздно были сделаны первые и еще робкие попытки его организационного оформления. Французский пролетариат, как мы видели, еще сам был организационно слишком слаб, чтобы выполнить эту задачу. Неудивительно, что когда в некоторых департаментах после 4 сентября и после 18 марта наметились некоторые признаки начавшегося революционного движения в деревне, оно прошло без внимания, не получило никакой поддержки и, предоставленное самому себе, было задавлено в самом зародыше. Но даже эти ничтожные сами по себе признаки крестьянского движения (которых еще придется коснуться далее) свидетельствуют об огромных потенциальных силах революции 1871 г.

Маркс, хорошо знавший французскую деревню, которой он посвятил несколько самых блестящих страниц своей «Борьбы классов во Франции», писал после поражения Коммуны: «Помещики отлично понимали (и этого они больше всего боялись)

18 МАРТА

Брагание солдат с народом: ружья подняты прикладами иверху; пушки, захваченные было войсками, возвращаются национальными гвардейцами на место

что если коммунальный Париж будет свободно сообщаться с провинцией, то через какие-нибудь три месяца вспыхнет поголовное крестьянское восстание». И действительно, беднейшее крестьянство, которое Маркс здесь и имеет в виду, всем своим предшествующим развитием было, как мы видели, приготовлено к тому, чтобы сыграть роль одной из основных движущих сил пролетарской революции. По каким причинам эта роль фактически оказалась не выполненной крестьянством, будет видно из дальнейшего изложения.

4. — Городской и сельский пролетариат во Франции был со всех сторон окружен огромной мелкобуржуазной стихией. Перепись 1866 г. насчитала, вместе с членами семейств, около 22 миллионов (59,12%) лиц, живших не на заработную плату. Если даже исключить отсюда 4 миллиона собственников карликовых наделов, которые являлись «собственниками» лишь для буржуазной статистики, а в действительности жили арендой, использованием и продажей своей рабочей силы, то и в этом случае останется несомненным факт численного преобладания мелкой буржуазии над всеми другими классами французского общества.

Особенно заметным было это преобладание в Париже, с его массами мелких фабрикантов, ремесленников, лавочников, мелких рантье, служащих и целой армией «лиц свободных профессий», т. е. мелкобуржуазной по преимуществу интеллигенции.

Несмотря на победное шествие крупного капитала в эпоху второй империи, мелкая буржуазия в основном сохраняла еще нетронутыми свои экономические позиции. Концентрация в торговле, приведшая к созданию акционерных торговых компаний и громадных универсальных магазинов, еще не успела чувствительно поколебать положение «мелкой лавочки»; концентрация в промышленности также сравнительно мало задела важнейшие отрасли мелкого производства (специфически французское и преимущественно парижское производство предметов роскоши и моды, производство одежды, мебели, художественных и полухудожественных изделий из бронзы и т. п.). Тем не менее, особенно к концу империи, мелкая буржуазия уже чувствовала на себе смертельное дыхание крупного капитала, деятельность которого — прежде всего в сфере финансовых и биржевых операций — несла ей медленное, но верное разорение. Мелкая буржуазия сама оказалась втянутой в эти операции с головокружительной быстротой: в 1847 г. насчитывалось только 207 080 мелких держателей государственных и фондовых бумаг, к концу империи их было уже 3 580 905! Но «за 15 лет (1852—1867) французские и иностранные ценности, котировавшиеся на Парижской бирже, упали на 7 миллиардов 324 миллиона фр.» (Лукин). Этой суммой, следовательно, исчисляется тот непосредственный материальный ущерб, который понесла мелкая буржуазия от операций финансового капитала. Параллельно с этим возрастала и ее зависимость от крупного капитала, о чем свидетельствует быстрое увеличение ее кредитных обязательств: в 1870 г. Французский банк имел в своем «портфеле» векселей парижских лавочников и фабрикантов на сумму 1 800 миллионов фр. и мог одним ударом довести их до полного банкротства.

Благосостояние мелкого буржуа подрывалось еще рядом других факторов. Рост дороговизны и особенно повышение квартирной платы за наем торговых помещений больно било его по карману; перестройка Парижа (так наз. «османизация» по имени ее организатора, Сенского префекта Османа) и других больших городов, возложила на него огромное бремя муниципального долга, возросшего за время империи на 200%; еще более чувствительным было для него бремя государственного долга, проценты по которому с 202 млн. в 1848 г. поднялись до 358 млн. в 1870 г. Вообще вся экономическая политика империи «своим расхищением национального богатства, покровительством

биржевой спекуляции, искусственным ускорением централизации капитала» разорвала мелкую буржуазию.

Но последняя и помимо этого имела немало оснований для глубокого недовольства режимом Луи-Наполеона. Бюрократический аппарат империи она считала слишком дорогим и непомерно разбухшим. «Во Франции, — сказал однажды Жюль Симон, — когда нужно взять одного чиновника, набирают их десятком». Империя в этом отношении превзошла все предшествовавшие правительства. Количество одних гражданских чиновников она довела до 500 тыс., и эту могущественную армию бюрократии даже мирный буржуа привык рассматривать как «орудие притеснения и тирании» (31). Не меньшим предметом его недовольства являлась доведенная до крайних пределов административная централизация государства. Любопытно, что наряду с мелкой буржуазией даже представители высших классов сделали в последние годы империи горячими сторонниками широкого развития департаментского и коммунального самоуправления, создавши в Париже с целью пропаганды своих идей «Лигу децентрализации», во главе которой стали светила буржуазной экономической науки (32). Настроенная в своей массе шовинистически, мелкая буржуазия не могла также простить империи позорных неудач в ее внешней политике: мексиканской авантюры, затеянной в интересах кучки биржевых спекулянтов и закончившейся полным провалом; бесцельной и в конце концов вредной для престижа Франции интервенции в Сирии; защиты светской власти папы против национально-освободительного движения в Италии; оставления восставшей Польши на растерзание русскому царизму; ряда унижительных поражений при дипломатических столкновениях с Пруссией, особенно в результате австро-прусской войны; наконец, общего ухудшения международного положения Франции, ее полной изоляции в Европе. Но особенно ненавистной делала империю в глазах передовой части «среднего класса» ее клерикальная политика, ее тесный союз с католической церковью. Как известно, церковь приветствовала переворот 1851 г., положивший конец второй республике, и предоставила все свои силы в распоряжение новой власти. Империя поистине сделалась для нее «даром провидения» и осыпала ее многочисленными щедротами и привилегиями. Бюджет церкви был только за период 1852—1859 гг. увеличен с 39,5 млн. фр. до 46 млн., и это было сделано ценой уменьшения бюджета народного образования. Ее кардиналы, епископы, архиепископы, викарии получили от империи огромные прибавки к своему жалованью (от 50 до 100%), в то время как тысячи учителей были обречены на голодное существование, получая

менее 500 фр. в год. Уже за первые семь лет империи церковь получила также возможность значительно увеличить свои кадры: священников с 48 391 до 52 303, семинаристов с 18 000 до 22 800, монахинь с 34 208 до 89 243. Политика правительства благоприятствовала развитию религиозных конгрегаций, возросших в числе и многократно усиливших свое влияние и материальное могущество, а также возобновлению во Франции деятельности иезуитов. Церкви были предоставлены все «свободы» — слова, печати, собраний — о которых буржуазии приходилось еще только мечтать. Выступления против церкви, особенно в печати, сурово карались, в то время как самые постыдные преступления духовенства оставались безнаказанными и не предавались огласке. Народное образование было фактически отдано под опеку церкви, а женское образование — в ее полную монополию. Церковные процессии, которых Франция не видала с 1830 г., снова появились на улицах городов, притом с обязательным участием чиновников и военных частей, и снова стали совершаться многочисленные чудеса, например, в Ла-Салетте и Лурде, где легкое верие и темнота крестьянской массы сделались объектом самой бесстыдной эксплуатации со стороны духовенства. Официальная доктрина империи гласила, что «государство нуждается в моральном и общественном влиянии религии для уничтожения революционной пропаганды и в интересах поддержания порядка». Вот почему Наполеон III возродил к жизни самую реакционную силу, какую только знает история, и к политическому порабощению Франции при помощи своей полиции и бюрократии присоединил ее духовное порабощение при помощи католической церкви. Но именно поэтому церковь сделалась предметом ненависти даже для тех кругов мелкой буржуазии, которые прежде были к ней только равнодушны, а отделение церкви от государства и уничтожение бюджета культов стало одним из основных пунктов мелкобуржуазной политической программы (33).

Либеральные уступки в вопросе о свободе печати и собраний, которые был вынужден сделать Наполеон III в конце своего царствования, позволили выйти наружу тем чувствам ненависти и отвращения к империи, которые долгие годы накапливались в самых различных слоях «среднего класса». Выразительницей этих настроений в прессе, художественной литературе и политической жизни была передовая буржуазная интеллигенция, а застрельщиком в борьбе с империей и крайним левым флангом буржуазной оппозиции сделалась мелкобуржуазная радикальная молодежь Латинского квартала. Парижское студенчество, начавшее с освистывания реакционной бонапартистской профессуры,

18 МАРТА

Постройка баррикады на одной из улиц Монмартра

переходит с 60-х гг. к более серьезной атаке против наполеоновского режима. Оно организует кружки и основывает газеты, подвергает в них убийственной критике трусливую оппозицию республиканских буржуазных депутатов в палате, прилежно изучает опыт Великой французской революции, усваивает революционное, атеистическое и материалистическое миросозерцание Бланки, вырабатывает под его влиянием, но и не без участия прудонистских идей, свою собственную социальную и политическую программу, сближается с передовыми рабочими и проникает с их помощью в толщу рабочего класса. Наиболее активные и радикальные элементы студенчества оказываются замешаными во все политические процессы, демонстрации и другие выступления, которые наполняют собой последние два года империи, предвещая ее близкий конец. Студенты Тридон, Риго, Левро, Жаклар, Прото, Лонге, Лафарг, Жермен Касс и ряд других уходят с головой в революционное движение, завершают в тюрьмах империи свое политическое воспитание и приобретают там необходимый для борьбы закал. Так создаются кадры той мелкобуржуазной интеллигенции, которой суждено было сыграть столь видную роль в революции 1871 г. и в правительстве Парижской Коммуны.

«Социалистическая революция в Европе, — писал В. И. Ленин в «Итогах дискуссии о самоуправлении», — не может быть ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия невозможна массовая борьба, невозможна никакая революция — и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но объективно они будут нападать на капитал, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне раздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки... и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма» (34). С такими именно чертами пестроты и внешней раздробленности выступает перед нами и революционное движение во Франции 1868—70 гг. с тем только отличием, что объединяющие и направляющие силы сознательного авангарда революции — передового пролетариата — оказались в конечном итоге слишком слабыми для окончательного ниспровержения господства буржуазии. Но массовое движение казалось слишком внушительным и его социалистическая окраска достаточно яркой, чтобы позволить экономически господствующему классу — крупной капиталистической буржуазии — сколько-нибудь серьезное участие в борьбе против империи, лишившей ее политического господства. В 1869 г., когда предстоявшая пролонгация англо-французского торгового договора заставила промышленную буржуазию снова выступить с протестом против фритредерской политики Наполеона III, не считавшейся с ее интересами, уже послышались предостерегающие голоса: «Не забывайте, что рабочий класс волнуется, что за вопросом о тарифах будут поставлены вопросы о праве на труд, праве на прибыли, праве на землю и прочие мечтания социализма» (35). Именно поэтому либеральные и даже республиканские депутаты крупной буржуазии в Законодательном корпусе в лучшем случае только играли в оппозицию, а фактически поддерживали бонапартистский режим. За исключением некоторых групп промышленной буржуазии, хранивших симпатии к династии Луи-Филиппа Орлеанского, вся крупная буржуазия, вся финансовая, торговая и промышленная аристократия была бонапартистской и враждебной всякой серьезной оппозиции империи. Подобно последней, она искала спасения от революции в тесном союзе с католической церковью. По мере того как возрастал религиозный индифферентизм масс или их полный отход

от церкви, богатая буржуазия становится все более религиозной, не скужится на пожертвования католическим конгрегациям, отдает им своих детей для воспитания и демонстрирует на каждом шагу свою верность церкви, и в это же время ее идеологи — Огюст Конт, Ле Плэ — обосновывают в своих книгах положение, что «религия является необходимой базой обществ» (36). Накануне 1870 г. богатая буржуазия являлась единственным классом французского общества, который был кровно заинтересован в сохранении империи. Социальная база империи была слишком узка; достаточно было одного толчка, чтобы она «развалилась, как картонный домик». Этот толчок дала франко-прусская война 1870 г.

ПРИМЕЧАНИЯ К ВВЕДЕНИЮ И ЧАСТИ ПЕРВОЙ

- (1) Из речи на VII съезде РКП 6—8 марта 1918 г.
- (2) И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. III (1931), стр. 295.
- (3) Dupont-Ferrière. Le marché financier de Paris sous le second Empire.
- (4) M. Block. Statistique de la France. II, 265. Отметим также, что за время империи, по данным М. Дюкана, было вычеканено металла монеты на сумму свыше 6 миллиард. фр. Кассовая наличность одного Французского банка составляла в 1869 г. 1 247 млн.—около 56 % денежных запасов остальных европейских банков. Учетный процент Франц. банка был самым низким в мире — 2,5 % против 3,5 % Английского банка.
- (5) «Journal des économistes français», XIV, p. 123.
- (6) «La semaine financière», 13 I 1869.
- (7) Dupont-Ferrière, о. с., 221 sq.
- (8) Добыча каменного угля за 1855—1866 гг. дала увеличение для Бельгии на 152 %, для Пруссии на 140 %, для Австрии на 125 %, для Франции на 60 %; производство железа за 1840—1870 гг. возросло в Пруссии на 836 %, в Бельгии на 456 %, в Англии на 389 %, а во Франции на 300 %.
- (9) Dépositions orales faites devant le conseil supérieur... dans l'enquête sur la circulation monétaire et fiduciaire. Paris, 1872, p. 356.
- (10) Dupont-Ferrière, p. 88.
- (11) Эти данные являются комбинацией цифр Блока («Stat. de la France» II, 135), «Annuaire de l'économie politique et statistique» 1871—72 и др. См. также мои «Этюды й розвідки з історії Паризької Комуни», с. 44 сл.
- (12) В Париже, по данным Поля Луи («Histoire de la classe ouvrière en France», Paris, 1927, p. 130), заработная плата рабочих возросла на 20 %, работниц на 12 %; в других городах—соответственно на 15 и 11 %.
- (13) G. Weill. Histoire du mouvement social en France, P. 1924, p. 13.
- (14) «Moniteur», 19/III, 1864;—Reinaud. Les syndicats professionnels. 1886, p. 23.
- (15) Ch. Assailly. Le pauperisme et les associations ouvrières. P. 1869, p. 91.
- (16) Weill, о. с., 51.
- (17) Lavollé в «Journal des économistes français», XVII, p. 25 sq.
- (18) Molinari. Le mouvement socialiste et les réunions publiques avant la révolution. Paris, 1872, p. 28 sq.
- (19) Ibid., 108.

(20) Согласно § 832 фран. гражд. кодекса, каждый из наследников в праве требовать равной доли движимой и недвижимой части наследства.

(21) Вот что пишет по этому поводу Léonсе de Laveгgne. L'Enquête agricole, в «Revue de deux mondes» t. 78 (1868), p. 408: «Все принимают мелкую собственность не только как необходимость, но и как благодеяние. Все указывают, что она содействует сельской продукции и политической безопасности».

(22) James Howard. Continental farming and peasantry, London 1869,

(23) «Revue de deux mondes», t. 89 (1870). Eug. Liébert. Les paysans et l'esprit des campagnes.

(24) J. Simon. L'Ecole, цит. у А. Молок. Парижская Коммуна и крестьянство, стр. 20.

(25) J. Maurain. La politique ecclesiastique du second empire de 1852 à 1869. Paris 1930, p. 867 s.

(26) Ibid., pp. 280—311.

(27) Сb. d'Assailly, о. с., 124 sq.

(28) Liébert, ук. соч.

(29) Цит. у Louis Reubaud. La politique des campagnes («Revue de deux mondes», t. 68, 473—489).

(30) Тома. История второй империи. II, 1908, стр. 359.

(31) Суровую критику режима второй империи с точки зрения типично: о мелкого буржуа мы находим в весьма любопытной брошюре, вышедшей анонимно в начале 171 г. под длинным заглавием: «Tableau de la politique française à l'intérieur. Principes de toute organisation rationnelle d'un Etat. Budget en équilibre. Par M. F. V. G. Paris».

(32) Программу Лиги см. в «Journal des économistes français», 1870, t. XIX, p. 166.

(33) Наиболее подробное и построенное на свежем архивном материале изложение истории католической церкви в эпоху второй империи дает цитированное выше исследование Жана Морэна. См. также аналогичные работы Lamу и Debidour'a.

(4) Цит. в статье Мещерякова. Ленин и революционная роль крестьянства. (г) «Печать и революция», 1926, № 2.

(35) Michel Chevalier. L'industrie et l'octroi de Paris, p. 14.

(36) См. об этом весьма поучительную главу «Теоретики в период империи» у Ж. Вейля, ук. соч., стр. 24 слл.

ОТ 4 СЕНТЯБРЯ ДО 18 МАРТА 1871 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РЕВОЛЮЦИЯ 4 СЕНТЯБРЯ

1. — 9 января 1870 г. члены парижской организации Интернационала писали в своем воззвании: «Разорение, унижение и позор скоро кончатся... можно сказать, что мы находимся у порога революции». Действительно, к этому времени внутреннее разложение империи зашло так далеко, что исход ее борьбы с революционным движением уже не оставлял никаких сомнений. Массовая безработица, вызванная прекращением больших строительных работ в городах и общим экономическим застоєм, революционизировала даже самых отсталых рабочих (1). Невиданный подъем стачечного движения, в которое оказались теперь втянутыми толщи пролетариев Луарского угольного бассейна и заводов Крезе, являлся грозным предвестником более решительных классовых боев. В Париже двести тысяч человек, явившихся на похороны журналиста Виктора Нуара, убитого принцем Пьером Бонапартом, продемонстрировали свою готовность восстать против империи по первому сигналу, поданному революционерами. Чего еще нехватало для обеспечения успешного исхода революции, так это достаточной организованности пролетарских сил. Но и в этом направлении были достигнуты известные успехи. В декабре 1869 г. образуется Федерация рабочих синдикальных камер (профессиональных союзов), а в апреле 1870 г. — Федерация парижских секций Интернационала. В марте 1870 г. на Лионском съезде рабочих делегатов были заложены основы обще-французской организации Интернационала. Число его членов во Франции непрерывно возрастало. Варлен и Малон в Париже, Обри, Ришар и Бастелика в провинции развили лихорадочную работу по организационной подготовке пролетариата. Усиление репрессий со стороны правительства — расстрелы бастующих рабочих в Рикамари и Сент-

Обене, посылка войск в Крезе, массовые аресты среди рабочих, инсценировка третьего процесса Интернационала — уже не могло остановить движение.

При таких условиях Наполеон III обратился к плебисциту, который должен был, по его мысли, «дать новое доказательство привязанности к династии» и «парализовать угрозы революции». Благодаря испытанным маневрам бонапартистской администрации за империю еще высказалось свыше 7 миллионов голосов, но в городах ее противники собрали значительное меньшинство (около 2 миллионов), и армия оказалась также частично зараженной духом оппозиции. Чтобы упрочить свой пошатнувшийся трон, Наполеону III не оставалось иного средства, как победоносная война, которая могла бы во Франции вызвать взрыв шовинистических страстей и отвлечь внимание от внутренней борьбы. «Я не воспротивился внешней войне, — писал уже во время Коммуны близкий приятель и советник Наполеона Сильвестр де Саси, — ибо она казалась мне последним ресурсом и единственным средством спасения (империи)... со всех сторон появились самые грозные признаки гражданской и социальной войны... буржуазия помешалась на каком-то неутолимом революционном (s i c!) либерализме, а население рабочих городов — на социализме. Именно тогда император рискнул решительной ставкой — войной против Пруссии» (2).

Война, объявленная Пруссии 15 июля 1870 г. по самому ничтожному поводу (по вопросу о замещении вакантного испанского престола прусским принцем), с самого начала оказалась неудачной для французов. Поражения при Виссембурге, Фрешвиллере, Форбахе, занятие немецкими войсками Эльзаса и Лотарингии обнаружили скандальную неподготовленность империи к войне. Однако попытка бланкистов поднять 14 августа восстание в одном из рабочих предместьев Парижа оказалась преждевременной (3). Предпринятая по старому заговорщическому методу, без всякой агитационной подготовки, она сразу задохнулась в атмосфере равнодушия и враждебной подозрительности массы. Федерация Интернационала, в июле выпустившая манифест к немецким рабочим и организовавшая антимилитаристскую демонстрацию на улицах Парижа, теперь не подавала признаков жизни. Для пролетарской революции оказалось роковым то обстоятельство, что удар, доконавший империю, был нанесен не бланкистами в Париже, а немецкой армией при Седане.

Судьба империи, действительно, была решена Седанским сражением 1-2 сентября, закончившимся пленением всей армии и самого императора. Остальные военные силы, находившиеся

18 МАРТА

Братание солдат с народом на Монмартре

под командованием маршала Базена, были заперты в крепости Мец и фактически тоже выбыли из строя. Дорога в Париж лежала открытой перед неприятелем.

Столь быстрой и радикальной развязки военных действий никто не мог предвидеть. Сведения о катастрофе, проникшие в Париж 3-го вечером, застали революционеров врасплох. Рабочие массы, явившиеся утром следующего дня к зданию Законодательной палаты, были поэтому лишены всякого руководства и, ворвавшись в Палату вместе с разношерстной толпой и частями буржуазной национальной гвардии, потребовали только низложения династии Бонапарта, провозглашения республики и организации национальной обороны. Это дало возможность 11-ти виднейшим депутатам левой оппозиции захватить в свои руки инициативу образования временного правительства, получившего название Правительства национальной обороны, и немедленно ликвидировать попытку представителей революционно-социалистических групп, заседавших в Ратуше, добиться провозглашения другого правительства с участием Бланки, Флуранса, Делеклюза и Феликса Пиа. Чтобы дать некоторую видимость удовлетворения радикальным элементам Парижа, в состав правительства был введен левый журналист Анри Рошфор, но зато, с другой стороны, председательство в правительственном Совете и пост военного министра были поручены губернатору Парижа, монархисту, «католику и бретонцу» Трошю, который поставил непременным условием своего участия в правительстве соблюдение последним «трех принципов: религии, собственности и семьи» (4). Помимо него, и другие министры — Жюль Фавр, Жюль Симон, Пикар, Кремье и Гамбетта — были хорошо известны, как враги социализма и рабочего класса. Тем не менее, перед лицом приближавшегося к Парижу

неприятеля и ввиду преобладания среди рабочей массы патриотических настроений революционеры сочли необходимым воздержаться от всяких выступлений и даже предложить правительству свое сотрудничество в деле организации обороны. Вечером 4 сентября на заседании актива Интернационала, Профессиональных союзов и революционных кружков была принята резолюция: «Временное правительство не подвергнется нападению ввиду наличия войны и недостаточной подготовленности народных сил, еще плохо организованных» (5). Но в то же время было решено создать в каждом из двадцати парижских округов «наблюдательные комитеты», организовать из их представителей Центральный комитет, как орган революционного контроля над правительством, а также потребовать от последнего немедленного удовлетворения следующих требований: ликвидации полицейской префектуры и образования муниципальной полиции, снятия с постов императорских чиновников, отмены законов, ограничивавших свободу печати, собраний и союзов, выборов в парижский муниципалитет, наконец, освобождения политических заключенных. Деятельность правительства, преследуя на первых порах задачу укрепления своего авторитета и усыпления путем второстепенных уступок бдительности революционеров, казалась сначала действительно соответствовавшей этой программе. 7 сентября было объявлено о замене полиции «стражами общественного порядка из отставных военных», назначены на 28-е выборы муниципального совета, вооружены рабочие и мелкобуржуазные массы путем включения их в состав национальной гвардии, увеличенной с 60 до 343 тыс. человек, амнистированы политические заключенные, допущено образование наблюдательных комитетов и их активное вмешательство в работу некоторых окружных мэрий. Одновременно появляются газеты крайне левого направления, руководимые Бланки, Феликсом Пиа и другими революционерами, а в рабочих округах, обычно по инициативе наблюдательных комитетов, возникают многочисленные политические клубы, где каждый шаг правительства уже начинает подвергаться критической оценке. Эти вынужденные, большею частью формальные или же пассивные так сказать уступки радикальным элементам, а в особенности начавшееся с 18 сентября обложение Парижа неприятелем обеспечили господство патриотических настроений, политически дезориентировали рабочую массу и облегчили поддержание «гражданского мира» перед лицом врага. Даже передовые пролетарии, — с прискорбием констатировал в то время Генеральный совет Интернационала, — позволили ослепить себя патриотизмом и составили один хор с буржуазией, повсюду вопив-

шей: забудем наши разногласия и принесем самые дорогие нашему сердцу принципы в жертву отечеству» (6). Следует отметить, что ни руководители французских секций Интернационала, ни бланкисты, ни сам Бланки не составили в данном случае исключения. Последний в опубликованной им программе заявил, что «в присутствии врага не может более существовать ни партий, ни фракций», что «правительство 4 сентября является выразителем народной мысли и национальной обороны» и, следовательно, «всякая оппозиция, всякое противодействие должны исчезнуть во имя всеобщего спасения» (7).

Эта ошибочная тактика парижских революционеров, не последовавших совету из Лондона (8) предоставить самой буржуазии окончание войны с пруссаками, оказала самое вредное влияние на ход событий в провинции. В Лионе, Лиможе и нескольких других второстепенных центрах 4 сентября, еще до получения сведений из Парижа, было поднято красное знамя, разоружена полиция, арестованы местные представители власти и провозглашена республика. Кое-где, например в Лионе, Ратуша была захвачена представителями мелкобуржуазной демократии и отчасти революционного пролетариата, образовавшими Комитет общественного спасения, как орган автономной и революционной власти, который отказался признать присланного из Парижа префекта (Шальмель-Лакура) и разрешил ему остаться лишь в качестве делегата от центрального правительства. В таком же направлении намечалось развитие событий в Крезе, где мэром был избран рабочий, в Марселе, Сент-Этьенне, Тулузе и Лиможе. Одновременно и на селе начинаются волнения, которые, принимая во внимание известное нам настроение беднейшего крестьянства, могли бы при поддержке городского пролетариата разрастись в настоящую аграрную революцию. «Сразу же после Седанской катастрофы и падения империи, — читаем мы у одного современного автора, — когда Париж едва только организовал правительство национальной обороны... новый крик тревоги внезапно прозвучал по всей Франции, исходя на этот раз из провинции, куда еще не проник враг»... «Можно было думать, — пишет он далее, — об угрозе социальной войны, о восстании крестьянства против городской буржуазии и жителей замков... В провинции начинали уже говорить, что снова ожила жакерия, с тою лишь разницею, что в 1870 г. нападали уже не только на дворян, но равным образом и на всех, кого богатство, образование или труд подняли над общим уровнем» (9). Мы узнаем также у этого автора, который опирается на материалы провинциальных газет и сам был свидетелем ряда приведенных им фактов, что крестьяне

ругали и даже избивали «почтенных людей», угрожали пожарами и грабежами. Но дальше этого дело не пошло: попытки восстания были быстро подавлены, не получив никакого отзвука среди революционного пролетариата больших городов.

Но это и не удивительно: сведения из Парижа нисколько не благоприятствовали подъему революционного движения в провинции; скорее наоборот, они выбивали у революционеров почву под ногами. «Революция в Париже, — указывали на народных собраниях в провинции сторонники порядка, — совершилась без насилий, арестов и конфискаций; чиновники империи, даже полицейские комиссары, остались на службе республики, за исключением тех, которые приняли участие в перевороте 2 декабря; патриотические заботы господствуют над всеми прочими и объединяют всех граждан, без различия мнений, в одном братском стремлении защитить территорию» (10). Благодаря также тому, что парижское правительство, великолепно учитывая положение, поместило в качестве префектов во всех крупных индустриальных центрах ветеранов 1848 г., популярных среди населения мелкобуржуазных радикалов (Эскироса в Марселе, Бертелона в Сент-Этьенне, Дююртала в Тулузе и т. д.), ему удалось всюду сохранить в своих руках аппарат власти и руководство организацией национальной обороны. Энергичная деятельность Гамбетты, вылетевшего в начале октября из осажденной столицы на воздушном шаре и возглавившего Турскую делегацию правительства, его первые успехи в деле возрождения военных сил Франции, подкупающая искренность и радикальная фразеология его патриотических прокламаций, его готовность широко использовать сотрудничество революционеров — все это импонировало массе и обманывало ее насчет подлинного лица правительства, в действительности «унаследовавшего от империи, — по словам Маркса, — не только руины, но и страх перед рабочим классом».

Но уже очень скоро — со второй половины сентября — начинает чувствоваться отрезвление — в провинции почти в одно время с Парижем. В провинции консервативно-буржуазный характер правительства мог обнаружиться даже раньше и ярче, чем в Париже, в силу большего масштаба его действий и большего разнообразия его государственных функций. Вместо ожидавшихся радикалами массовых реквизиций — покупка продовольствия и амуниции по высоким ценам; вместо обложения богатой буржуазии — внешние займы на невыгодных условиях; вместо всеобщей мобилизации, поголовного вооружения всех граждан (*levée en masse*) — освобождение от военной службы духовенства и молодых, здоровых семинаристов. Что

РАБОЧИЙ ВАРЛЕН.
Член ЦКПГ и член Коммуны. Расстрелян версальцами 28 мая.

РАБОЧИЙ ФРЕНКЕЛЬ.
Член Коммуны, делегат Комиссии труда и обмена. Приговорен Версальским судом к смерти. Успел бежать из Парижа.

РАБОЧИЙ АМУРУ.
Член Коммуны, бессменный ее секретарь. Приговорен версальским судом к бессрочной каторге.

РАБОЧИЙ АВРИАЛЬ.
Член Коммуны, член военной комиссии, заведующий материальной частью артиллерии. Приговорен версальским судом к смерти. Успел бежать.

АДОЛЬФ ТЬЕР.

ТЬЕР.
Гарж Жюль

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ГАЗЕТЫ «СЫН ОТЦА ДЮШЕНА».
Франция, держа в руках Тьера: «И вот эту-то жабу меня хотят
выставить, приятель!»

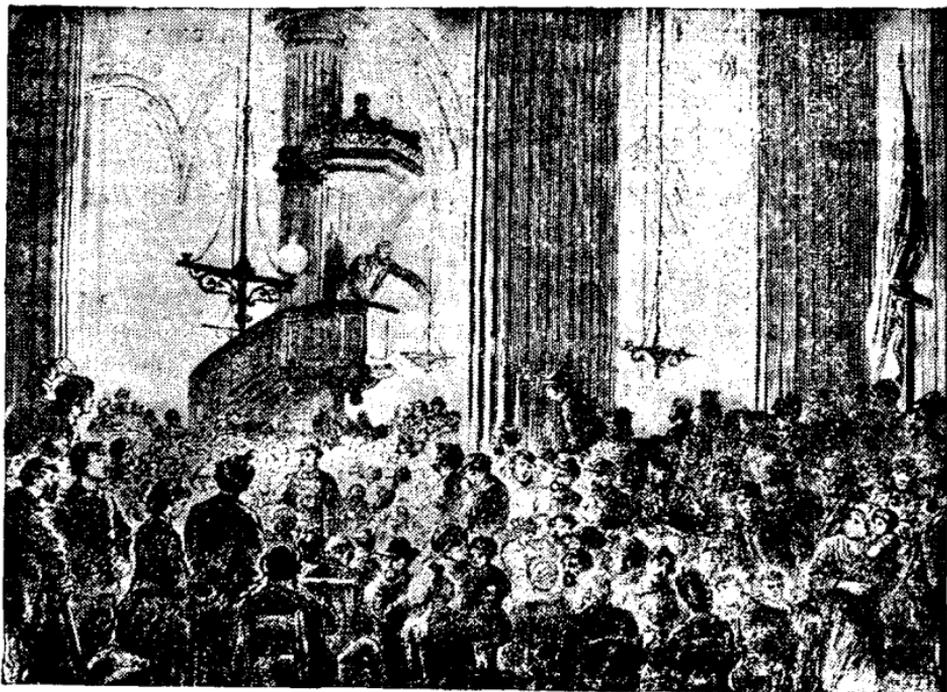
касается последнего, то здесь вообще сказалась церковная политика правительства 4 сентября. Ища симпатий и поддержки католической церкви, Турская делегация ничего не предпринимала в церковных делах без совета и санкции архиепископа Гибера и ничем не препятствовала широкой церковной пропаганде: фанатическая проповедь иезуита Буалева, в которой доказывалось, что «только поклонение сердцу Иисуса спасет Францию», была в октябре распространена по всей стране в количестве 200 тыс. экземпляров (11). Бросалось в глаза и то обстоятельство, что количественно ничтожные реакционные и католические банды Шаретта и Кателино, явившиеся в Тур в качестве волонтеров, были осыпаны почестями и наградами, в то время как гарибальдийцы и другие революционные отряды, образовавшиеся для защиты республики от пруссаков, встречали со стороны властей к себе самое подозрительное отношение и терпели лишения в необходимом. (12). Но и внешняя политика правительства не в меньшей степени разоблачала его реакционность. Опасаясь развития революционного движения и превращения войны с немцами в настоящую народную войну, оно исподтишка ведет дипломатическую подготовку мира. Уже переговоры Жюль Фавра с Бисмарком в Ферьерре 22 сентября могли показать истинную цену патриотическим фразам правительства. Еще показательнее была посылка орлеаниста и реакционера Тьера ко всем монархическим дворам Европы с целью вымолить их посредничество в переговорах с Пруссией. И наконец, позиция правительства в вопросе о лишении папы светской власти, являясь продолжением клерикальной политики империи, делала невозможным вмешательство Италии в войну на стороне Франции.

Все усилия «Южной лиги», организованной тем временем мелкобуржуазными демократами нескольких городов, радикализировать политику Турской делегации оставались фактически безуспешными. В едином патриотическом фронте различных классов появляются теперь трещины, которые все углубляются в течение октября и создают благоприятную обстановку для нового подъема революционного движения в провинции.

Первое революционное выступление против правительства происходит еще 28 сентября в Лионе. Агитация революционеров во главе с приехавшим сюда Бакуниным ускорила восстание рабочих, которые заняли Ратушу, разогнали незадолго перед тем избранный буржуазный муниципалитет и арестовали префекта. Однако момент восстания был выбран неудачно, в период стремительного развития немецкого наступления, анархистские лозунги бакунистов не могли увлечь за собой всю ра-

бочую массу; революционный генерал Кюзере, поставленный во главе пролетарской национальной гвардии, проявил нерешительность и даже трусость. Бакунистская попытка, организованная крайне легкомысленно, потерпела полную неудачу. Гораздо более серьезные последствия, при наличии руководства, могли бы иметь выступления пролетариата, произошедшие одновременно — 31 октября — в Марселе, Тулузе и Сент-Этьенне. Однако и тут недостаток подготовки, организованности и руководства придал восстанию с самого начала нерешительный, вялый характер и облегчил властям его безболезненную ликвидацию. В частности, в Сент-Этьенне, центре Луарского угольного бассейна, углекопы остались в стороне от движения. Все же заслуживает быть отмеченным, что оно происходило под красным знаменем пролетарской революции и с теми же лозунгами, какие были выдвинуты в то же время парижскими революционерами: выборы в Коммуну, массовое вооружение, мобилизация духовенства, устранение чиновников империи, неограниченные реквизиции и обеспечение населения продовольствием, передача полиции в ведение Коммуны, светское обучение и уничтожение бюджета культов. (13).

Параллельно и независимо от провинциального движения также и в осажденной столице постепенно поднималась революционная волна, грозившая опрокинуть власть буржуазии. Манифестации национальной гвардии 22 и 26 сентября, вызванные ЦК 20 округов, еще не были враждебны правительству и имели в виду только подстегнуть его к более энергичной организации обороны. Но его неспособность в этом отношении с каждым днем становилась все очевиднее. Собранные в Париже огромные запасы продовольствия расходовались преступно, без учета потребностей долгой осады; национальную гвардию вооружали негодным оружием, упорно держали ее подальше от неприятеля и раздражали бесплодной муштровкой; предпринимавшиеся время от времени вылазки оставались совершенно безрезультатными и производили впечатление нарочитого истощения военных сил Парижа. В клубах уже начинали поговаривать не только о неспособности, но и о прямом предательстве со стороны правительства и его бездарных генералов. В рабочих кварталах приобретает все большую популярность мысль о всенародно избранной Коммуне, которая одна сумеет дать мощный толчок обороне и организовать победу. Уже 4 октября помощник мэра одного из рабочих округов Парижа официально доносил: «Теперь требуют только одной вещи: Коммуны, избранной всеобщим голосованием, и будьте уверены, что это желание будет немедленно реализовано». Действительно, демонстрации бель-

ЗАСЕДАНИЕ КРАСНОГО КЛУБА В ЦЕРКВИ
Множество женщин с детьми на руках

вилльских (пролетарских) батальонов нац. гвардии 5 и 8 октября, во главе с бланкистом Флурансом, обнаружили глубокое недовольство правительством и стремление поставить Коммуну, если не вместо него, то рядом с ним. Несколькими днями позже, на собрании начальников 65 батальонов, созванном Бланки и Флурансом, была уже принята резолюция низложить правительство и заменить его Коммуной (14), причем инициаторов собрания, укрывшихся в рабочих кварталах, не было даже возможности арестовать. Все это показывает, что о едином фронте давно уже не могло быть и речи. Особенно ясно это видно по тому глубокому расслоению, которое как раз в то время происходит в рядах нац. гвардии. Появляется официальное деление на «хорошие» и «дурные» батальоны, т. е. стоящие за и против правительства, и даже внутри надежных частей революционные элементы выделяются в особые роты, выбирающие для себя отдельных офицеров сообразно своим политическим симпатиям. Значительную роль в этом процессе расслоения сыграл ЦК 20 округов, специально делегировавший 40 своих членов для «организации» нац. гвардии. Внутри последней имелись в то время своеобразные организации — батальонные и

легионные «семейные советы», а также делегатские собрания для выборов командного состава, которые наряду с политическими клубами становятся опорными пунктами революционной пропаганды и оказывают содействие ЦК 20 округов. Семейные советы своей деятельностью несомненно подготовили почву для возникновения Центрального комитета нац. гвардии, но в рассматриваемый период они были еще слишком слабыми, чтобы обеспечить единство выступлений пролетарских батальонов, хотя попытки объединения и координации их деятельности путем создания нелегального «Большого совета» нац. гвардии несомненно имели место (15). Это отсутствие организованного единства и обеспечило «батальонам порядка» торжество над пролетарской частью нац. гвардии, когда она наконец подняла 31 октября знамя революционной Коммуны.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БОРЬБА ЗА КОММУНУ

1. — 31-м октября открывается новый период революционного движения, характеризующийся борьбой за Коммуну. В первой его половине, во время осады Парижа пруссаками, поражение пролетариата в этой борьбе было предопределено его слабой организованностью, колеблющейся и соглашательской политикой мелкой буржуазии, а также — что весьма важно — враждебным отношением армии к перевороту, который с лозунгом Коммуны тесно связал ненавистный этой армии лозунг «войны до конца». Но после капитуляции Парижа и окончания военных действий вопрос о войне, разделявший пролетариат и армию, утерял свою остроту, так что последняя — по крайней мере на время — перестала быть послушным орудием в руках буржуазной реакции. В то же время и мелкая буржуазия, крайне озлобленная провоцирующей и цинично реакционной политикой Национального собрания, в феврале пришедшего на смену Правительству национальной обороны, сильно качнулась влево и стала более решительно поддерживать революционную борьбу парижского пролетариата. Наконец и организованность последнего заметно выросла благодаря возникновению около того же времени Центрального комитета нац. гвардии, который в качестве органа боевого руководства значительно превосходил ЦК 20 округов. В результате всего этого и сделался возможным день 18 марта, впервые доставивший торжество Коммуне как политической форме господства рабочего класса.

Такова самая общая схема развития революционного движения на этом его наиболее длительном этапе. Но прежде чем перейти к конкретному содержанию этого развития, необходимо выяснить, чем же являлась в представлении революционеров та Коммуна, которую они сделали знаменем своей борьбы.

Идея Коммуны возникла, несомненно, в среде радикальной мелкобуржуазной интеллигенции под влиянием опыта Великой французской революции, который она изучала и которым увлекалась еще в 60-х гг. Патриотическая и революционная Коммуна 1793 г., которая сумела мобилизовать энергию парижских масс для борьбы за республику, для победы над внешним врагом и над внутренней контрреволюцией, казалось, могла и должна была возродиться к жизни в конце 1870 г., когда только что завоеванная республика и родина снова находились под тем же двойным ударом. Возродить Коммуну, «соединить, — как любили тогда выражаться, — разорванную цепь времен», можно было только таким путем: заставить временное правительство произвести выборы на основе пропорционального представительства и передать возникшему таким образом собранию законодательную власть, при которой это правительство играло бы подчиненную роль власти исполнительной. Эта мысль однако несколько видоизменяется после 31 октября, когда правительство окончательно дискредитировало себя в глазах даже мелкой буржуазии. Ее политические деятели требуют теперь выборов в «суверенное собрание», которое будет «администрировать Париж и организует оборону». Такое собрание, как выразился один из них, «явится одновременно Конвентом и Коммуной» и само назначит из числа своих членов исполнительную комиссию, нечто вроде комитета общественного спасения. В этой формулировке для правительства 4 сентября уже не остается никакого места. И наконец после капитуляции Парижа и появления еще более реакционного правительства Национального собрания радикальная буржуазия начинает видеть в Коммуне наилучшую форму организации республиканского города против темной и монархической деревни, а в федерации всех крупных городских коммун — наилучшую гарантию сохранения демократической республики.

В противоположность этой концепции Коммуны, которая во всех своих видоизменениях строго остается в рамках буржуазно-демократических идеалов, передовой пролетариат постепенно вырабатывает свою, отличную и по форме и по содержанию, идею Коммуны. Прежде всего она не должна возникнуть в результате всеобщих выборов, которые могут дать буржуазное большинство. «Мы сами, — говорилось на одном из рабочих собраний периода осады, — должны будем избрать восемьдесят чистых республиканцев, которые составят Коммуну и спасут республику». «Мы сами» — это клубы, наблюдательные комитеты и другие пролетарские революционные организации. «Каждый член наблюдательного комитета, — читаем мы точно также в февральской программе ЦК 20 округов, — признает правительством

ЗАСЕДАНИЕ КЛУБА В ЦЕРКВИ НИКОЛАЯ-НА-ПОЛЯХ ВО ВРЕМЯ КОММУНЫ

Основную массу присутствующих составляют национальные гвардейцы

города только революционную Коммуну, составленную делегатами от социалистических революционных групп этого города, а правительством всей страны — только правительство политической и социальной ликвидации, составленное из делегатов от революционных коммун страны и главных рабочих центров» (16). Здесь уже достаточно ясно формулирована идея Коммуны как органа революционной пролетарской диктатуры, ставящей своей задачей социалистическое преобразование общества. Эта же идея оживленно обсуждалась и в «красных» клубах времен осады, где даже намечались первые конкретные мероприятия такой диктаторской Коммуны: конфискация имущества церкви, религиозных конгрегаций, бонапартистов и эмигрантов; использование полученных таким образом средств на организацию производительных рабочих ассоциаций; ликвидация крупных акционерных, в частности железнодорожных, компаний, предприятия которых, после изгнания акционеров и администрации, передаются рабочим (17).

Однако нужно указать, что в процессе борьбы за Коммуну отмеченная противоположность в ее понимании никогда не выступала сколько-нибудь отчетливо. Сознательный, передовой пролетариат, количественно еще слишком слабый, резко не выдвигал в решающие моменты борьбы своей точки зрения, не дал ни разу боя мелкой буржуазии по вопросу о характере Коммуны. А когда после 18 марта Коммуна наконец была завоевана пролетариатом, вопрос о способе выборов по ряду причин, на которых мы остановимся позже, уже утерять решающее значение. Во всяком случае, характер той реальной, исторической Коммуны, которая возникла после 18 марта, не отвечал ее мелкобуржуазному пониманию: она была, как выразился Маркс, «весьма растяжимой политической формой», и парижский пролетариат мог поэтому приспособить ее к своим нуждам и использовать ее как определенную форму своей власти, как орган пролетарской революционной диктатуры.

2. — 30 октября на Париж обрушились сразу четыре известия, из которых каждое в отдельности способно было вызвать в патриотически настроенных рабочих и мелкобуржуазных массах взрыв негодования против правительства. В этот день правительственные афиши возвестили о предполагающемся посредничестве европейских держав с целью ускорить заключение мира, о приезде в Париж Тьера за полномочиями для переговоров с пруссаками, об очередной крупной неудаче парижской вылазки при Бурже и о капитуляции крепости Мец со всей заключенной в ней армией Базена. Утром 31-го, после спешной и очень несовершенной подготовки движения, в которой видную роль сыграл ЦК 20 округов, батальоны нац. гвардии рабочих окраин спустились в центр города, заняли, не встретив сопротивления, здание Ратуши и арестовали заседавшее в нем правительство. В обстановке полного беспорядка и несогласованности действий отдельных революционных вожаков был наспех составлен список членов нового правительства, которое в одном месте называли комиссией для проведения выборов в Коммуну, а в другом — комитетом общественного спасения, в составе Ф. Пиа, Бланки, Флуранса, Ранвье, Мильера, Луи Блана, Делеклюза, Дориана, Ледрю-Роллена и др. Уже одно соединение в этом списке мелкобуржуазных демократов, ветеранов 1848 г., с бланкистами и включение в него члена временного правительства Дориана указывает, что в восстании 31 октября имелось по крайней мере два различных течения. Результатом недоговоренности между ними был полный разброд в действиях: в то время как Бланки принялся за подписывание приказов о занятии важнейших правительственных учреждений — в частности Рауль Риго был с этой целью отправ-

лен в полицейскую префектуру, — мелкобуржуазные революционеры вступили через посредство парижских мэров и Дориана в переговоры с низложенным правительством о назначении выборов в Коммуну. Между Делеклюзом, как представителем инсургентов, и Дорианом, как представителем правительства 4 сентября, было в конце концов достигнуто, несмотря на энергичные протесты бланкистов, следующее соглашение: никто не подвергнется преследованиям за участие в восстании; выборы в Коммуну состоятся 1 ноября; восставшие батальоны очищают Ратушу.

Эта внезапная самоликвидация как будто успешно начатого восстания объясняется, очевидно, тем, что мелкая буржуазия, добивавшаяся только выборов в Коммуну, была неприятно поражена и даже напугана руководящей ролью, которую Бланки и его ближайшие друзья (Флуранс, Ранвье) сразу начали играть в Ратуше. Во всяком случае именно по этой причине большинство командиров нац. гвардии, созванных 31-го вечером «для принятия окончательного решения», отказалось выступить со своими батальонами и высказалось за соглашение с правительством (18). На это решение могло оказать влияние и то обстоятельство, что часть членов правительства успела выскользнуть из Ратуши и собрать вокруг себя несколько батальонов «порядка» и линейных войск; в перспективе было, таким образом, начало военных действий внутри осажденной столицы. Как бы там ни было, инсургенты, сидевшие в Ратуше, в течение ночи не получили ожидаемой поддержки и не оказали сопротивления проникшим туда солдатам и частям буржуазной нац. гвардии. В таких условиях соглашение с правительством вступило в силу: Ратуша была очищена инсургентами, а на стенах домов появились афиши, приглашавшие население к выборам в Коммуну 1 ноября.

Но выпутавшись таким образом из почти безнадежного положения, правительство вовсе и не собиралось выполнять соглашение, державшееся только на честном слове. Распоряжение о выборах было немедленно аннулировано, и вместо них был проведен 3 ноября плебисцит, давший 321 тыс. голосов гражданского населения в пользу правительства и 53 тыс. против. Результаты этого голосования, а также состоявшиеся 5-го и 7-го выборы мэров и их помощников, давшие всего лишь в трех рабочих округах (11-м, 19-м, 20-м), большинство революционерам, показали, что только передовой пролетариат готов был в то время довести до конца борьбу против власти буржуазии. Наоборот, мелкобуржуазная масса, занявшая колеблющуюся позицию во время самого восстания, после его неудачи готова была пойти на примирение с правительством. Поэтому последнее, уверившись после плебисцита в своей прочности, применило репрессии глав-

ным образом по отношению к бланкистам. Часть их подверглась аресту, часть принуждена была уйти в подполье, в том числе и сам Бланки, а примкнувшие к ним офицеры нац. гвардии были смещены. Вместе с тем правительство своим декретом от 10 декабря распустило делегатские комитеты и реорганизовало «семейные советы» нац. гвардии, которые являлись очагами революционной пропаганды. Но зато радикальная пресса, вопреки требованиям Ж. Фавра и Трошю, не подверглась стеснениям, политические клубы продолжали функционировать, а мелкобуржуазные революционеры, вроде Делеклюза и Ф. Пиа, после кратковременного ареста были выпущены на свободу.

Наконец, еще одним следствием движения 31 октября явилась отставка некоторых несогласных с репрессиями членов правительства (Рошфора, ген. Тамизье, Араго), благодаря чему оно сделалось более реакционно однородным и могло с большей решительностью повести дело к капитуляции Парижа и позорному миру с пруссаками, который казался буржуазии единственным спасением от постоянной угрозы социальной революции.

Но подавляющее большинство парижского населения не хотело и слышать ни о мире, ни о капитуляции. Оно страдало от голода, холода, эпидемий, увеличивавших смертность в ужасающей прогрессии (свыше 4 тысяч в неделю в январе), а с конца декабря начало страдать и от бомбардировки, но все же продолжало надеяться на победу, ждать помощи и избавления от осады со стороны новых армий, организованных в провинции Гамбеттою. Между тем эти армии терпели поражения, одно за другим, правительственная делегация, оказавшаяся в Туре вблизи фронта, принуждена была перебраться в Бордо, а вылазки из Парижа по своей бесплодности и обилию жертв начинали все больше производить впечатление нарочитых кровопусканий, имевших целью только утомить защитников столицы. Это начинали подозревать даже те, которые все время верили в искренность утверждений правительства, что оно не уступит врагу «ни одной пясти земли, ни одного камня крепостей», и что «губернатор Парижа никогда не капитулирует». В действительности правительство, некоторые из членов которого с самого начала считали оборону Парижа «героическим безумием», выжидало только «психологического момента», когда можно будет подписать капитуляцию, не рискуя вызвать новое восстание в рабочих кварталах.

А восстание и помимо того грозило вспыхнуть с минуты на минуту. Недоедавшие массы были прекрасно осведомлены насчет того, какие огромные запасы продовольствия накопили у себя богатые буржуа и крупные торговцы еще перед осадой. Все громче раздавалось требование реквизиции и более справедли-

вого распределения наличных запасов; в декабре начались голодные беспорядки и было разграблено несколько продовольственных магазинов. С другой стороны, становилось ненадежным и настроение умеренной буржуазии. 28 декабря на собрании мэров правительство, и особенно его генералы, подверглось нападкам и был даже поставлен вопрос о необходимости Коммуны! 6 января в «красной» афише ЦК 20 округов эти нападки и требования Коммуны были повторены с удвоенной силой. Возникшая около этого времени мелкобуржуазная организация «Республиканский Альянс» также начинает вести ожесточенную кампанию против правительства. Но конечно наиболее активную антиправительственную пропаганду развивают революционные клубы, в которых обсуждаются уроки 31 октября и готовится новое восстание.

В середине января правительство почувствовало необходимость ускорить развязку и приблизить «психологический момент» капитуляции. Но чтобы этого достигнуть, — доказывал на одном из заседаний военный министр, — необходимо устроить под стенами Парижа бойню для 10—20 тыс. нац. гвардейцев: тогда уцелевшие защитники города спокойнее примут известие о капитуляции. Точно также начальник нац. гвардии Клеман Тома подтвердил, что без «маленького кровопускания» дело не обойдется. Так была решена последняя вылазка из осажденного Парижа — на Бюзенваль.

Бюзенвальская операция — 19 января — поглотила многочисленные жертвы и закончилась разгромом; но эффект ее оказался неожиданным для правительства. 20-го Париж снова увидел демонстрации с красными знаменами и возгласами в честь Коммуны. Правительство пыталось отвести грозу, пожертвовав своим военным министром Трошю, подавшим в отставку. Но 21-го вечером части пролетарской нац. гвардии освободили из тюрьмы Флуранса и других заключенных в ней революционеров; Бланки, вышедший из своего подполья, связался с Республиканским Альянсом, клубами, несколькими командирами нац. гвардии, обещавшими поддержку своих батальонов; в клубах рабочих предместий был дан сигнал к восстанию и площадь перед Ратушей назначена местом встречи на утро следующего дня.

Однако и правительство, сумевшее извлечь для себя уроки из событий 31 октября, приняло свои меры. Хотя оно давно перестало заседать в Ратуше, но во избежание всяких случайностей превратило ее в настоящую укрепленную крепость, снабженную многочисленным гарнизоном, боевыми припасами и продовольствием и способную выдержать правильную осаду. Помимо того, не надеясь уже на помощь буржуазной нац. гвардии, оно

держало наготове несколько военных частей, снятых с фронта и усиленных артиллерией. Заместитель парижского мэра Шодей, командовавший в этот день в Ратуше, мог поэтому с гордостью продемонстрировать все эти военные приготовления делегатам Республиканского Альянса и других политических организаций, которые утром 22-го явились туда требовать назначения выборов в Коммуну. Когда же на площади перед Ратушей, переполненной народом, женщинами и детьми, показались первые вооруженные отряды повстанцев, они были встречены частым убийственным огнем, мгновенно покрывшим всю площадь телами убитых и раненых, главным образом из числа невооруженных демонстрантов или просто любопытствующей публики. После непродолжительной перестрелки нац. гвардейцы, убедившись в бесплодности борьбы с вооруженным до зубов противником, удалились, и площадь была занята подоспевшими отрядами полицейских, которые произвели многочисленные аресты и обыски в прилегающих к Ратуше домах. В правительственной прокламации, опубликованной на следующий день, участники восстания квалифицировались как люди, продавшиеся чужеземцу, и возвещалась необходимость суровых репрессий. Новый губернатор Парижа, бонапартистский генерал Винуа, закрыл все клубы и запретил радикальные газеты. Жюль Фавр немедленно был послан в Версаль, в штаб-квартиру прусской армии для переговоров о перемирии, которые закончились принятием всех требований осаждающих и подписанием 26 января капитуляции. Только 28-го правительство осмелилось оповестить население об ее условиях: уплате 200 миллионов военной контрибуции, эвакуации фортов Парижа, разоружении армии за исключением 12 тыс. солдат, предназначенных для поддержания порядка; для нац. гвардии Жюль Фавр принужден был отстоять ее право сохранить свое оружие, за что он впоследствии «просил прощения у бога и людей».

Таким образом, с восстанием и осадой было покончено почти одним ударом. Правда, 28-го тридцать пять батальонов нац. гвардии, избравши командиров Брюнеля и Пианца начальниками всей гвардии и ген. штаба, сделали еще одну отчаянную попытку сбросить правительство, но изнуренное лишениями и обескураженное прежними неудачами население рабочих кварталов осталось спокойным, и эта последняя попытка была быстро ликвидирована. Перемирие, распространявшееся на всю Францию (за исключением Восточной армии, принужденной перейти границу Швейцарии и там интернированной), вступило в силу, несмотря на протест Гамбетты, патриотические демонстрации южных городов и агитацию радикальной буржуазии провинции, требовав-

РАССТРЕЛ КОНТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ 22 МАРТА НА ВАНДОМСКОЙ ПЛОЩАДИ

«Мирные» демонстранты оставили на площади большое количество оружия

шей организации комитета общественного спасения во главе с Гамбеттой, отставки парижского правительства и возобновления военных действий. Одним из пунктов этого перемирия был предусмотрен созыв в двухнедельный срок Национального собрания, которое должно было подписать окончательные условия мира. Период, отделяющий капитуляцию Парижа от революции 18 марта, заполнен предвыборной борьбой, реорганизацией революционных сил столицы, первыми реакционными действиями нового правительства, выделенного Национальным собранием, его попытками разоружить парижский пролетариат и привести его при помощи целой системы репрессивных мер к молчанию и покорности.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Du Camp. Paris, t. I, p. 447.

(2) Silvéstre de Sacy. Lettres à ma fille (1862—1878). «Revue de deux mondes», 1-er Novembre 1926. Цитируемые здесь письма относятся к 19 и 26 апреля 1871 г.

(3) Аналогичные попытки были сделаны 8 августа в Марселе, 13-го в Лионе и 23-го в Аркиане (городок Ньеврского департамента).

- (4) Debidour. L'Eglise catholique sous la troisième République, P. 1906, 8.
- (5) «Enquête parlementaire sur la révolution du 4 septembre», 1, 287.
- (6) Письмо секретаря Ген. совета Эжена Дюпона от 17. IX.
- (7) Цит. по Доманже, Бланки, стр. 35.
- (8) Циркулярное письмо Дюпона от 7. IX, напечатанное у Testut, L'International et le Jacobinisme au ban de L'Europe, I, XII; Второй адрес Ген. совета Интернационала от 9 сентября.
- (9) См. цит. выше статью Льебера в «Revue de deux mondes», t. 89, 1870.
- (10) Andrieux. La Commune à Lyon, P. 1906, p. 71.
- (11) Debidour, о. с., pp. 12, 25, 62.
- (12) Debidour, p. 25. Предложение Гарибальди явиться со своими волонтерами на помощь Франции было сначала решительно отклонено правительством (в заседании 29 сентября).
- (13) «Le Moniteur de Prussiens de Versailles publié par G. d'Heylli», t. I, p. 284.
- (14) G. Bourgin. Les premières journées de la Commune, P. 1928, p. 16.
- (15) См. мои „Этюды и развідки“, стр. 82.
- (16) Цит. по Bourgin. La Commune de Paris et le Comité Central («Revue Historique», t. 150, p. 15, (1925).
- (17) Molinari. Les clubs rouges pendant le siège de Paris, 175 sq.
- (18) «Murailles politiques», I, 303, Molinari, о. с., 55 sq.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РЕВОЛЮЦИЯ 18 МАРТА

1. — Выборы в Национальное собрание во всей Франции, за исключением крупнейших центров, проходили в самых неблагоприятных условиях для революционных и просто оппозиционных элементов. В 43 департаментах, оккупированных неприятелем, были запрещены всякие предвыборные собрания, всякая агитация; местные представители власти, сохранившие свои посты после падения империи, могли безнаказанно применять привычные для них способы давления на волю избирателей; энергичное участие духовенства в избирательной кампании обеспечивало во многих местах победу реакционных списков; крестьянские массы, бесконечно утомленные войною, жаждавшие мира во что бы то ни стало, интересовались не политическими убеждениями кандидатов, а их отношением к вопросу о войне; Париж, фактически отрезанный от провинции, лишенный возможности снабжать ее своими газетами, информацией, избирательными списками, был бессилён оказать даже малейшее влияние на исход выборов; наконец, попытка Гамбетты частично ослабить реакционеров, лишивши особым декретом избирательных прав всех чиновников империи, вызвала решительный протест Бисмарка и только привела к отставке Гамбетты (1). Таким образом, Национальное собрание, начавшее 13 февраля в Бордо свои заседания, оказалось на две трети монархическим и почти целиком (за исключением ничтожной группы левых республиканцев) консервативным.

Между тем в Париже избирательная кампания, хотя и приведшая к победе буржуазных радикалов или «ручных социалистов» типа Луи Блана, обнаружила новый подъем политической активности массы. Предвыборные собрания, оживленные дискуссии вокруг отдельных кандидатур и избирательных программ, деятельность бесчисленного множества избирательных комитетов — ЦК 20 округов, Республиканского комитета коммун Сен-

ского департамента, Республиканского Альянса, Ассоциации защитников республики, Антимонархической лиги, Республиканской ассоциации нац. гвардии и т. п.—все это создавало благоприятную атмосферу для оформления и уточнения политической программы передового пролетариата, размежевания революционеров и буржуазных радикалов, известной консолидации революционных сил и попыток их организационного объединения. В частности, намечается сближение между многими парижскими секциями Интернационала и революционными, главным образом бланкистскими, группировками. Протестуя против аполитичности Федерального совета, не принявшего участия ни в одном из выступлений парижского пролетариата в период осады, против его блока с буржуазными демократами во время выборов, эти секции даже откололись было от Федерации и образовали на короткое время (до второй половины февраля) второй федеральный совет (2), который, повидимому, принимал участие совместно с ЦК 20 округов в выработке единой социалистическо-революционной программы и попытке реорганизации революционных сил Парижа. В этой программе, которая требовала от каждого примкнувшего к ней социалиста активной борьбы за революционную Коммуну, низвержение господства буржуазии и установление власти пролетариата, были намечены следующие пути организационного единства: создание всюду, где они еще не существуют, социалистических революционных групп; федерация этих групп между собою; подчинение их центральному комитету; ведение в них усиленной пропаганды в пользу Международного товарищества рабочих (3).

20-го и 23 февраля происходят два общих собрания наблюдательных комитетов, которые во время осады были главными органами революционной активности пролетариата и которые теперь берут на себя организацию в каждом округе партийных ячеек. Выработанная ими резолюция гласила:

«1. Наблюдательные комитеты каждого округа немедленно приступят к своей реорганизации, устраняя из своей среды все недостаточно социалистические революционные элементы.

2. Все члены наблюдательных комитетов должны одобрить своей подписью Декларацию принципов, принятую на заседании 19 февраля 1871 г.

3. Наблюдательные комитеты должны организационно оформиться и завести постоянное бюро, постоянное место заседаний и строгую отчетность.

4. Они обязаны сообщить Центральному комитету число членов каждого комитета, адрес бюро, часы его открытия, домашний адрес секретаря комитета.

ВОРДОСОКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ.

Карикатура Домье.

ПРУССИЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ НОВОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
ФРАНЦИИ.

Карикатура Домье.

РОССЕЛЬ.

Военный делегат Коммуны с 30 апреля по 9 мая.
Расстрелян в ноябре 1871 г.

ГЕНЕРАЛ КЛЮЗЕРЕ.

Военный делегат Коммуны с 3 по 30 апреля. Приговорен версальским судом к смерти. Успел бежать.

ГЕНЕРАЛ ЯРОСЛАВ ДОМБРОВСКИЙ

Убит на баррикаде 23 мая.

ГЕНЕРАЛ ЭД. ДЕКЕН

Член Коммуны, член Комитета общественного спасения. Приговорен версальским судом к смерти. Успел бежать.

5. Каждый член наблюдательного комитета уплачивает два раза в месяц взнос в 25 сантимов для покрытия расходов центральной делегации...

6. Каждый наблюдательный комитет обязан по мере возможности, в той или иной форме, организовывать в своем округе группы сочувствующих, которые путем полумесячных регулярных взносов будут усиливать его средства, и

7. Наблюдательные комитеты должны через посредство делегатов влить в свой состав все группы, существующие в их округах, за которыми они признают социалистическо-революционный характер».

Эта резолюция, особенно ее последний пункт, свидетельствует о вполне сознательном стремлении покончить с той распыленностью и хаотичностью революционных сил, которая была основной причиной неуспеха всех предшествовавших выступлений парижского пролетариата. Однако не следует преувеличивать значения этой самой по себе весьма интересной попытки. Она исходила по всем признакам от сравнительно узких бланкистских кругов и связанных с ними количественно ничтожных групп наиболее передовых рабочих; следовательно, при катастрофически быстром развертывании событий, втягивание в новую организацию сколько-нибудь значительных слоев революционного пролетариата вряд ли являлось возможным. Ведь в Париже, как указывает В. И. Ленин, «не было в то время подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления» (4). С другой стороны, как раз в это время происходит окончательное оформление еще одной организации, которая располагала более действенными средствами борьбы и влияния на массу и которая благодаря этому перетянула к себе из Центрального комитета 20 округов, наблюдательных комитетов и секций Интернационала самые активные, боевые их элементы. Мы имеем в виду Центральный комитет национальной гвардии.

Нац. гвардия, включившая в свой состав начиная с 4 сентября большую часть годного к военной службе мужского населения Парижа, представляла собою первоначально социально и политически крайне неоднородную массу, в которой, однако, в процессе революционной борьбы периода осады происходит, как мы видели, известная дифференциация — на «хорошие» (буржуазные) и «дурные» (пролетарские и мелкобуржуазные) батальоны. После заключения перемирия, когда около 60 тыс. наиболее зажиточных буржуа воспользовались первой возможностью, чтобы выехать из беспокойной столицы, количество батальонов «порядка» сократилось с 60 до 20 или 23, и преобладание рабочего эле-

мента обозначилось более резко даже в батальонах центральной части города, не говоря уже об окраинах, где нац. гвардия была сплошь пролетарской или полупролетарской. В лице своих выборных офицеров гвардейцы-рабочие имели не столько военных, сколько политических руководителей. Достаточно указать, что за активное участие в демонстрациях и восстаниях Правительство национальной обороны кассировало выборы или отставило около 900 офицеров нац. гвардии и что даже после этого во многих батальонах и легионных штабах преобладал бланкистский элемент. «Семейные» и административные советы, делегатские собрания для выборов командного состава, комиссии по вооружению и экипировке в известной степени способствовали втягиванию даже отсталой массы в общественную работу и служили для нее, наряду с клубами, своего рода школой политического воспитания. Вместе с тем эти советы являлись зародышевой формой будущей организации нац. гвардии, содействуя установлению связей между отдельными ее частями. Батальонные и легионные семейные советы несомненно облегчили возникновение ЦК нац. гвардии, который и сам нередко называл себя «большим семейным советом».

Толчком к возникновению Центрального комитета явился созыв 6 февраля — по частной и совершенно случайной инициативе какого-то журналиста — общего делегатского собрания нац. гвардии для обсуждения избирательных списков. Собрание, под председательством торговца Курти, одобрило список, представленный блоком Федерального совета Интернационала с тремя буржуазно-демократическими комитетами (5) и назначило на 15-е, ввиду возможности дополнительных выборов, второе заседание. Однако делегаты, которым к этому времени стал известен реакционный состав Национального собрания, явились 15-го уже убежденными в необходимости организованного участия нац. гвардии в политической жизни страны и защите Республики. Приняв наказ парижским депутатам с требованием добиваться в Национальном собрании осуждения членов правительства 4 сентября и Тьера, организации Комитета общественного спасения и возобновления войны с немцами в случае позорных условий мира, делегаты избрали из своей среды временную комиссию для выработки устава Федерации нац. гвардии. Через 9 дней комиссия могла уже предложить на обсуждение вновь созданных делегатов готовый проект устава, между тем как в течение этих 9 дней были проведены сходки по ротам и батальонам, а также распространены в 10 тыс. экземпляров воззвания временной комиссии с целью популяризовать самую идею федерации как военно-политического объединения нац.

БОЙЦЫ КОММУНЫ

Слева направо: артиллеристы, национальные гвардейцы, вольные стрелки, гарibaldiнцы, солдаты и матросы—перешедшие на сторону революции

гвардии под общим выборным руководством. 24 февраля временная комиссия была заменена временным центральным комитетом в составе 31 члена, среди которых были видные члены Интернационала (Варлен, Пенди), а 3 марта утвержден, после обстоятельного и насыщенного политическим содержанием доклада Арнольда, устав Федерации. Этот устав был однако несколько изменен делегатским собранием 10 марта, ввиду того, что к этому времени в Федерацию влилась другая, параллельная организация, возникшая под именем федерального республиканского комитета среди некоторых офицеров нац. гвардии, недовольных своим слабым представительством в ЦК или быть может сознательно стремившихся вызвать раскол в рядах сторонников федерации. В своем окончательном виде Федерация нац. гвардии была организована следующим образом: делегаты от каждой роты образуют батальонный совет или «круг»; делегаты всех батальонных советов данного округа составляют легионный совет; последний посылает своих представителей в центральный комитет. Помимо этих постоянно функционирующих органов раз в месяц созывается общее собрание делегатов, избираемых по ротам. Командный состав, участвуя наряду с рядовыми гвардейцами во всех общих выборах, имеет сверх того во всех перечисленных органах свое особое представительство.

Ко времени введения устава в жизнь Федерация успела охватить 215 батальонов из общего числа 270. Ее политическая физиономия, вначале несколько неопределенная и вызывавшая

подозрения со стороны Федерального совета Интернационала (6), теперь обозначилась вполне отчетливо. 3 марта общее делегатское собрание вынесло два важных решения, а именно: 1) о смещении всех начальников батальонов, которые откажутся подчиняться ЦК нац. гвардии, 2) о создании Сенским департаментом независимой республики в случае отказа Национального собрания перенести свои заседания в Париж. 10 марта в собрании председательствовал уже Пенди — явный признак установления тесной связи между Федерацией и Интернационалом, — и по докладу Арнольда была одобрена следующая программа политической деятельности Федерации:

«Французская республика — прежде всего; за нею — Всемирная республика; уничтожение постоянной армии и вооружение всей нации с тем, чтобы сила никогда не подавляла права;

уничтожение угнетения, рабства или диктатуры какого бы то ни было рода; вместо этого — суверенная нация, свободные граждане, управляющие собою по собственной воле;

устранение всяких королей, господ, навязанных сверху начальников, вместо этого — постоянно ответственные и отзываемые агенты на всех ступенях власти».

Здесь в несколько наивной и примитивной форме, отражавшей уровень политического сознания широкой массы нац. гвардейцев на данном этапе революционного движения, мы находим уже элементы той программы разрушения буржуазной государственной машины, которую должна была проводить в жизнь Парижская Коммуна. Впрочем, перед Федерацией нац. гвардии и ее Центральным комитетом стояла тогда более настоятельная задача, чем выработка теоретических программ: приходилось собирать все силы для отпора реакции, перешедшей в решительное наступление.

2. — Эта реакция была организована в виде Национального собрания, открывшего 13 февраля свои заседания в Бордо. Первые же его шаги обнаружили подлинное лицо нового властелина Франции. Избранное исключительно для заключения мира, Национальное собрание присвоило себе функции учредительного органа; объявило республику временной формой правления; избрало монархиста и палача рабочего класса Адольфа Тьера «главою исполнительной власти», наделив его обширными полномочиями; подписало позорный мир с пруссаками на условиях уплаты пятимиллиардной контрибуции и отторжения от Франции двух провинций — Эльзаса и Лотарингии; фактически

лишило Париж звания столицы, назначив Версаль местом своего постоянного пребывания, и издало последовательно еще три декрета, специально направленных против парижских рабочих и мелкой буржуазии: о лишении жалованья — $1\frac{1}{2}$ франка в день — нац. гвардейцев, которые не подадут об этом письменного заявления с приложением свидетельства о нуждаемости; о прекращении отсрочки по квартирной плате, не вносившейся домовладельцам за все время осады; об уплате в двухнедельный срок по всем векселям, просроченным на основании моратория с августа 1870 г.

Все эти в сущности провокационные декреты только усиливали революционное брожение в Париже. Ответом на назначение Тьера и угрозу республике со стороны монархической «деревенщины» Национального собрания были грандиозные манифестации на площади Бастилии «в память мучеников 1830 и 1848 гг.», организованные с 23 февраля по инициативе клубов (7) и длившиеся при участии нац. гвардии и отдельных частей регулярных войск в течение нескольких дней. Вслед затем известие о предстоящей оккупации немецкой армией одной части города (Елисейских полей), начиная с 1 марта и до ратификации мира Национальным собранием, довело всю парижскую массу до высшей степени возбуждения. С 25 февраля, сначала стихийно, затем под руководством временного ЦК (8), женщины, дети, нац. гвардейцы, вся разношерстная масса парижского населения начинает буквально на руках перетаскивать орудия, расположенные в зоне будущей оккупации, на высоты рабочих предместий, где эти орудия были разбиты на батареи и поставлены под защиту специально возведенных баррикад. Почти одновременно идет захват нац. гвардией артиллерийских, оружейных и пороховых складов и их концентрация в тех же предместьях. Эти грозные военные приготовления, которым парижские власти, несмотря на все усилия, не могли помешать (9), казались сначала направленными против немцев, на случай прекращения перемирия. Клубы и многие батальоны нац. гвардии даже вынесли решение двинуться всей массой против оккупантов, когда те вступят в пределы города. Только авторитетное вмешательство ЦК нац. гвардии помогло предотвратить неминуемое кровопролитие. Действуя в полном контакте с Интернационалом и другими рабочими организациями и по их настоянию, ЦК опубликовал воззвание, призывавшее население к выдержке, где было между прочим сказано:

«Всякое нападение только послужит предлогом для нанесения народу ударов, которые потопят в потоках крови его требования. Мы помним июньские дни.

Нападение может привести к низвержению республики» (10).

Здесь уже видно, как сквозь толщу патриотических, анти-немецких настроений пробивается наружу революционная основа всего движения. Занятие немцами части Парижа революционеры рассматривают как провокацию правительства с целью вызвать восстание, которое могло бы закончиться только повторением июньских дней 1848 г. Они были правы в том отношении, что столкновение с немцами, действительно, было бы весьма наруку для правительства, которое уже в конце февраля могло убедиться в своей собственной слабости в Париже. Братание солдат с народом на площади Бастилии, разоружение полицейских во многих частях города, безнаказанное освобождение нац. гвардейцами из тюрьмы Сент-Пелажи революционных командиров Брюнеля и Пианца, арест теми же гвардейцами генерала-начальника 2-го парижского сектора, неоднократный отказ буржуазных батальонов нац. гвардии выступить против «врагов порядка» (11) — все эти признаки разложения и падения авторитета правительства заставляли его торопиться с ускорением развязки. Его представители в Париже — губернатор Винуа, министр внутренних дел Пикар, мэр города Ж. Ферри и генералитет — решили на своем совещании немедленно после ухода немцев, т. е. 3 марта, приступить к операции по разоружению рабочих. Однако Тьер, который, находясь в Бордо, тем не менее лучше видел действительное положение дел, телеграфно предложил пока воздержаться от нападения впредь до присылки подкреплений. Он считал необходимой «серьезную» репрессию, которая позволила бы радикально разгромить революционное движение и которая поэтому требовала такой же серьезной подготовки. Он назначает префектом полиции жандармского полковника Валянтена, а командующим парижской нац. гвардии Орель де-Паладина, бездарного генерала, смещенного Гамбеттой, но имевшего репутацию «неумолимого», и одновременно отдает распоряжение направить в Париж из Гавра, Шербурга, Лавалья, Пуатье, Шатору и Ларошели все находившиеся там военные части, в общем не менее 36 тыс. солдат, причем Бисмарк, вопреки условиям перемирия, любезно согласился пропустить все воинские поезда в парижском направлении. Любопытны инструкции, которые Тьер одновременно посылает военному командованию и которые только в Версале во время второй подготовки разгрома революции будут успешно осуществлены: войска не следует распылять по городу, а держать крупными частями; непрерывно их инспектировать; тщательно следить за их «моральным» состоянием; содержать их

наилучшим образом, «чего бы это ни стоило». Для перевооружения этих войск, а также жандармерии и полиции у немцев была приобретена большая партия усовершенствованных ружей (шаспо), немедленно направленных из Майнца в Париж. Наконец, с целью обработки «общественного мнения» в провинции, Тьер рассылает 4 марта депеши следующего содержания: «Преступное восстание организуется в этот момент в Париже. Я посылаю туда силы, которые в соединении с благонамеренной нац. гвардией и другими находящимися уже там регулярными частями подавят, я надеюсь, эту гнусную попытку» (12). В Париже тем временем полицейских сводят в крупные бригады, готовят аресты членов ЦК нац. гвардии и других революционных организаций, посылают в рабочие кварталы переодетых в штатское офицеров ген. штаба для изучения расположения баррикад и снятия плана укреплений, устраивают смотры войскам в Трокадеро и на Марсовом поле. Около 10 марта парижские власти, очевидно, считали свои приготовления законченными. В то время как Пикар угрожающе заявляет, что «члены ЦК рискуют своими головами», а Орель де-Паладин объявляет в специальном воззвании «о своей твердой воле энергично подавить все, что может нарушить спокойствие города», Винуа закрывает шесть наиболее левых газет без права выхода под каким-либо другим названием, а военный суд приговаривает к смерти за участие в событиях 31 октября Бланки, Флуранса, Левро и Сирилля, оказавшихся, правда, вне пределов досягаемости.

Таким образом, к провокации Бордоского собрания при помощи реакционных декретов правительство Тьера присоединяет провокацию политикой «мер строгости». Однако положение его вовсе не было блестящим. ЦК нац. гвардии, недостижимый для жандармов и полиции за баррикадами рабочих кварталов, в ответ на угрозы и репрессии принимает свои контрмеры. Он заканчивает концентрацию в своих руках артиллерии и военного снаряжения; организует свои военные сектора и назначает рабочего-бланкиста Дюваля генералом нац. гвардии; отдает распоряжение о разоружении всех батальонов, отказавшихся подчиняться его власти; смещает целый ряд реакционных офицеров нац. гвардии, организуя вместе с тем во многих батальонах перевыборы командного состава, наконец, выпускает пламенное воззвание к солдатам с призывом не подчиняться своим командирам, когда те прикажут им стрелять в парижский народ, и объединиться с последним для спасения республики.

Это воззвание, расклеенное на стенах казарм, охотно читалось солдатами, которые к ужасу своего начальства начинали обнаруживать и другие признаки разложения. В отдельных ча-

стях солдаты арестовывают своих офицеров и — что всего любопытнее — доставляют их для суда в ЦК нац. гвардии, решения которого становятся для них авторитетными. 8 марта на площади Пигаль ими едва не был повешен один офицер по обвинению в растрате солдатского жалованья. После смотра 12 марта, подтвердившего общее впечатление о ненадежности многих частей, генералы заявили, что не ручаются за своих солдат, если их немедленно не изолируют от парижского населения. Все это, а также неудачные попытки некоторых «радикальных» мэров, вроде Клемансо, добиться от ЦК добровольной сдачи властям артиллерии вызвало отсрочку еще ранее решенной атаки на рабочие кварталы.

Наконец 16 марта на Совете правительства с участием Тьера и всех министров, приехавших из Бордо, была решена генеральная атака, план которой был окончательно утвержден 17-го на совещании всего генералитета. Немедленно по окончании совещания, в час ночи, войска, предшествуемые полицейскими и жандармерией, были двинуты на Монмартр, Бельвиль и Шомонские высоты, где находились главные артиллерийские парки нац. гвардии. Войска имели задание оцепить рабочие кварталы, завладеть и вывезти в центр Парижа орудия, в то время как полиция и жандармерия, под руководством полицейских комиссаров, должны были произвести многочисленные обыски и аресты по заранее заготовленным спискам. Рано утром 18-го передвижение войск закончилось, и вся операция, не встречая скольконибудь серьезного сопротивления со стороны застигнутых врасплох нац. гвардейцев, начала уже осуществляться.

Однако при первых криках тревоги разбуженное население высыпало на улицы. Действующие части были буквально окружены женщинами, детьми, нац. гвардейцами, поднимавшими приклады своих ружей кверху с дружественными возгласами в честь солдат, с упреками и проклятиями по адресу их офицеров. Несмотря на усилия последних сохранить дисциплину в своих частях и заставить их открыть огонь по толпе, солдаты точно также поднимают ружья прикладами вверх или отдают их окружающим. Начинается почти повсеместное братание солдат с народом. Некоторые части арестовывают своих командиров, — в частности так был арестован один из руководителей операции генерал Леконт со своим штабом, — и отводят их в ближайший наблюдательный комитет (13). Уже захваченные было орудия возвращаются на место, разрушенные баррикады восстанавливаются, один из жандармских отрядов принужден выпустить из рук первую свою добычу — трех арестованных им членов ЦК — и сам попадает в плен к нац. гвардейцам, отряды войск, еще

ВНУТРЕННОСТЬ РАТУШИ (ДВОР ЛЮДОВИКА XIV)

В первые дни после свержения правительства Тьера

сохранившие кое-какую дисциплину, поспешно покидают высоты и отводятся своими офицерами за Сену, откуда Винуа подготавливает их дальнейшее отступление — на Версаль. К 11 часам утра правительству стало ясно, что его великолепный, во всех деталях продуманный план потерпел полное крушение. Нужно было спасти главную опору власти — армию, прежде чем ее неповиновение не превратилось в открытый мятеж, спасти аппарат власти — министерства, полицию, средства связи с провинцией, прежде чем победоносное восстание им завладеет, разрушит или использует в своих интересах.

Действительно, надежды на успешную борьбу с восстанием внутри города не было никакой. Помимо полного почти разложения армии, на Тьера произвело огромное впечатление то обстоятельство, что буржуазная нац. гвардия совершенно не откликнулась на призыв правительства и не явилась помочь ему, хотя сбор били неоднократно в течение утра во всех зажиточных кварталах. Это был беспрецедентный в истории случай, когда власть принуждена была отдать Париж в руки восстания почти без боя. Вопреки мнению всех членов правительства и парижского мэра, Тьер настоял на спешной эвакуации всех военных сил и аппарата

управления в Версаль, куда он бежал первым под охраной жан-дармского конвоя.

Между тем в рабочих предместьях после первого чисто стихийного движения массы, которой удалось отстоять свои пушки, появляются при дальнейшем развертывании событий известные признаки организованности и руководства со стороны Центрального комитета. Постепенно члены ЦК сходятся на место своих обычных заседаний, в здание школы на улице Бафруа, устанавливают связь с товарищами, действовавшими в отдельных округах — с Варленом в 17-ом округе, Дювалем в 13-ом, Пенди в 3-ем, Моро в 4-ом, Бержере в 18-ом — собирают отовсюду информацию, стараются ориентироваться в создавшейся обстановке, отдают распоряжения. Около трех часов дня батальоны Батиньоля (17-й окр.) и Монмартра (18-й), подчиняясь приказу ЦК, начинают движение в центр, к Вандомской площади, где занимают ген. штаб. В то же время Брюнель захватывает Национальную типографию, разоружает солдат в казарме Наполеона и, соединившись с отрядом Пенди, окружает со всех сторон здание Ратуши. Наконец, после занятия Дювалем полицейской префектуры важнейшие позиции города оказываются в руках пролетарских батальонов, которые окружают баррикадами все захваченные ими пункты. Поздно вечером Центральный комитет переносит свои заседания в Ратушу, над которой уже развевалось красное знамя. Париж имел новое правительство, и при том на этот раз — впервые в истории — правительство пролетариата.

На основании новейших данных (14) можно теперь считать вполне установленным, вопреки распространенному мнению, что ЦК нац. гвардии, по крайней мере во вторую половину дня 18 марта, действительно руководил движением. Но не он это движение вызвал, его значения и размеров не предвидел и к нему не готовился. Все приготовления ЦК в предшествовавшие дни имели своей единственной задачей дать отпор реакции в случае ее нападения, организовать силы парижского пролетариата для защиты республики, но отнюдь не начинать социальную революцию, для которой обстановка, ввиду наличия немецкой армии у самых стен Парижа и отсутствия связей с пролетариатом провинции, совсем не была благоприятной. С другой стороны, будучи по своему социальному составу подлинным выражением парижской трудящейся массы, ЦК насчитывал в своей среде лишь единичных лиц — Варлена, Пенди, Моро, — искушенных в политической борьбе, достаточно энергичных и относительно более пригодных к роли руководителей пролетарской революции. Для ЦК в целом эта роль была явно непосильной, и он поэтому в первый же день сделал ряд непоправимых ошибок. Он не распо-

рядился занять министерства, откуда беспрепятственно шла эвакуация в Версаль; не захватил Французского банка и Центральной почты, директор которой оставался на своем посту до 30 марта; не подумал об аресте министров, остававшихся до самого вечера в Париже; назначил начальником всех вооруженных сил Парижа проходимца и предателя Люлье только потому, что тот первым явился предложить Комитету свои услуги «военного специалиста»; оставил открытыми ворота Парижа, через которые непрерывно уходили в Версаль регулярные войска с громким ропотом и озлобленными ругательствами по адресу сопровождавших их жандармов. Наконец, ЦК по непонятной причине не позаботился немедленно информировать провинцию о событиях и дал возможность «Официальной газете» ночью напечатать, а затем распространить свою клеветническую версию, в которой ЦК назывался органом бонапартистов или пруссаков и обвинялся в преднамеренном убийстве генералов Леконта и Тома, в действительности расстрелянных в общей суматохе неорганизованной толпой солдат и нескольких нац. гвардейцев.

Все эти ошибки, углубленные и умноженные в последующие дни, не могли не ухудшить положения Парижа и не отразиться губительным образом на исходе революции. Но они несколько не меняют общего итога событий 18 марта. В этот день власть перешла из рук буржуазии в руки пролетариата: «славная рабочая революция безраздельно владела Парижем» (Маркс). «Борьба рабочего класса с классом капиталистов, — писал Маркс по поводу последствий 18 марта, — вступила в новую фазу. Как бы дело непосредственно на этот раз ни кончилось, новый исходный пункт, имеющий всемирно-историческое значение, все-таки завоеван». Этой новой фазой, новой главой в истории рабочего революционного движения явилась диктатура пролетариата.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) 6 февраля. Отставке Гамбетты предшествовала борьба между парижской и бордоской частями правительства. Пикар, отправленный из Парижа в Бордо с целью подорвать влияние Гамбетты, добился успеха, опираясь на могущественную поддержку Бисмарка, который в то время являлся настоящим властелином Франции.

(2) Инициатором раскола был Серайе, посланный еще 4 сентября в Париж. Генеральным советом Интернационала для связи с парижской организацией. См. Н. Лукин, Новое о Коммуне («Борьба классов», № 1, 1931 г. стр. 64 сл.).

(3) Bourgin, цит. статья, стр. 15 — 17.

(4) Собр. соч. т. XV, стр. 159.

(5) Республиканский Альянс, Республиканский союз и Комитет защитников республики. Протокол этого и всех последующих собраний напечатан в «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», III.

(6) См. протокол Фед. совета от 1 марта в «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars».

(7) Донесение префекта полиции Тьеру от 23 февраля, напечатанное у Ch. Yriarte. Les prussiens à Paris et le 18 mars. Paris, 1871, p. 15s. Все дальнейшее изложение событий конца февраля опирается главным образом на серию весьма интересных правительственных телеграмм, помещенных в этой книге.

(8) Yriarte, p. 36.

(9) Ibid, p. 28. Властям не удалась даже попытка добиться по крайней мере, чтобы пушки были переданы нац. гвардии буржуазных кварталов, которые собрали по подписке средства для изготовления этих пушек во время осады.

(10) Bourgin, цит. статья в «Revue historique», p. 32. Ср. аналогичное и почти рождественное по форме обращение Федерального совета, подписанное Гулле, Пенди, Валлэсом, Роша, Беле, Авриалем, Ант. Арно и др. Yriarte, 99 sq.

(11) Yriarte, pp. 34, 35, 38, 39.

(12) Frédéric. Damé. La résistance, les maires, les députés de Paris et le Comité Central. P. 1871, p. 260.

(13) Леконт был несколько позже расстрелян своими же солдатами, возмущенными его жестоким обращением, а также неоднократными приказами стрелять в женщин и детей. Вместе с ним был расстрелян Клеман Тома, один из палачей рабочих в июне 1848 г.

(14) Bourgin. Les premières journées de la Commune, Paris 1928.—Laronze, Histoire de la Commune, P. 1928, p. 9—12.

РАЗВИТИЕ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОММУНЫ

1. — Победа пролетариата в Париже была неполной, пока в ближайшем соседстве с ним, в Версале, существовало Национальное собрание «деревенщины», правительство Тьера, эвакуированные из столицы министерства, полиция, жандармы, обломки регулярной армии — словом, весь аппарат государственной власти, хотя и сильно потрепанной событиями 18 марта, но обладавшей еще значительными ресурсами для продолжения борьбы и сохранившей в своих руках важнейшие рычаги управления страной.

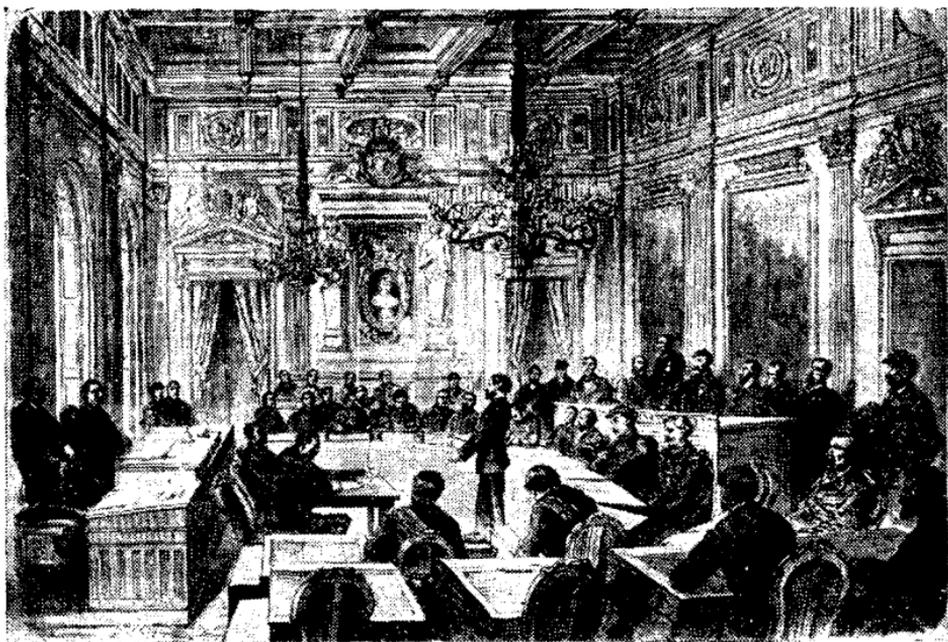
Центральный комитет нац. гвардии, который волею огромного большинства трудящегося населения столицы оказался во главе революции, обязан был при таких условиях проявить максимальную энергию и решительность: провозгласить себя революционным правительством всей Франции, уничтожить очаг контрреволюции в Версале, пока последняя не успела организовать свои силы, объявить о созыве нового Собрания, поскольку существующее исчерпало заключением мира с пруссками свои полномочия, поднять восстание в промышленных центрах и при помощи ряда подлинно революционных декретов завоевать симпатии и поддержку трудящихся масс всей страны.

Центральный комитет всего этого не сделал. Он не бросил немедленно своих сил на Версаль, хотя вопрос об этом уже 19-го был поднят членом ЦК Дювалем и некоторыми начальниками батальонов. Он не обеспечил за собой и в дальнейшем возможности успешного нападения на Версаль, путем захвата форта Мон-Валерьен, господствовавшего над парижско-версальской дорогой, хотя его внимание и обращали на важность овладения этой ук-

репленной позицией (1). Он в первой же своей прокламации, опубликованной на следующий день после революции, объявил, что «не претендует занять место правительства, только что опрокинутого народной стихией», что он считает свои полномочия законченными и что он сохраняет за собой Ратушу — освященное традицией место пребывания каждой революционной власти в Париже — только впредь до производства «коммунальных выборов». Словно опасаясь, что его все же будут считать правительством, ЦК неоднократно подчеркивал и в ряде других своих деклараций — к департаментам, к нац. гвардии, ко всему парижскому населению, — что «считает долгом простой порядочности остаться точно в узких границах полученных им полномочий», которые состоят исключительно в подготовке и организации выборов в Коммуну. И наконец, грубейшая ошибка, которая уже сама по себе должна была повести к поражению революции, — он вступил с мэрами и депутатами Парижа в затяжные переговоры в таких условиях, которые делали эти переговоры заведомо бесплодными и пагубными для революции, в то время как реакции они дали возможность прийти в себя после понесенного поражения и собраться с новыми силами для наступления против Парижа.

Не то, чтобы тактика соглашений и компромиссов с врагами революции со стороны только что возникшей власти пролетариата была вообще говоря принципиально недопустимой или в тот момент неправильной. Наоборот. «Принимать бой, — писал Ленин, — когда это заведомо выгодно неприятелю, а не нам, есть преступление, и никуда не годны такие политики революционного класса, которые не сумеют проделать «лабиринты, соглашения, компромиссы», чтобы уклониться от заведомо невыгодного сражения» (2). Эти слова величайшего стратега революционной борьбы как нельзя лучше относятся к тому положению, в котором находился тогда Центральный комитет. Не говоря уже о явной организационной и теоретической неподготовленности французского пролетариата к решительной схватке с буржуазией, нельзя упускать из виду и того «решающего неблагоприятного случая», о котором писал Маркс Кугельману, — «присутствия в пределах Франции и у ворот самого Парижа пруссаков» (2а). «Присутствие пруссаков», независимо от первых успехов Центрального комитета, не могло не оказать угнетающего влияния на революцию, не могло не служить для нее постоянной угрозой.

Действительно, нетрудно ведь показать, что пруссаки при желании могли бы без затраты больших усилий принудить революционный Париж к вторичной капитуляции. Хотя они, сог-

ЗАСЕДАНИЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

На председательском месте Ант. Арну, Феликс Пиа произносит речь

ласно условиям мира, начали уже освобождение парижских фортов, но северо-восточные укрепления, которые господствовали над рабочими предместьями, оставались еще в их руках и давали им возможность возобновить при первой необходимости осаду с еще большими шансами на успех. Это было настолько очевидно, что русская реакционная газета «Сын отечества», еще не осведомленная о первых шагах Центрального комитета, писала 23 марта: «Красные, повидимому, забывают, что немецкие войска еще занимают северные и восточные форты города и что орудия этих фортов господствуют над Парижем, который они могут в продолжение одних суток превратить в развалины» (3). Не многим лучше дело обстояло и в провинции, где немецкое командование точно также располагало могущественными средствами, чтобы задушить первые признаки революции, если бы она перекинулась в занятые ими департаменты, а также чтобы оказать существенную помощь французской реакционной буржуазии и в незанятых немцами департаментах. К моменту парижской революции немецкая оккупация еще распространялась на 36 департаментов, объявленных на военном положении и управлявшихся немецкими префектами. «Пруссаки... хорошо нас охраняют, — доносил Версальскому правительству первый пред-

седатель Нансйской судебной палаты. — Они страшатся всего, что могло бы нарушить повиновение и спокойствие, и задушили бы с крайней строгостью первые признаки даже законного волнения, и этой уверенности самой по себе достаточно, чтобы помешать проявлению... преступных намерений. Таким образом, можно сказать, что иностранная оккупация, будучи для нас кошмаром и разорением, является зато, как бы в виде компенсации, нашим спасением» (4). Точно также председатель Амьенской палаты писал: «Оккупация прусской армией департаментов Соммы, Уазы и Эна... не позволяла парижскому восстанию ни получить, ни даже надеяться на получение активной поддержки» (5). Таким образом, немцы, опираясь на широкую базу оккупированной ими части Франции, держали под ударом остальные департаменты, подобно тому как они держали под ударом Париж.

Но возникает вопрос: захотели ли бы немцы использовать свои силы для борьбы с революцией и пойти, таким образом, на вмешательство во внутренние дела Франции? В этом теперь нет, да и тогда не могло быть никаких сомнений. Мы видели, какое содействие уже в начале марта оказывало прусское командование «законному правительству Франции», когда речь шла еще только о предотвращении угрозы революции в Париже. После же того как эта революция совершилась, и правительство и господствующие классы Германии проявили сильное беспокойство. Им приходилось серьезно опасаться и за «судьбу порядка у себя дома», и за выполнение Францией условий мирного договора. Если о первом упоминалось только в буржуазной немецкой прессе, то второе служило предметом оживленной дипломатической и частной переписки. «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы свободно избранное Францией Собрание... и правительство, с которым мы заключили предварительный договор о мире, остались у власти и не были сброшены каким-нибудь другим правительством, которое может снова все поставить под вопрос, — писал фельдмаршал Мольтке. — До тех пор, пока французское правительство не подчинит себе Парижа, оно не сможет восстановить свой авторитет в стране и приобрести финансовый кредит, без которого невозможны предстоящие ему колоссальные платежи» (6). Неудивительно, что при первом известии о парижских событиях Бисмарк немедленно предложил свои услуги для ликвидации «парижского мятежа», а Мольтке разработал план немецкой интервенции (7). Из частной переписки Бисмарка мы узнаем, как реагировал вершитель судеб Германии на революцию 18 марта. «В присутствии затруднений, созданных для французского правительства парижским движением, — писал он 24 ап-

ВОССТАНИЕ 22 ЯНВАРЯ 1871 г.

Расстрел манифестантов на площади Ратуши.

БОРЬБА НА УЛИЦАХ ПАРИЖА ВО ВРЕМЯ КРОВАВОЙ МАЙОКНОЙ НЕДЕЛИ.

Раненого командира коммунаров уносят.

реля, — у нас с первого же момента явилось намерение положить конец теперешнему положению Франции при помощи интервенции». Ему только не хотелось оказать эту услугу правительству Тьера помимо его желания, ибо это могло бы, по мнению Бисмарка, привести к сближению всех партий и фракций французской буржуазии и даже к их объединению против Германии (8). С другой стороны, Бисмарк имел в виду получить за помощь Версалю вознаграждение, которым явилось бы сокращение сроков уплаты пятимиллиардной контрибуции, на что Тьер вначале не соглашался. Вот почему, пока Версальское правительство торговалось с немцами и отклоняло мысль об интервенции, опасаясь неблагоприятного впечатления, которое открытое вмешательство оккупантов могло бы произвести на патриотически настроенные массы в провинции, командующий оккупационной армией под Парижем, генерал Шлотгейм счел необходимым заявить Центральному комитету о своем нейтралитете. Последующие события показали, какую цену можно было придать этому заявлению. Известно, что прусское командование сделало с своей стороны все возможное, чтобы облегчить и ускорить победу Версаля. Не говоря уже о том, что Бисмарк предоставил Тьеру необходимые военные силы для борьбы с Парижем, вернув из Германии французских военнопленных, из которых была сформирована армия «порядка», немцы не постеснялись, вопреки своим заявлениям о нейтралитете, принять активное участие в блокаде Парижа версальцами. В донесении русского посла Окунева своему правительству от 1 мая мы находим на этот счет следующее прямое указание: «С некоторых пор, — пишет Окунев, — немецкие власти начали способствовать ведению осады, захватывая для собственных нужд все предназначающееся для Парижа продовольствие при провозе его через северную и восточную границы. Однако по этому поводу не было заключено никакого соглашения, и участие немецких властей в блокаде Парижа совершается без какого-либо побуждения их к тому французским правительством. Это участие — добровольно и, кажется, порождается исключительным желанием как можно скорее покончить с мятежом» (9).

Что и в провинции немецкие оккупанты совсем не собирались оставаться пассивными зрителями гражданской войны, доказывает, помимо уже ранее приведенных свидетельств, тою успешностью, с какой они откликнулись в занятых ими городах на известия о парижских событиях. Так, например, в Дижоне, почти немедленно после получения сообщения о перевороте, было расклеено на стенах следующее грозное предостережение, помеченное 20 марта:

«В департаментах, оккупированных немецкими войсками, остается в силе и будет попрежнему сурово применяться военное положение. Население должно иметь это в виду, дабы не возникла необходимость в употреблении столь же необходимых, как и обоснованных военных мер».

Подписано: «Комендант Веделе» (10).

Итак, немецкая интервенция, в случае начала гражданской войны во Франции, была совершенно неизбежной. «А это знали, — писал Маркс 17 апреля, — и версальские буржуазные каналы. И поэтому-то они и поставили пред парижанами альтернативу — либо вступить в борьбу, либо сдаться без борьбы» (11). Но это прекрасно понимали и сами парижане, по крайней мере их руководящая верхушка. Артур Арну, который сам был непосредственным участником революции, делает на этот счет совершенно определенное указание в своей «Народной и парламентской истории Парижской Коммуны»: «В игре Тьера был только один, но ужасный козырь — пруссаки! С ними ему нечего было бояться. Победоносная на один день революция, которой он даже не пытался сопротивляться, которую он поджидал в Версале с саквояжем под мышкой, все равно разбилась бы на другой день об острия немецких касок. Имея за себя пруссаков, он мог бы ее раздавить и поднять против нее остальную часть страны, крича ей: «вы видите этих революционеров, этих социалистов; вот кто предает отечество чужеземцам, кто обрекает нас на самые большие унижения, на самые тяжелые уступки. Они — соучастники Бисмарка, они им подкуплены, они сами пруссаки!»... Эти соображения, этот страх перед прусской интервенцией преобладал над всеми заботами Центрального комитета, оказывал давление на все его решения» (12).

В этих словах имеется, конечно, значительная доля преувеличения, но несомненно, угроза интервенции, а также другие затруднения, созданные для революционного Парижа немецкой оккупацией (отсутствие регулярной связи с провинцией, зависимость столицы в продовольственном отношении от прусских войск, контролировавших важнейшие железнодорожные пути и т. п.), учитывались руководящими революционными кругами, в частности бланкистами, влияние которых в Центральном комитете было наиболее сильным и которые теперь выступают решительными сторонниками соглашения с радикальной буржуазией. Дело в том, что 20 марта мэры и депутаты Парижа опубликовали афишу, в которой они предлагали Версальскому национальному собранию заключить с революционной столицей соглашение на следующих условиях: выборы начальников националь-

ной гвардии и выборы в муниципальный совет Парижа на основе всеобщего избирательного права. Согласно Версаля на эти условия фактически означало бы признание правительством совета Коммуны, как завоевания революции 18 марта, признание известной независимости Парижа от реакционной власти, сохранение в руках пролетариата оружия и самостоятельной военной (гвардейской) организации. Рабочий класс получил бы таким образом более или менее длительную передышку, столь необходимую ему для подготовки и концентрации своих сил. Вот почему даже такие убежденные революционеры, как бланкист Жаклар, стояли за соглашение с Версалем на основе предложения мэров и депутатов, совершенно не подозревая того, что это предложение было сделано единственно с целью оттянуть выборы в Коммуну и сделать невозможным немедленное наступление национальной гвардии на беззащитный в тот момент Версаль (13). Вот почему также Центральный комитет 20 парижских округов, в составе которого было немало непримиримых «социалистов-революционеров», на своем заседании 21 марта единогласно вынес резолюцию в духе «политического соглашения со всеми живыми силами демократии». «Собрание делегатов 20 округов, — читаем мы в этой резолюции, — предлагает свое полное содействие Федеральному комитету национальной гвардии, заседающему в Ратуше, приглашает Комитет придерживаться решения о возможно более скором начале выборов коммунальной администрации и уполномочивает своих делегатов сделать все, чтобы эта цель была достигнута совместно с Центральным комитетом, парижскими депутатами и муниципалитетами» (14).

Такую же примирительную позицию по отношению к буржуазии заняла вся парижская революционная пресса без различия оттенков и направлений. «Коммуна, это — порядок, экономия в расходах, открытая дверь к социальным реформам», — пишет газета «Коммуна» 20 марта: «Это, одним словом, означает, что эра насильственных революций закончилась, и гражданская война стала невозможной» (15). — «Мы не перестанем рекомендовать вооруженному народу великого республиканского города благоразумие», — с своей стороны заявляет орган Паскаля Груссе и Арт. Арну «Новая республика» (16). — Жюль Валлес в своем «Cri du peuple» точно так же советует Центральному комитету спокойствие и выдержку и убеждает его «оставаться незаинтересованным посредником между народом и буржуазией». — «Колокол призывает к труду, — пишет он 21 марта, — а отнюдь не к борьбе» (17). А популярная в рабочих кругах бланкистская газета «Отец Дюшен», высказываясь по своему

обыкновенно без всяких дипломатических умолчаний и иносказаний, ставит совершенно определенно вопрос о необходимости соглашения и примирения с буржуазией. «Для чего, о brave буржуа, сегодняшние добрые друзья, — пишет он 25 марта, — отцу Дюшену приходится кусать себе ногти от гнева при виде того, что вы выступаете пред нами как враги. Ибо мы не только не проповедуем ненависти и гражданской войны, а, наоборот, желаем примирить всех граждан, доказывая им, что народ и буржуазия, рабочие и хозяева, трудящиеся и капиталисты — все одинаковы, интересы у всех одни и те же и благосостояние одних неминуемо ведет за собою благосостояние других». Любопытно, что бланкисты пишут все это, ссылаясь на Прудона, и заканчивают свой призыв к буржуазии уверением, что «все революционеры, на которых так клеветают, превыше всего ставят семью — основу общества, собственность — плод труда, справедливость — сестру революции» (18).

Приведенные цитаты, число которых можно было бы умножить, обнаруживают полное единодушие в революционных рядах по вопросу о соглашении с Версалем. Но если на такой позиции стояли даже самые непримиримые революционеры, то одно уже это доказывает, что мы имеем здесь дело не с беспринципным мелкобуржуазным соглашательством, а с определенной, вынужденной обстоятельствами тактикой, необходимостью которой была засвидетельствована таким авторитетным судьей, как Карл Маркс. В 1881 г. он писал голландскому революционеру Домеле Ньювенгуйсу о Парижской Коммуне: «При достаточном количестве здравого смысла она могла бы однако достигнуть полезного для всей народной массы компромисса с Версалем, который единственно и был тогда достижим. Одного захвата Французского банка было бы достаточно, чтобы положить конец версальской заносчивости» (18а). Таким образом, ошибка, и притом самая существенная и роковая ошибка Центрального комитета, заключалась отнюдь не в его соглашательской тактике, а в совершенно неправильном ее применении. Захват банка и ряд аналогичных мероприятий, которые поставили бы под угрозу экономическое могущество буржуазии, заставили бы ее пойти на компромисс с тем большей поспешностью, что во времена Центрального комитета военный перевес далеко еще не был на стороне Версаля, и возможность вооруженного овладения Парижем казалась еще достаточно проблематичной.

Нужно отметить, что в ходе переговоров с мэрами и депутатами Центральный комитет проявил необходимую выдержку и достаточную меру уступчивости. Выпроводив от себя утром 19-го радикального буржуа Ланглау, назначенного, в виде «уступки»

МАСТЕРСКИЕ ПОЧИНКИ ОРУЖИЯ В ЛУВРЕ ПРИ КОММУНЕ

Цех починки ружей

со стороны правительства, начальником национальной гвардии, Центральный комитет вечером того же дня берет на себя инициативу переговоров и посылает с этой целью своих делегатов к собранию мэров и депутатов. Будучи единственной авторитетной властью в Париже, ЦК тем не менее сносил заносчивое

высокомерие этих мэров и депутатов, которые в качестве «законных народных избранников» считали его членов выскочками, узурпаторами и отказывались договариваться с ними, как равные с равными. Центральный комитет довел свое благоразумие и осторожность до того, что во время переговоров с буржуазией выдвинул самые минимальные политические и социальные требования. «Мы хотим, — заявил от имени ЦК Варлен, — не только выборного муниципального совета, но и серьезных муниципальных вольностей, уничтожения полицейской префектуры, права для нац. гвардии назначать самой своих начальников и реорганизовываться, провозглашения республики законной формой правления, полного аннулирования задолженности по квартирной плате, справедливого закона о платежах по векселям, запрещения армии доступа на парижскую территорию». А бланкист Дюваль в прокламации, подписанной им в качестве делегата при полицейской префектуре, проявляет еще большую осторожность. «Париж требует, — пишет он, — 1) избрания парижской мэрии; 2) избрания мэров, их помощников и муниципальных советников от двадцати округов города Парижа; 3) избрания всех командиров нац. гвардии от первого и до последнего; 4) Париж отнюдь не имеет намерения отделиться от Франции, совсем напротив: он терпел ради нее империю, Правительство национальной обороны, его предательство и трусость. И конечно теперь не покинуть ее он имеет в виду, но только сказать ей в качестве старшей сестры: «Держись сама твердо, как держался я; воспротивься гнету, как я воспротивился» (19). Это можно было понять как готовность Парижа ради Франции терпеть и правительство Тьера, и Собрание «деревенщины», если Франция сама не выступит против гнета и, подобно Парижу, не свергнет угнетателей. Легко также заметить, что прокламация Дюваля не выдвигала в сущности никаких новых требований по сравнению с предложениями мэров и депутатов от 20 марта. Дальше идти в смысле уступок было, действительно, некуда.

Но без указанной Марксом гарантии успешности переговоров с версальцами — захвата Французского банка (да и других крупнейших предприятий буржуазии) — все эти уступки, на которые пошел или готов был пойти Центральный комитет, производили впечатление бесполезных жертв, только способствовавших затягиванию переговоров и тем ухудшавших стратегические позиции пролетариата в предстоящей борьбе. Неудивительно, что парижская рабочая масса, национальная гвардия, красные клубы, различные революционные комитеты, самопроизвольно возникшие в округах после 18 марта, инстинктивно чувствуя какую-то огромную ошибку, допущенную в применении соглашательской тактики,

не понимали и не одобряли уступчивости Центрального комитета, которую враги склонны были рассматривать как признак бессилия. В клубах даже начинали поговаривать о том, чтобы «дезавуировать людей, сидящих в Ратуше, если и они предадут народ, а в случае необходимости и расстрелять их» (20). Особенно возмущало гвардейскую массу затягивание переговоров о выборах в Коммуну. «Вы должны понять, — заявил мэрам и депутатам представитель ЦК Ранвье, — что мы не единственные хозяева положения: за нами стоят наши люди, утомленные восьмидневным напряжением, и торопят нас покончить со всем этим; они уже обвиняют нас в отсрочке выборов, первоначально назначенных на 22-е. На нас производят давление, мы не можем больше ждать» (21).

Отчасти этим давлением объясняется, что Центральный комитет в последний момент отказался освободить Ратушу, на что его делегаты, повидимому, дали раньше согласие. Именно этим объясняется также, что ЦК, вопреки своим собственным декларациям, осуществлял целый ряд правительственных функций, выступал как государственная власть.

19-го он отменяет в Париже военное положение, декретирует амнистию за политические преступления, декретирует отмену военных судов в армии, назначает своих делегатов в различные министерства, полицейскую префектуру, административные и муниципальные учреждения, превращает «Официальную газету французской республики» в свой официальный орган.

20-го он выпускает на свободу 1 200 солдат, находившихся в военной тюрьме. 21-го он приостанавливает продажу с аукциона заложенных в ломбарде вещей и выносит решение выдать бесплатно вещи, заложенные на сумму менее 20 франков. 23-го он рассматривает вопрос об аннулировании задолженности по квартирной плате, причем, хотя он постановляет передать на окончательное решение Коммуны одобренный им проект, но делегат при министерстве внутренних дел Грелье фактически проводит этот проект в жизнь, не дожидаясь Коммуны. 20 марта, в качестве «фактически существующего правительства», он получает в Французском банке один миллион, а у Ротшильда — заем в 500 тыс. 24-го он посылает в банк два батальона, чтобы вынудить уплату аванса в счет второго обещанного ему миллиона. Наконец, он прибегает к реквизициям обуви, одежды, продуктов, необходимых для содержания нац. гвардейцев и солдат, не пожелавших уйти в Версаль вместе со всей армией; смещает муниципальных чиновников, отказывающихся подчиняться его распоряжениям; издает приказы, направленные к поддержанию революционного порядка в городе; арестовывает некоторых видных бюрократов, случайно

застрывших в Париже, и множество политически подозрительных лиц. Все это были уже чисто правительственные акты, вынуждаемые частично отсутствием всякой другой власти в городе, частично давлением снизу, со стороны революционной массы.

✓ Политика Центрального комитета, таким образом, была полна противоречий, и уже одно это было губительным для дела революции.

2. — В Версале, наоборот — никаких колебаний, решительное отрицание политики компромиссов, твердое намерение собственными силами или, на худой конец, силами оккупантов покончить раз навсегда с революционным очагом в Париже. Реакционной буржуазии, собравшейся в Версале, нельзя отказать в пронизательности и хорошем классовом чутье. Она поняла сразу, гораздо раньше, чем либеральные политики, что не требование муниципальных вольностей, а борьба за социальное и политическое освобождение пролетариата лежит в основе движения 18 марта (22). В соответствии с этим Национальное собрание уже 21-го опубликовало воззвание «к гражданам и солдатам», в котором оно заверяло их, что «не поддастся слабости, которая лишь усиливает зло» и ни в коем случае не пойдет на соглашение с парижскими «преступниками». С своей стороны Тьер и его министры предупредили по телеграфу провинциальные власти, что никакие распоряжения «мятежного правительства в Париже» не должны приниматься во внимание; предписали конфисковывать всюду «Официальную газету», перешедшую с 19-го в руки ЦК; прервали почтовые и телеграфные сношения столицы с департаментами; отозвали в Версаль, под страхом немедленного увольнения, всех гражданских и военных чиновников, которые, действуя согласно полученным инструкциям, дезорганизовали перед отъездом все службы Парижа и увезли с собой важнейшие бумаги и кассовую наличность своих учреждений. Исключительные заботы были уделены армии, выведенной из Парижа в самом деморализованном состоянии. Ненадежные части были расформированы и сотни или даже тысячи солдат, проявивших особенно явные симпатии к революции, посланы в дисциплинарные батальоны; остальные были изолированы от внешнего мира, помещены в казармах вместе со своими офицерами и подвергнуты искусной обработке в контрреволюционном духе. К концу месяца в их ряды непрерывным потоком начинают вливаться пополнения из возвращаемых Германией военнопленных. Но для окончательной реорганизации армии и превращения ее в надежное орудие реакции все же было необходимо некоторое время. Эту важную для Версаля передышку создали тайно поощряемые Тьером переговоры мэров и депу-

ЗАСЕДАНИЕ ЖЕНСКОГО КЛУБА В ЦЕРКВИ

татов с Центральным комитетом (23). Когда эти переговоры (в которых ренегаты социализма, Луи Блан, Толен, Элигон, играли гнусную роль передового заслона для реакции) выполнили свое назначение, Тьер отдал через своего агента, мэра Тирара, приказ «прекратить бесплодное сопротивление», вследствие чего соглашение о выборах Коммуны 26 марта было достигнуто.

Однако уже при самом начале комедии переговоров обнаружился новый фактор, грозивший сильно осложнить обстановку и испортить Версалью всю его игру. Это были восстания в ряде провинциальных центров. Между 19-м и 27 марта в Лионе, Марселе, Нарбонне, Тулузе, Лиможе, Сетте, Перпиньяне, Сент-Этьенне, Крезе, Тарбе после первых известий о революции в Париже или вслед за прибытием оттуда делегатов Центрального комитета начинаются стачки, манифестации с красными знаменами, волнения в рядах пролетарской и мелкобуржуазной части нацгвардии, которые в большинстве случаев заканчиваются захватом префектуры и Ратуши, арестами представителей местной власти, самоустранением или разгоном муниципальных советов и провозглашением коммуны. Хотя эти движения, локализованные главным образом в южной, свободной от оккупации, части Франции, разрозненные и лишенные регулярной связи с центром, не представляли большой опасности для Версальского правительства, и последнему удалось их подавить через несколько дней при помощи своих военных сил, однако с ними приходилось считаться, как с фактором, усиливавшим позицию Центрального комитета. Тьер прекрасно понимал, что при энергичном руководстве из Парижа эти отдельные вспышки в провинции могут легко разрастись в всеобщий революционный пожар, с которым нельзя будет справиться даже при помощи немцев. А опасность такого руководства не была исключена, ибо полной изоляции Парижа не удалось достигнуть ввиду содействия железнодорожных рабочих на большинстве линий распространению парижских газет и прокламаций (24). Таким образом, в ходе самих переговоров выяснилась необходимость диверсии, имевшей целью сгладить впечатление, произведенное на мелкобуржуазные массы восстаниями в провинции, оторвать эти массы от революционного пролетариата и спровоцировать гражданскую войну внутри Парижа.

Парижская буржуазная пресса пришла на помощь Версальскому правительству в этой задаче. 21-го, быть может в ответ на передовицу «Официальной газеты», утверждавшей, что теперь «настал час эмансипации пролетариата», 33 «умеренные» газеты выпустили резкое воззвание против ЦК и назначенных было на 22-е выборов в Коммуну. Вечером того же дня произошла

буржуазная демонстрация вокруг Биржи, приведшая к удалению оттуда поста революционной нац. гвардии. Обнадеженные этим сомнительным успехом, несколько сот реакционных буржуа, под руководством версальских агентов во главе с адмиралом Сессе, устроили на следующий день бурную манифестацию, имевшую целью захватить главный штаб на Вандомской площади и оттеснить нац. гвардию из центра на рабочие окраины. Та исключительная дерзость, с какою кучка буржуа, вооруженных шпагами и револьверами, двинулась на хорошо защищенную площадь, обезоруживая по пути отдельных часовых, может быть объяснена только примирительным поведением ЦК в предшествовавшие дни и уверенностью, что нац. гвардия сдаст свои позиции без боя. Попытки двух членов ЦК, Бержере и Мальжурналя, подействовать на толпу уговорами, были встречены свистом и враждебными возгласами. Так как передние ряды демонстрантов, наседая на нац. гвардейцев, начали вырывать у них ружья и раздалась даже провокационная стрельба из револьверов, то после многократных предупреждений по толпе был дан залп, уложивший несколько человек и обративший остальных в бегство. Потери нац. гвардии (2 убитых и 8 раненых) доказывают, что демонстранты стреляли первыми.

Демонстрация 22 марта позволила Тьеру кричать на всю Францию, что в Париже расстреливают на улицах безоружных граждан, а сделан не менее ловкий ход. Адмирал Сессе, назначенный восстановить против Центрального комитета парижских лавочников. Чтобы привлечь их затем на сторону Версаля, был тотчас же сделан не менее ловкий ход. Адмирал Сессе, назначенный из Версаля начальником нац. гвардии, опубликовал 23-го живую с начала до конца прокламацию, рассчитанную на легкоеверие тех же лавочников и официально обещавшую им: 1) выборы в муниципальный совет на 30 марта, 2) право избрания командиров нац. гвардии, включая и главнокомандующего, 3) отсрочку уплаты по вексям, 4) новый закон о квартирной плате, благоприятный для мелких и среднезажиточных нанимателей. Одновременно была сделана попытка расколоть нац. гвардию еще другим способом. Французский банк отказал представителям ЦК в выдаче денег на уплату жалованья нац. гвардейцам и предоставил, вместо этого, 550 тыс. фр. в распоряжение мэров, которые немедленно объявили афишей, что «государственные средства, необходимые для выплаты жалованья нац. гвардии, находятся и с ключительно в их распоряжении» и что эта выплата будет производиться в здании Биржи, где вокруг адмирала Сессе уже составилось вооруженное ядро контрреволюционеров.

Среди немногих, поймавшихся на обе эти грубые приманки, оказалась значительная часть мелкобуржуазного студенчества. 23-го на сходке студентов Политехнического, Медицинского и Художественного институтов и 24-го на общестуденческой сходке были вынесены решения «бороться всеми средствами против маневров Центрального комитета», который «покусился на всеобщее избирательное право», вслед за чем многие участники сходок явились к адмиралу Сессе и пополнили собою ряды защитников «порядка» (25). Вообще здания институтов, ввиду занятия Биржи Центральным комитетом, сделались на короткое время сборным пунктом для контрреволюционеров. Последние захватили также мэрии 6-го и 9-го округов и вокзал св. Лазаря, имея своим центром 2-й округ (округ Банка), укрепленный митральезами. Число контрреволюционных нац. гвардейцев, по наиболее достоверным данным (26), достигло 25-го наивысшей цифры — 10 тыс. человек, с которыми, конечно, невозможно было вести серьезную борьбу против двухсоттысячной армии революции, тем более, что Центральный комитет решился, наконец, принять энергичные меры для обеспечения спокойствия в городе. Он изгнал контрреволюционеров из 6-го округа, заменил своими делегатами реакционные или подозрительные муниципальные власти 3-го, 10-го, 12-го и 18-го округов, обеспечил контроль над Западной железной дорогой, начинавшейся вокзалом св. Лазаря, своими постами в Батиньоле и организовал усиленную патрульную службу по городу. Импровизированным генералам Эду, Дювалю и Брюнелю было поручено общее командование нац. гвардией, причем последний был послан с батальоном бельвильцев и двумя орудиями занять мэрию Лувра (1-й округ). Наконец Центральный комитет назначил 26-е окончательным сроком для выборов в Коммуну и объявил, что выборы состоятся даже в том случае, если соглашение с мэрами не будет достигнуто. Затея Версаля вызвать при помощи провокации и грубого обмана гражданскую войну в Париже сорвалась; адмирал Сессе принужден был бежать из Парижа, после чего его реакционные батальоны рассыпались; мэры подписали с Центральным комитетом соглашение о производстве выборов 26-го и призвали население к избирательным урнам. Однако победа ЦК была только кажущейся. Версаль успел получить необходимую ему отсрочку, и уже через три дня после провозглашения Коммуны «лучшая армия Франции» (выражение Тьера), напутствованная молебнами и предшествуемая реакционно-католическими бандами Шаретта и Кателино, была двинута против Парижа.

3. — Но пока что революционная столица, не подозревая близкой угрозы, встретила всеобщим ликованием известие о достигнутом, наконец, соглашении. Опасность гражданской войны, которой никто не хотел, кроме разве ничтожной кучки реакционной буржуазии, казалась теперь исключенной. Коммуна становилась реальностью. Правда, эта Коммуна, вопреки первоначальным предположениям некоторых революционных кругов, должна была возникнуть в результате всеобщих выборов, т. е. включить в свой состав и представителей буржуазии. Но этот вопрос, которому фальсификаторы истории из лагеря социал-соглашателей придают столь большое значение, стремясь вывести отсюда учение о «чистой демократии» и извратить взгляды Маркса-Энгельса на диктатуру пролетариата, в то время был уже совершенно не актуальным. Вот что по этому поводу пишет Ленин в своей работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский»: «Во-первых, известно, что цвет, штаб, верхи буржуазии бежали из Парижа в Версаль. В Версале был «социалист» Луи Блан. что, между прочим, показывает лживость утверждения Каутского, будто в Коммуне участвовали «все направления» социализма. Не смешно ли изображать «чистой демократией» с «всеобщим голосованием» разделение жителей Парижа на два воюющих лагеря, один из которых сконцентрировал всю боевую, политически активную буржуазию? Во-вторых, Коммуна боролась с Версалем, как рабочее правительство Франции против буржуазного. Причем же тут «чистая демократия» и «всеобщее голосование», когда Париж решал судьбу Франции? Наконец, — указывает далее Ленин, — вопрос об избирательном праве «есть национально-особый, а не общий вопрос диктатуры... Ограничение избирательного права для буржуазии... не обязательно для осуществления диктатуры, это не составляет необходимого признака логического понятия диктатуры, это не входит в необходимое условием в историческое и классовое понятие диктатуры». Итак, в тех условиях, в которых приходилось тогда вести борьбу парижскому пролетариату, вопрос о способе избрания Коммуны был во всяком случае не принципиальным, а лишь вопросом тактики борьбы. А эта тактика требовала того, чтобы не вводить искусственно ограничения избирательного права для буржуазии в тот момент, когда это ограничение, ввиду бегства «штаба» буржуазии в Версаль, было все равно достигнуто само собой, естественным путем.

Но и программа революционного пролетариата накануне выборов, по тактическим соображениям, о которых уже говорилось в своем месте, не могла не отличаться значительной умеренностью. Передовые парижские рабочие готовы были на время,

ограничить свои требования самыми необходимыми, минимальными реформами, перечисленными в прокламации Интернационала и Федеральной палаты рабочих обществ, принятой на заседании 23 марта это — «организация кредита, обмена, ассоциаций для обеспечения рабочему полного продукта его труда; бесплатное, светское, интегральное обучение; право собраний и ассоциаций, абсолютная свобода печати и свобода личности; организация с муниципальной точки зрения полицейской службы, вооруженных сил, гигиены, статистики и проч.». В этой насквозь проникнутой прудонистскими иллюзиями программе выражена также глубокая уверенность, что демократическая Коммуна будет в состоянии осуществить все эти реформы, ибо ее независимость от центральной власти явится «залогом соглашения, которое положит конец антагонизму между классами и обеспечит социальное равенство». Против такой Коммуны первоначально ничего не имела и радикальная буржуазия, ожидавшая от нее защиты республиканской формы правления от монархических козней Версаля и разрешения таких наболевших вопросов, как вопрос о вексельных платежах или задолженности по квартирной плате. Мало того, мелкобуржуазные политики даже продемонстрировали готовность активно поддержать ЦК, обратившись к нему с требованием заключить соглашение с правительством только на условии признания последним «политической Коммуны, а не простого муниципалитета» (27). Можно сказать, что накануне выборов вся мелкобуржуазная масса парижского населения была на стороне Центрального комитета и приветствовала его победу над мэрами. Но и последние, равно как и вся умеренная буржуазия, представителями которой они являлись, еще не теряли надежды, что победа Центрального комитета обратится против него самого и что им еще удастся захватить в свои руки Коммуну в результате своего вполне возможного избирательного успеха. «У избирателей, — пишет по этому поводу Лепелтье, — оставалась только одна ночь, чтобы сговориться, обсудить кандидатуры, организовать некоторую предвыборную агитацию. Мэрам не приходилось опасаться ни общественных или частных собраний, ни журнальных статей, если не считать нескольких поспешно расклеенных афиш, которые будут прочитаны уже перед самым входом в помещение для выборов, когда бюллетень будет у избирателя в кармане... При таких условиях можно было предположить, что кандидаты Центрального комитета, люди новые и неизвестные в политике, не смогут собрать достаточного количества голосов... Наоборот, члены муниципалитетов, хорошо известные как республиканцы, уважаемые как граждане... пользуясь уже ранее приобретенными навыками избирательной борьбы, отвоюют себе

АРЕСТ ПОПОВ В КАЧЕСТВЕ ЗАЛОЖНИКОВ КОММУНЫ

большую часть своих прежних избирателей... Таким образом, большинство в будущем коммунальном собрании казалось обеспеченным за мэрами и их помощниками» (28). Эти соображения одного из самых солидных мелкобуржуазных историков Коммуны отнюдь не являются пустыми догадками. Иначе было бы непонятно, почему мэры и их помощники почти во всех округах выставили свои кандидатуры и сочли необходимым в предвыборных воззваниях разъяснить избирателям, что принадлежность к муниципальным властям не препятствует быть избранным в Коммуну. Возможность избирательного успеха умеренной буржуазии учитывалась и Генеральным советом Интернационала, который, особенно в лице Маркса, внимательно следил за всем происходящим в Париже. В письме бюро Генсовета, посланном накануне выборов, была в связи с этим дана следующая директива: «Выборы в Коммуну должны дать нам большинство. Если результаты будут иные, ЦК ни за что на свете не должен слагать своих полномочий» (29). Неизвестно, была ли эта точка зрения известна Центральному комитету, но что он разделял ее, доказывается всем его дальнейшим поведением по отношению к уже избранному коммунальному совету. Нет сомнения, что ЦК не передал бы своих полномочий Коммуне, если бы в ней большин-

ство принадлежало умеренной буржуазии. Но результаты выборов не оправдали вполне ни надежд Генерального совета, ни, тем более, его опасений; их некоторая неопределенность только осложнила и без того трудное положение Центрального комитета.

Во всяком случае, в день выборов ЦК постарался обеспечить себя от всяких неожиданностей. Он отказался вернуть реакционным мэрам их муниципалитеты; назначил во все округа свои избирательные комиссии; усилил патрули по городу и послал в каждую мэрию по 30 нац. гвардейцев «для оказания содействия выборам»; объявил свои заседания непрерывными до получения результатов голосования. ЦК не упустил также из виду важность своего непосредственного участия в предвыборной агитации. Он выставил почти во всех округах списки своих кандидатов и обратился 26-го к избирателям с следующими советами: «Имейте в виду, что люди, которые лучше всего будут вам служить — это те, которых вы выберете из своей собственной среды, которые живут вашей жизнью и страдают вместе с вами от одних и тех же бед. Не доверяйте честолюбцам и выскочкам, которые думают лишь о собственных интересах и начинают в конце концов считать себя незаменимыми. Не доверяйте также краснобаям, неспособным к действию, готовым пожертвовать всем ради одной речи, ораторского эффекта или острого слова. Избегайте равным образом тех, кто обласкан судьбою, ибо слишком редко тот, кто обладает состоянием, склонен видеть в рабочем своего брата... Выбирайте людей с искренними убеждениями, людей народа, решительных, энергичных, известных прямою и честностью и отдавайте предпочтение тем, кто не станет кланяться у вас голосов». Это выступление Центрального комитета, несмотря на отсутствие в нем определенных программных положений и расплывчатость формулировок, было все же, по верному замечанию И. Степанова, «рекомендацией к л а с с о в ы х р а б о ч и х кандидатур». Точно также в ряде округов муниципальные делегации ЦК выпустили воззвания к избирателям. Например, делегация 5-го округа приглашала их «открыть двери развитому пролетариату, единственному классу, еще свободному от наших ошибок и неудач, единственному, наконец, который способен спасти страну». Мы уже видели выше, что и Федеральный совет Интернационала выступил с своей предвыборной программой, которой предшествовало длинное обращение к рабочим-избирателям. Наконец, с целью поддержать кандидатуры мэров и их помощников, парижские депутаты в Национальном собрании опубликовали свое воззвание, в котором, между прочим, было сказано: «Будем же голосовать, ибо голоса мы облечем муниципальной властью честных и энергичных республиканцев, которые,

охраняя порядок в Париже, спасут Францию от страшной опасности возобновления военных действий со стороны Пруссии и дерзких попыток восстановления какой-либо династии».

Избирательная кампания, если принять во внимание краткий срок для ее подготовки, была достаточно оживленной. Воздержание от участия в выборах было заметно только в богатых кварталах, откуда к тому же еще до 26 марта выехало, по расчетам самого Тьера, около 100 тысяч жителей. Таким образом, в выборах участвовало только 230 тыс. избирателей, меньше, чем в выборах депутатов Национального собрания 8 февраля как раз на эту цифру 100 тыс., и Коммуна в общем отразила волю и политические настроения широких пролетарских и полупролетарских масс значительно лучше и чище, чем это было бы возможно в случае прихода всей буржуазии к избирательным урнам. Стремясь заранее дискредитировать будущую Коммуна, Тьер телеграфировал 26-го департаментам, что голосование пройдет при полном абсентеизме буржуазии и не будет свободным. Но второе утверждение во всяком случае оказалось лживым, несмотря на то, что в некоторых мэриях версальские агенты пытались во время голосования вызвать беспорядки и помешать избирательным операциям. Любопытно, что в рабочих кварталах избиратели являлись в свои мэрии организованно и голосовали открытой подачей бюллетеней, осуществляя таким образом, по совету Центрального комитета, один из принципов пролетарской демократии. Но в общем Коммуна внешне была избрана по всем правилам буржуазной «избирательной кухни» и должна была отразить в своем составе социальную неоднородность и партийную пестроту двухмиллионного населения столицы.

Действительно, из 85 фактически избранных членов Коммуны 17 принадлежали к умеренной буржуазии (по преимуществу мэры и их помощники), 25 — к рабочему классу, из коих 13 членов Интернационала, остальные же, т. е. большинство, состояли из мелких чиновников, служащих и мелкобуржуазных интеллигентов — врачей, журналистов, юристов, учителей. Центральный комитет был представлен только 13 своими членами, что, принимая во внимание избрание несколько большего числа его противников, свидетельствует о полной свободе выборов.

Партийный состав Коммуны поражает еще большею пестротой. В ней оказались представленными почти все оттенки политической мысли, начиная с консерваторов, приверженцев Тьера, и кончая бланкистами. Правда, в первые же дни произошел отсев всех умеренных элементов, сразу понявших, что им нечего делать в Собрании, в котором резко преобладали их политические противники, и потому добровольно подавших в отставку. Благодаря

этому Коммуна сделалась более революционно однородной, и руководящее влияние передовых рабочих внутри нее могло обозначиться скорее и отчетливее. Но при всем том самоустранение умеренной буржуазии лишь незначительно упростило картину невероятной партийной дробности в составе Коммуны. Правые и левые прудонисты, бакунисты, социалисты неопределенного оттенка, революционные демократы, известные больше под именем якобинцев, чистые бланкисты и бланкисты «диссиденты» столкнулись здесь со своими разнообразными — если не программами, которых почти ни у кого не было — то принципами, убеждениями и предрассудками. Конечно, в процессе совместной работы, постоянного обмена мнений, голосований по различным вопросам между отдельными группами постепенно установилось некоторое единство взглядов, по крайней мере в отношении тактики, так что к середине апреля можно было уже обнаружить расслоение на две основные группы: якобинско-бланкистское большинство и прудонистское меньшинство. Когда на дополнительных выборах 16 апреля, произведенных для замещения выбывших по разным причинам членов, Коммуна пополнилась восемнадцатью новыми лицами, то и они разбились между этими «большинством» и «меньшинством». Но это размежевание по тактической линии окончательно обозначилось слишком поздно, в начале мая, когда Коммуну не могло уже спасти даже абсолютное единство ее рядов. А самое главное, и «большинство», и «меньшинство» одинаково являлись крайне случайными, аморфными группировками, члены или, точнее, участники которых ничем между собою не были связаны, не выработали никакой общей программы, ни хотя бы обязательной для всех линии поведения.

Результатом всего этого была постоянная борьба внутри Коммуны, умалявшая ее авторитет в глазах массы, бесплодная трата сил и времени на споры по принципиальным вопросам, причем часто по самому незначительному поводу, отсутствие того единства мысли, воли, действия, которое в такой мере необходимо для органа революционной диктатуры, особенно когда враг стоял у ворот и когда каждый промах, каждый потерянный час катастрофически ускорял гибель революции.

Но об этом никто не думал в тот сияющий солнечный день 28 марта, когда на площади Ратуши в торжественной обстановке, в присутствии огромных масс народа была провозглашена Парижская Коммуна.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) См. Maxime du Camp. Les prisons sous la Commune («Revue de deux mondes», XXI, 30). Что касается наступления на Версаль, то его

требовали также некоторые батальоны: см. *Lefrançais. Etude sur le mouvement communaliste*. Neuchatel 1871, p. 150.

(2) Собр. соч. т. XXV, стр. 217.

(2a) Маркс. Письмо к Кугельману от 17 апреля 1871 г.

(3) Цит. по Молок, Бисмарк и интервенция («Борьба классов» № 1, 1931 г., стр. 70).

(4) «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars» (изд. в 1 томе 1872), p. 117.

(5) *Ibid*, p. 101.

(6) «Бисмарк и интервенция», I. с.

(7) *Ibid*, p. 71.

(8) Ant. Proust. *Le prince Bismarck. Sa correspondance*, p. 301.

(9) Донесения Окунева Горчакову 1—25 мая 1871 г. («Красный архив», 1931 г. т. 45, стр. 5).

(10) «*Murailles politiques*», t. II, p. 19.

(11) Письмо к Кугельману от 17 апр. 1871 г.

(12) Цит. по *Lepelletier, Histoire de la Commune*, t. II, p. 44. Ср. «*Enquête parlementaire*, p. 156, где префект Нижн. Сены сообщает, что ораторы провинциальных собраний советовали парижанам «подожждать ратификации предварительных условий мира, прежде чем пустить в ход пушки».

(13) См. стр. 94 и 98.

(14) «*Cri du peuple*», № 22 от 23/III 1871.

(15) «*La Commune*», № 1 от 20/III.

(16) «*La Nouvelle République*», № 13.

(17) «*Cri du peuple*», NN 19 и 20.

(18) «*Père Duchêne*», № 10, p. 2.

(18a) «*Правда*» от 14 марта 1928 г. — Цит. у И. Книжника Ветрова «Жаклар—деятель Парижской Коммуны» («Проблемы марксизма» № 5—6, 1930, стр. 177).

(19) Цит. по Bourgin. *Les premières journées de la Commune*, p. 88 sq.

(20) Bourgin, p. 89

(21) Fred. Damé. *La résistance, les maires* . . . , p. 198.

(22) Lockroy. *La Commune et l'Assemblée, Paris 1871*, p. 37 sq.

(23) Damé, p. 345 и passim; Bourgin, p. 12.

(24) «*Enquête parlementaire*», pp. 103, 109, 151 sq.

(25) Damé, 175 sq.

(26) *Ibid*, p. 314 (показание одного из вожakov движения полковника Кевовилье).

(27) См. «*La Commune*» от 25/III и «*La Nouvelle République*» от того же числа, где среди мелкобуржуазных организаций, обратившихся с этими требованиями к ЦК, названы различные комитеты 6-го и 9-го округов.

(28) *Lepelletier*, II, p. 405 sq.

(29) Цит. по статье Лукина «Карл Маркс и Коммуна» («*Правда*», № 63 от 18 марта 1927 г.).

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО КОММУНЫ

1. — Парижская Коммуна была избрана не как муниципальный совет, а как орган государственной власти с очень широкими полномочиями. В этом отношении у подавляющего большинства членов Коммуны не было с самого начала никаких сомнений. Они с первых же заседаний без всяких колебаний стали на путь чисто правительственной деятельности. Сюда относится прежде всего принятая 28 марта декларация о заслугах Центрального комитета «перед отечеством и республикой», а также постановление о несовместимости депутатского мандата в Национальном собрании с пребыванием в составе Коммуны. На этом основании революционные демократы Делеклюз и Курне сложили с себя тотчас же звание депутатов Версальского собрания. На утреннем и вечернем заседаниях 29-го эта позиция Коммуны выступила еще более четко. Она избрала десять комиссий — исполнительную, финансовую, военную, юстиции, общей безопасности, продовольственную, труда и обмена, внешних сношений, общественных служб и народного образования — с функциями настоящих правительственных рабочих органов. Она, далее, одобрила бланкистский проект прокламации к населению, в которой Версальское правительство было названо «низложенной властью» (1). Она объявила, в качестве «единственной власти», что все приказы и распоряжения Версальского правительства не имеют никакой силы и что чиновники, подчиняющиеся этим приказам, будут немедленно уволены. Она декретировала уничтожение конскрипции, аннулирование задолженности по квартирной плате и прекращение продажи невыкупленных из ломбарда вещей, что также относилось всецело к компетенции правительства. Наконец, она, после некоторых колебаний (2), удержала за своим печатным органом название «Официальной газеты французской республики».

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГВАРДЕЙЦЫ УНИЧТОЖАЮТ НА ОДНОМ ИЗ БУЛЬВАРОВ ЗАХВАЧЕННЫЕ У БУРЖУА КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГАЗЕТЫ

Такой же характер чисто законодательных, государственных актов имеют и многие другие декреты Коммуны, изданные в последующее время: декрет о максимальном окладе содержания для чиновников в размере 6 тыс. франков в год (1/IV); декрет об отделении церкви от государства, уничтожении бюджета культов и национализации церковных имуществ (2 IV); закон о платежах по просроченным векселям (17/IV); декрет о секвестре имущества членов и соучастников Версальского и предшествовавших правительств, о десятикратном обложении бежавшей буржуазии и лишении прав всех уклоняющихся от службы в нац. гвардии (15/IV); декрет о промышленных предприятиях бежавшей буржуазии (16/IV); декрет о бесплатной выдаче заложенных в ломбарде вещей (6/V); ряд постановлений и декретов, радикально менявших организацию суда, формы судопроизводства, структуру и характер административных учреждений и т. п.

Суммируя вкратце всю проделанную или же только предстоящую работу в этом направлении, делегат юстиции Прото мог поэтому с полным правом заявить на заседании Коммуны 18 апреля: «Мы работали, законодательствовали, мы желаем преобразовать наши суды, наш бюджет, нашу полицию, наконец, всю нашу внутреннюю организацию». «Коммуна, — сказал он дальше, — является верховной властью, призванной к организации

всех властей». На этой же точке зрения стояли и представители «меньшинства». Критикуя на том же заседании 18 апреля предложенную Бийоре программу Коммуны, прудонист Лефрансе заметил: «Нужно указать (в программе), каким образом Коммуна является государством более высокого типа, нежели то, с которым мы ведем борьбу, и притом во всех отношениях». Правда, в той программе, которую Коммуна приняла почти единогласно и которая была 20 апреля опубликована в «Официальной газете» (3), эти взгляды нашли самое слабое отражение. Но здесь сказалось желание Коммуны дипломатически скрыть за туманной фразеологией свою сущность, чтобы не оттолкнуть от себя радикальную буржуазию, относившуюся к ней сначала вполне благоприятно.

Действительно, программа говорит о республике без указания, какая именно эта республика («Чего требует Париж: признания и утверждения республики — единственной формы правительства, совместимой с правами народа и правильным, свободным развитием общества»); говорит об автономии Коммуны в терминах мелкобуржуазной демократии («Абсолютная автономия Коммуны, распространяющаяся на все местности Франции, обеспечивающая каждой коммуне полноту ее прав, а каждому французу — полное развитие его способностей и дарований как человека, гражданина и работника»); упоминает о праве на труд лишь для того, чтобы требовать свободы труда («Абсолютная гарантия свободы личности, свободы совести и свободы труда»); указывает из важнейших «экономических реформ» только организацию обмена и кредита, запрягая острый вопрос об орудиях производства под туманным прудонистским выражением «универсализация собственности» («Париж оставляет за собой право произвести у себя административные и экономические реформы, которых требует его население: создать учреждения для развития и распространения образования; сделать всеобщими власть и собственность, согласно потребностям момента, желанию заинтересованных сторон и данным опыта»).

Точно также в «Манифесте парижского населения», обращенном к провинции и напечатанном в начале мая по распоряжению комиссии внешних сношений, мы читаем: «Париж требует от департаментов только моральной поддержки... Париж пойдет на все жертвы, чтобы достигнуть своей цели — создания Коммуны, программу которой можно резюмировать следующим образом: обеспечить всем гражданам труд с помощью свободы, правосудие — с помощью равенства, порядок — с помощью братства» (4).

Это сознательное затушевывание классового содержания Коммуны было рассчитано, как мы упоминали выше, исключительно

на радикальную буржуазию. Нетрудно показать, что последнюю пугало именно это содержание, а не форма коммунальной власти, не ее законодательные и правительственные функции. «Некоторые газеты, — писал 2 апреля радикальный орган Виктора Гюго «*Rappel*», — увидели в первых актах Парижской Коммуны намерение выйти за пределы ее муниципальных полномочий. Несомненно, издавая для Парижа декреты об аннулировании задолженности по квартирной плате, об уничтожении конскрипции и т. п., Коммуна вышла из узких рамок, в которые предшествующее законодательство заключило муниципальные вольности. Но было бы странным и детским заблуждением думать, что революция 18 марта имела своей единственной целью обеспечить Парижу выборное коммунальное представительство, подчиненное деспотической опеке со стороны мощно организованной национальной власти» (5). В таком же смысле высказывался и либеральный «*Si ècle*» — одна из самых влиятельных и распространенных во Франции газет. 2 апреля мы находим в ней утверждение, что «Коммуна, вышедшая из всеобщего голосования, является властью, которую нужно скорее признать, нежели оспаривать», а 16-го она писала: «Конституция Парижа должна исходить от Парижа. Париж должен договориться с остальной частью Франции; но подобно тому, как он сам отказывается от губительной монополии диктовать свои законы департаментам, так точно он не желает, чтобы департаменты (читай: Национальное собрание) навязывали ему свои законы» (6). Таким образом, этот орган торгово-промышленной буржуазии не выражает пока еще никаких опасений по поводу огромной власти, предоставленной Коммуне. Еще более показательным в этом отношении является выступление самих торгово-промышленных кругов, которые 7 апреля отправили в Версаль своих делегатов, чтобы добиться там соглашения правительства с Коммуной на основе следующей программы, которая, как они утверждали, является программой и самой Коммуны: «Сохранение и утверждение республики. Предоставление Парижу самых широких муниципальных вольностей, исключающих действие или вмешательство центральной власти» (7). Но их старания доказать, что революция 18 марта может привести только к полной децентрализации Франции, каковую децентрализацию они сами признают «социально законной и исторически неизбежной»; что выступление пролетариата в этой революции является «только случайностью и исходным пунктом» более общего движения в защиту коммунальной свободы; что наилучшим «политическим» решением вопроса было бы предоставить Парижу полную свободу и полную ответственность за свои действия, удовольствовавшись только политической изоляцией его

от всей Франции с тем, чтобы не подвергать последнюю риску производимого в Париже эксперимента, — эти старания не увенчались, конечно, успехом, ибо Версальские реакционеры, не исключая «левых» депутатов Национального собрания, со стороны гораздо лучше видели, в чем подлинная сущность Коммуны и породившей ее революции.

Иллюзии делегатов торгово-промышленной буржуазии разделял в течение первой половины апреля весь буржуазный Париж. «Весь Париж признал Коммуну», — констатировал один из сотрудников реакционной газеты «Gaulois». — Это правительство ничем не хуже всякого другого, — говорил обыватель, средний буржуа, — оно заведет порядок, даст работу и можно будет жить». Буржуа, которые ездили из Парижа в Версаль и обратно, проводили параллель, невыгодную для Версаля: «В Париже не обыскивают, не отбирают у вас газет». Реакционный мэр Дюбайль впоследствии ужасался, что самые почтенные буржуазные семьи доходили до того в признании революционной власти, что регистрировали свои браки у окружных комиссаров Коммуны. Известно, что тысячи лиц, «выдающихся по своему социальному положению или образованию, чиновники министерств, инженеры, офицеры в отставке и офицеры действительной службы, врачи и т. п. предлагали Коммуне свои услуги» (8). Среди тех кругов радикальной буржуазии, которые целиком стали на сторону Коммуны, первое место занимают франк-масоны. Свои симпатии к ней они демонстрировали неоднократно в течение апреля. «А франк-масоны, — с удовлетворением объясняла газета «Коммуна», — это не первые встречные: все они, или почти все — почтенные коммерсанты, люди порядка». Но и более проницательные, нежели масоны, буржуазные политические деятели, оставшиеся в Париже, долгое время не могли понять, почему Версаль смотрит на свою войну с Коммуной как на «классовую войну, войну имущих против неимущих, капитала против труда, буржуа против рабочих». Сами они сначала склонны были думать, что это война реакционеров, монархистов против передового и республикански настроенного населения Парижа.

Поддержанию среди буржуазии этих иллюзий способствовала в известной мере туманная фразеология журналистов и политиков Коммуны, отражавшая невысокий теоретический уровень их социально-политических воззрений. Один из этих журналистов, проводя различие между «буржуазией трудящейся и паразитирующей», писал: «Только вторая враждебна революционному Парижу; что же касается трудящейся буржуазии, то она честна и отважна и своею храбростью, даже своими страданиями является сестрою пролетариата». Другой доказывал, что особенность на-

РАЗОРУЖЕНИЕ БУРЖУАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГВАРДЕЙЦЕВ ПРИ КОММУНЕ

чавшей революции состоит в том, что теперь буржуазия должна слиться с пролетариатом, чтобы образовать «единый народ, единый класс» (9). Даже в официальном органе Коммуны мы в начале апреля находим такого рода утверждения: «Теперь всякие разногласия должны исчезнуть, потому что все солидарны, потому что никогда не было так мало социальной ненависти, классового антагонизма, наконец, потому, что без единения невозможна и наша победа» (10). Точно также программа Коммуны, ее воззвания «к сельскому населению», «к департаментам», «к большим городам» проникнуты стремлением противопоставить республиканское единство населения Парижа роялистам Версаля.

Как ни странно звучат для нашего уха подобного рода утверждения, не следует однако забывать, что в них, наряду с известной теоретической беспомощностью революционеров 1871 г., отразилась и в общем вполне правильная тактическая линия Коммуны по отношению к различным слоям буржуазии. Деятели Коммуны приходилось считаться с тем, что в Париже (не говоря уже о всей Франции) оставалась значительная прослойка республиканской буржуазии и буржуазной интеллигенции, которую нужно было нейтрализовать на время борьбы с реакционно-монархической буржуазией, окопавшейся в Версале. С другой стороны,

перед Коммуной стояла еще более важная задача — сохранить союз мелкой буржуазии с пролетариатом, в котором последнему принадлежала руководящая роль. Поэтому Коммуне не могли не быть близки интересы разношерстной мелкобуржуазной массы Парижа, тех широких слев бедноты, разорившихся или полуразорившихся мелких лавочников, кустарей, мелких хозяев-ремесленников и служащих, которые незаметными переходами сливались с рабочим классом и которые совместно с ним приняли 18 марта деятельное участие в борьбе с правительством Тьера и Национальным собранием. Опыт революции 1848 г. и особенно июньских дней, когда пролетариат был разгромлен, имея против себя единый фронт в с е й буржуазии, начиная с банкира и кончая мелким лавочником, подсказал пролетарской Коммуне 1871 г. единственно верную тактику союза с мелкобуржуазными массами. В какой степени сознательно осуществлялась такая тактика, можно видеть из одного любопытного места статьи «Отца Дюшена» (от 7 апреля), где популярно разъясняется значение политики Коммуны. «Что сделала Коммуна с момента своего возникновения?» — спрашивала бланкистская газета: «Разве она не издала хороших декретов? Разве декрет о квартирной плате плохой декрет? Разве проект посоветоваться с парижскими купцами по поводу вексельного моратория плохой проект? Разве все это сделано не на пользу трудящейся буржуазии и мелким лавочникам?» (11).

При рассмотрении социально-экономической и финансовой политики Коммуны мы еще убедимся в том, что такая ориентировка на сохранение за пролетариатом «резервов» революции проводилась довольно последовательно, хотя и не всегда достаточно четко. Как указывал — в несколько другой связи — Энгельс, бланкисты и прудонисты Коммуны самой жизнью, логикой революционной борьбы наталкивались на правильные решения, нередко расходившиеся с тем, «чему учила их школьная доктрина».

Однако сущность Коммуны, как особого типа пролетарского государства, определяется не этой ее политикой, ни даже позднейшими ее мероприятиями, в которых имеются элементы социалистического переустройства общества, а прежде всего той стороной ее деятельности, содержанием которой было уничтожение всей буржуазной государственной машины и создание нового аппарата власти.

С этого вопроса мы потому и начнем рассмотрение практической деятельности Коммуны.

2.—«Коренной вопрос всякой революции, — говорил В. И. Ленин, — есть вопрос о власти в государстве». Для пролетарской

революции этот вопрос включает в себя и другой — о р г а н и з а ц и и этой власти после перехода ее к пролетариату. «Буржуазная революция ограничивается заменой у власти одной эксплуататорской группы другой эксплуататорской группой, ввиду чего она не нуждается в сломе старой государственной машины, тогда как пролетарская революция снимает с власти все и всякие эксплуататорские группы и ставит у власти вождя всех трудящихся и эксплуатируемых, класс пролетариев, ввиду чего она не может обойтись без слома старой государственной машины и замены ее новой» (И. В. Сталин). Революция 18 марта не была бы пролетарской революцией, если бы она, одновременно с передачей власти в руки Парижской Коммуны, не поставила вопроса о радикальной перестройке всего государственного аппарата.

Об этом свидетельствуют уже самые первые шаги Коммуны. Прежде всего, декрет об уничтожении рекрутского набора (конскрипции) и замене постоянной армии вооружением всего народа означал удар по одному из важнейших устоев буржуазного государства. Ликвидация жандармов и полиции, упразднение полицейской префектуры, как особого учреждения, замена его комиссией общей безопасности, составленной из членов самой Коммуны и ей всецело подчиненной — все это также являлось решительной противоположностью прежней практике государственного управления. Декрет 1 апреля о максимуме содержания для чиновников, указания других декретов относительно выборности и сменяемости на всех государственных и муниципальных должностях принципиально разрушали не менее важную часть буржуазного государственного механизма — могущественную и независимую от народа бюрократию. Далее, «уничтожив постоянную армию и полицию, — эти орудия материальной силы старого правительства, — Коммуна немедленно приступила к сокрушению власти попов, этого орудия духовного порабощения» (Маркс). Уже 30 марта ее политика в этом направлении была преуказана «религиозной дезафектацией Пантеона», с которого, в обстановке большой торжественности, был сбит крест и заменен красным знаменем (12). 2 апреля Коммуна единогласно вотировала знаменитый декрет об отмене бюджета культов, национализации церковных имуществ и отделении церкви от государства. Логическим следствием этого декрета было отделение школы от церкви, которое не было возведено особым законодательным актом, но было положено в основу политики комиссии по народному образованию и энергично осуществлялось как этой комиссией, так и окружными муниципальными органами (13). В смысле разрушения устоев буржуазного общества важное значение имел также декрет 10 апреля, который, в связи с назначением пенсий вдовам и детям убитых

нац. гвардейцев, уничтожал всякое различие между законным и незаконным браком, между брачными и внебрачными детьми. Наконец, декрет 12 апреля о низвержении «колоссального символа военной славы» — Вандомской колонны, изданный, а позже и осуществленный, как удачно отмечает Маркс, на глазах двух армий — немецкой и версальской — еще более подчеркивал разрыв Коммуны со старым миром, ее желание «резче оттенить новую историческую эру, которую она сознательно открывала собой».

Все эти декреты в конечном счете означали, как неоднократно подчеркивали Маркс, Энгельс и Ленин, «разбитие» всей буржуазной государственной машины, или, как выразилась Коммуна в своей программе 19 апреля, «конец старого правительственного и клерикального мира, милитаризма, бюрократизма, эксплуатации, ажиотажа, монополий, привилегий, которым пролетариат обязан своим рабством, родина—своими несчастьями и поражениями». Эту разбитую государственную машину Коммуна заменила учреждениями «принципиально иного рода» (Ленин). Прежде всего, сама Коммуна, в качестве высшего органа государственной власти, не походила ни на одну из организаций буржуазного государства. Составленная из выборных, ответственных перед избирателями и отзываемых членов, она объединяла в своих руках функции законодательной, исполнительной и судебной власти. Она была, как удачно подметил один современный журналист— «одновременно Конвентом, Комитетом общественного спасения и революционным трибуналом» (14). Но она являлась вдобавок и муниципальным советом, а ее члены выполняли в своих округах обязанности мэров и администраторов. Коммуна и по своей внутренней сущности, и по форме проявления своей власти ближе всего напоминает советы, органы пролетарской диктатуры в СССР.

Эти разнообразные государственные функции Коммуна осуществляла на своем пленуме и при помощи уже упомянутых десяти комиссий, которые с 20 апреля были преобразованы в делегации, причем во главе каждой был поставлен назначаемый Коммуной из своей среды делегат, ответственный перед пленумом и обладавший полномочиями министра. На том же заседании 20 апреля военным делегатом был утвержден Кюзере, финансовым — Журд, продовольственным — Виар, внешних сношений — Паскаль Груссе, труда и обмена — Френкель, юстиции — Прото, общественных служб — Андрие, народного образования — Вайян, общей безопасности — Рауль Риго. Ежедневно созываемый Совет всех девяти делегатов должен был заменить собою Исполнительную комиссию и обеспечить единство политики всех

ПРОПУСК НА ВАНДОМСКУЮ ПЛОЩАДЬ В ДЕНЬ СВЕРЖЕНИЯ КОЛОННЫ 16 МАЯ

делегаций. К несчастью, это единство никогда не было достигнуто: каждая делегация, по выражению Андрие, «считала себя диктатурой», делегаты, перегруженные делами своих ведомств, почти никогда не собирались в достаточном количестве для совместных решений и даже не всегда располагали временем для участия в заседаниях пленума Коммуны.

Помимо создания аппарата центрального управления, Коммуне пришлось обеспечить руководство и управление многочисленными учреждениями государственного, муниципального и общественного характера: почтой, телеграфом, учреждениями по сборам налоговых поступлений, нац. типографией, монетным двором, отделами городского благоустройства и т. д. Все эти ведомства и учреждения, совершенно дезорганизованные версальцами, покинутые высшим и средним персоналом, были найдены Коммуной в таком хаотическом состоянии, что их пришлось создавать почти что наново. Симпатии большинства низших служащих к Коммуне, которая приняла меры к улучшению их материального и служебного положения, а также организаторские способности тонкого еще слоя рабочей интеллигенции позволили Коммуне отчасти ликвидировать последствия саботажа высших и средних чиновников, но только отчасти. Лиц, пригодных для замещения многочисленных ответственных должностей, для которых требовались специальные навыки и знания, было чрезвычайно мало. Подавляю-

щее большинство буржуазных специалистов, явившихся в первые дни предложить свои услуги Коммуне, около середины апреля, когда окончательно обозначился отход радикальной буржуазии от революции, совершенно исчезли. Немногие высшие служащие, оставшиеся на своих прежних постах, и версальские агенты, проникшие в некоторые учреждения, систематически занимались вредительством и сводили на нет все усилия Коммуны обеспечить нормальное функционирование этих учреждений. Так обстояло, например, дело на Северной, Лионской и Орлеанской железных дорогах, в Палате мер и весов, в Национальной типографии, откуда пришлось удалить всю руководящую верхушку, даже в некоторых библиотеках, музеях, в Высшей школе и т. д. Особенно ярко саботаж и вредительство проявились на железной дороге. Стремясь добиться полной блокады Парижа, Версальское правительство не ограничивалось тем, что задерживало всюду шедшие в столицу транспорты с продовольствием (15) и приступило к проведению особой ветки, сделавшей Версаль независимым от Парижского железнодорожного узла (16), а еще приложило все усилия к дезорганизации этого узла изнутри. Оно наводило правления железных дорог, службы пути, мастерские и вокзалы своими агентами, которые получили задание «создать пустоту вокруг Парижа». Поль Пиа, назначенный 15 апреля делегатом при железных дорогах, оказался не в состоянии объединить вокруг себя рабочих и мелких служащих, преданных в своей массе революции, и обезвредить с их помощью версальскую агентуру. Мало помогло делу и то, что с 20-го контроль был значительно усилен назначением «главного комиссара административного надзора» и целого ряда подчиненных ему комиссаров при каждой железнодорожной компании. В конце апреля продовольственная делегация продолжала, как и раньше, жаловаться, что «поезда уходят, но назад не возвращаются». Опасаясь вызвать неудовольствие парижских коммерсантов, Коммуна не хотела взять железные дороги в свои руки и к тому же проявляла по отношению к враждебной ей железнодорожной администрации совершенно неуместную мягкость и великодушие, которые здесь, как и в ряде других случаев, только увеличивали дерзость версальских наемников. Заметный поворот в сторону более решительных мер против саботажников и вредителей можно обнаружить только с конца апреля — начала мая.

Особого внимания заслуживает попытка Коммуны реорганизовать суды и различные судебно-административные учреждения, большая часть которых после 18 марта, подчиняясь распоряжению Версаля, совершенно перестала функционировать или перенесла свою деятельность за пределы Парижа. Для поддержа-

нии дисциплины в рядах нац. гвардии, для суда над заложниками—сообщниками Версаля — были созданы специальные трибуналы, обвинительное жюри, дисциплинарные, военные и полевые суды. Что касается гражданских и уголовных судов, то была задумана полная их реорганизация в духе последовательно выдержанного демократического принципа выборности и сменяемости судей. Характерно для всей политики Коммуны в апреле, что внимание ее было обращено в первую очередь на преобразование коммерческого трибунала. Проект этого преобразования, опубликованный 14 апреля и одобрительно встреченный буржуазной прессой, был составлен всецело в интересах мелких торговцев и промышленников, которые получали в новом суде большинство мест, в то время как в составе прежнего трибунала, назначавшегося Сенским префектом, имелись только представители крупного капитала. Однако в несомненной связи с переменой фронта мелкой буржуазии по отношению к Коммуне, последняя не сочла нужным спешить с рассмотрением этого проекта и похоронила его в делегации юстиции (17). К моменту той же перемены фронта относится и ее решение избирать членов обвинительного жюри для суда над заложниками исключительно из нац. гвардейцев, как наиболее преданных революции граждан. Сама жизнь толкала Коммуну на нарушение принципа буржуазной демократии, требовавшего участия в выборах «всех граждан». Этот же принцип был нарушен, но несколько в ином смысле, при замещении вакансий мировых судей, судебных приставов, регистраторов, комиссаров-оценщиков и других лиц судейского сословия, оставшихся до 20-х чисел апреля на своих местах, а затем принявших участие в общем саботаже: их место заняли новые лица, но не по выборам, а по назначению делегата юстиции. Таким путем был, по крайней мере, положен конец пресловутой «независимости» буржуазного суда. Более принципиальным характером отличалась реформа нотариата и вспомогательных судебно-исполнительных и судебно-регистрационных органов, которые лишались своего положения получастных и полупубличных привилегированных учреждений. Нотариусы, пристава, регистраторы и проч. превращались теперь в государственных служащих на жалованьи, обязанных вносить в кассу Коммуны средства, выручаемые ими при совершении разных актов. Благодаря этому становилось возможным, между прочим, сделать бесплатными или удешевить для нуждающихся граждан стоимость этих актов и вообще всего судебного процесса. Отмена политической и профессиональной присяги, запрещение председателю суда резюмировать прения сторон, чем обеспечивались интересы защиты, право для каждого выступать в суде и лишение таким образом адво-

катского сословия его привилегий — таковы элементы нового судопроизводства, которые успела провести Коммуна за короткое время. Правда, сложные формы старого судебного процесса были еще мало затронуты реформой, и точно также остались неприкосновенными бесчисленные судебные должности, характерные для бюрократической в сущности организации буржуазного правосудия. На это, естественно, требовалось больше времени, чем то, какое было в распоряжении Коммуны.

Автором всех этих реформ был, главным образом, бланкист Прото, делегат юстиции и сам адвокат по профессии. Необходимо отметить, что он медлил с их проведением до самого конца апреля, в чем нельзя не усмотреть определенного тактического хода по отношению к буржуазии.

В каком направлении развивались судебные учреждения Коммуны на основе проведенных ею преобразований, видно из ряда фактов, быть может иногда в очень мелких, разрозненных, но любопытных по своей новизне и весьма показательных по своим тенденциям. Например, среди мировых судей, назначенных делегатом юстиции вместо саботажников и приверженцев Версаля, было уже несколько рабочих. Эти последние при отправлении своих судебных обязанностей сознательно руководствовались не нормами буржуазного права, а революционным, пролетарским правосознанием. «У меня в принципе, — говорил один из них, — выносить всегда обвинение собственникам и буржуа. Эта революция совершена для народа, нужно, чтобы он ею воспользовался». Другой мировой судья, заседавший в камере Монмартрского округа, «был мало образован» и «носил огромный красный галстук». — «Вы собственник, — заявил он одной из тяжущихся сторон, — у вас повидимому есть деньги; нужно кончать, я больше не могу уделять вам времени» (18). Буржуазный исследователь, с возмущением приводящий эти факты, указывает, что особенно часто судьи Коммуны «теряли свою независимость» при разбирательстве тяжб, касающихся квартирной платы. Таким образом, суд Коммуны был уже в известной степени классовым, пролетарским судом, начинавшим осуществлять в своей сфере один из основных принципов диктатуры пролетариата — подавление эксплуататоров.

Более специально эта последняя задача была поставлена перед другим органом Коммуны. — Комиссией общей безопасности, заменившей собою бывшую полицейскую префектуру. Во главе этой комиссии стоял с самого начала и до 24 апреля бланкист Рауль Риго, затем, после короткого периода в общем бесцветной деятельности якобинца Курне, с 13 мая — снова энергичный бланкист, Теофиль Ферре. В противоположность полиции

буржуазного государства, Комиссия общей безопасности опиралась в своей работе на поддержку и сочувствие широких гвардейских и рабочих масс. В конце марта она назначила комиссаров Шнейдера, Бюрло, Дианкура и Лемусси для собирания сведений о гражданах, «заподозренных в сообщничестве с Версалем», о чем население округа Монмартра было оповещено при помощи афиш. 31 марта представитель Комиссии Дюпон точно также обратился к национальным гвардейцам с предложением сообщать ему все сведения, которые могли бы оказаться полезными для борьбы с контрреволюцией(19). Ни одна буржуазная полиция в мире не осмелилась бы обратиться с подобным предложением к населению, заранее зная ожидающий ее прием. Иное дело в период диктатуры пролетариата, когда огромная масса трудящихся непосредственно заинтересована в подавлении ничтожного контрреволюционного меньшинства. Что обращение Комиссии встретило в массе сочувственный отклик, доказывается обилием писем, ежедневно поступавших в бывшую префектуру и другие органы Коммуны, с разоблачениями козней и происков агентов и шпионов Версаля(20).

Тем не менее Комиссия, нужно сказать прямо, не сумела справиться со своей задачей. Бланкисты, поставленные Комиссией на все наиболее ответственные посты, были преисполнены наилучших намерений, но совершенно не имели необходимого опыта, выдержки, организаторских способностей. Платные версальские агенты, явные шпионы, попадавшие в их руки, сплошь и рядом ускользали безнаказанно и продолжали свою подрывную работу. В бывшей префектуре, несомненно, сидели агенты Тьера, которые, пользуясь неналаженностью аппарата Коммуны, умудрялись освобождать людей, отягченных самыми тяжелыми уликами. Бдительный «Отец Дюшен» был безусловно прав, когда упрекал своих друзей Ферре и Риго в недостаточной активности и задавал первому из них вопрос: «Что за люди у тебя служат? В бывшей префектуре нельзя зевать...»(21).

В задачи Комиссии общей безопасности входила также борьба с уголовными преступниками, но эта задача была необычайно облегчена тем, что «весь распутный Париж», все аферисты, кокотки, шулера второй империи последовали за Тьером в Версаль. «В морге, — писал Маркс, опираясь на свидетельства современников, — ни одного трупа; нет ночных грабежей, почти ни одной кражи. С февраля 1848 г. улицы Парижа в первый раз стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского». Однако преступники все же были, и Комиссия серьезно занималась вопросом о радикальной реорганизации прежних полицейско-тюремных методов борьбы с ними. Комиссия проекти-

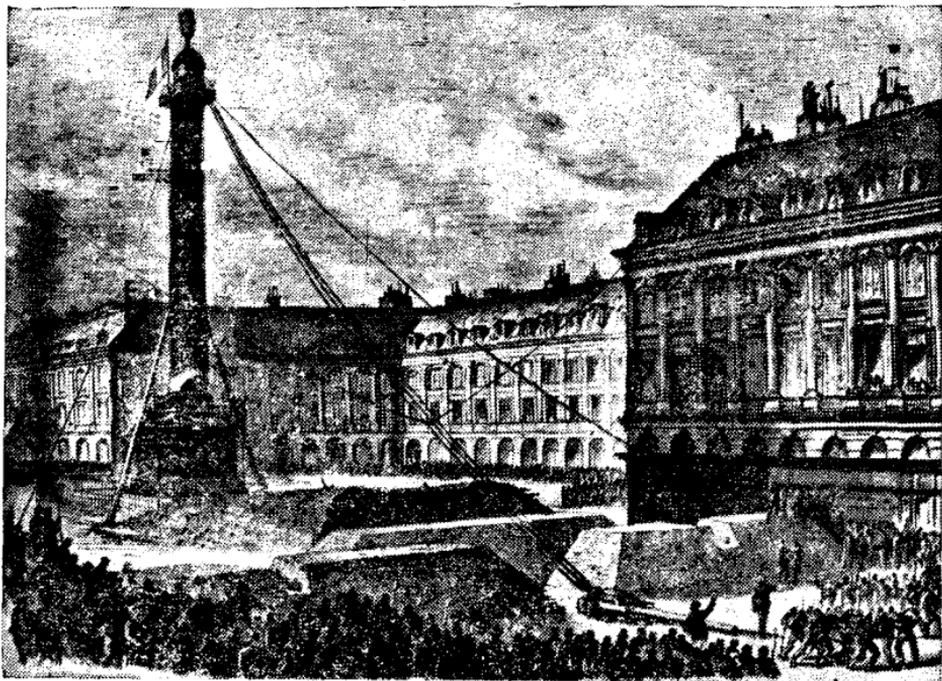
ровала также рассылку в мэрии фотографических карточек ре-цидивистов, организацию ночных патрулей, устройство убежищ на случай пожара и т. п. (22).

Ряд свежих и плодотворных идей был выдвинут Коммуной, ее комиссией по просвещению во главе с Вайяном и сгруппировавшимися вокруг последнего передовыми педагогами также в области народного образования и реорганизации культурно-просветительных учреждений. Введение всеобщего, обязательного и бесплатного обучения, создание светской и профессиональной школы, применение научных и экспериментальных методов преподавания — таковы были важнейшие принципы, провозглашенные и проводившиеся в жизнь работниками Коммуны. Особенное внимание было обращено центральными и окружными органами народного образования на уничтожение в школах предметов культа, искоренение в детях остатков религиозного воспитания, решительное отстранение от школьной работы попов, монахов и монахинь. Отметим также заботу о бесплатном снабжении детей школьными учебниками. Реформой были затронуты также музеи, библиотеки и театры, причем в ее основе лежал принцип доступности всех культурно-просветительных учреждений для широких народных масс.

«Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы, Париж почти забывал о людоедах, стоявших перед его стенами, всецело отдавшись строительству нового общества» (Маркс).

Над всеми новыми идеями и принципами, которые Коммуна провозгласила и которыми руководствовалась в своей деятельности с самого начала своего существования, доминирует лозунг интернационализма, лозунг всемирной республики. Коммуна включила его в свою программу, в свои воззвания, в некоторые из своих декретов и стремилась подчеркнуть его доступными ей актами, начиная с утверждения избрания в Коммуну иностранного подданного, венгерского еврея Френкеля, и кончая переименованием Вандомской площади в Интернациональную. Таким образом, узкий патриотизм, лежавший у истоков всего движения, в процессе развития революции обратился в свою противоположность.

3. — Оценивая деятельность Коммуны по переустройству всего государственного механизма, В. И. Ленин в неоднократно цитируемом месте «Государства и революции» говорит: «Итак, разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией... Но на самом деле это

СВЕРЖЕНИЕ ВАНДОМСКОЙ КОЛОННЫ

«только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства... в нечто такое, что уже не есть собственно государство» (23). Но, замечает в другом месте Ленин, «Коммуны не понимали те, кто ее творил... Ни одна фракция французских социалистов не сознавала, что она делает» (24). Тем более не понимала и не сознавала этого ни одна фракция французской республиканской буржуазии. Для нее все рассмотренные нами выше декреты Коммуны были в основном лишь попыткой осуществления ее собственной политической программы. Так, мелкобуржуазный журналист Дюшен, критикуя деятельность Коммуны, писал 11 апреля: «Уничтожение конскрипции, отделение церкви от государства, ответственность чиновников — все это вообще присуще республиканским учреждениям (?!); но какое отношение имеют все эти декреты к компетенции парижского муниципалитета или любой коммуны?» (25). Точно также в уже цитированной нами (в гл. I) брошюре «Картина французской внутренней политики», вышедшей

в свет за несколько дней перед 18 марта, мы находим интересные замечания, относящиеся к тому же вопросу. Анонимный автор брошюры, отражая настроения широких кругов буржуазии (он ставит своей задачей указать «простое и буржуазное средство внести порядок в финансы и восстановить бюджетное равновесие»), считает необходимым уничтожение постоянной армии, полиции, бюрократии, бюджета култов, децентрализацию управления, обязательное и светское образование, радикальную реформу школы на всех ее ступенях. Опыт бонапартистских парламентов и Бордоского национального собрания наводит его даже на горькие размышления о парламентаризме вообще. «До сих пор, — говорит он, — наши представительные собрания создавали или поддерживали насилия деспотизма и политическую продажность. Ничто им не было более чуждо, нежели чувство права и справедливости». «Депутаты парламента, читаем в другом месте, надувают избирателей. Нужно требовать от них гарантий, давать им лишь строго определенные, ограниченные полномочия. Депутат должен быть всегда ответственным пред своими избирателями; он должен быть под постоянным контролем общественного мнения». Легко видеть, что круг этих идей внешне весьма близок к тем, которые стремилась проводить в жизнь Коммуна. Что эти идеи для республиканской буржуазии того времени не были вполне чуждыми, доказывается программами таких буржуазных организаций, как Республиканский союз, Республиканская лига прав Парижа, Комитет республиканского равновесия, где мы находим почти тождественные требования(26). Мало того, некоторые пункты этой программы отдельные представители радикальной буржуазии пытались после переворота 4 сентября даже осуществить на деле и, так сказать, захватным порядком. Так мэр Бонвале ввел в своем 3-м округе обязательное обучение для детей школьного возраста, организовал особый отряд гражданской милиции и не допускал полицию в пределы округа. Другой радикальный мэр, Моттю, отстранил монахов от преподавания в школах 11-го округа, удалял распятия из госпиталей, воспретил духовенству доступ в госпитали и больницы для целей культа. Аналогичным образом действовал муниципалитет и 14-го округа(27). Конечно, это были лишь разрозненные попытки, не идущие ни в какое сравнение с делом Коммуны, и бесконечно прав Ленин, когда он пишет: «Коммуна являлась блестящим образцом того, как единодушно умеет пролетариат осуществлять демократические задачи, которые умела только провозглашать буржуазия»(28). Конечно, программа радикальной буржуазии так и осталась бы звонкой фразой, не будь 18 марта. Но нам здесь важно подчеркнуть, что в сознании этой буржуазии преобразовательная деятельность

Коммуны первоначально не ассоциировалась с какой-либо классовой пролетарской политикой, подобно тому как и 18-е марта не было ею вначале воспринято как победа пролетариата и удар по буржуазной государственности.

После всего изложенного становится понятным, каким образом радикальная буржуазия могла так долго сохранять иллюзии относительно подлинной сущности Коммуны. До середины апреля она даже носилась с мыслью всецело подчинить Коммуну своему влиянию и таким путем взорвать ее изнутри. Особенно ясно это видно на примере деятельности Республиканской лиги защиты прав Парижа, основанной после 18 марта по инициативе Клемансо, Лафона, Ранка, Дезонаца, Адана, Локруа, Рошфора, Флоке и объединившей «передовых» купцов, промышленников, адвокатов и публицистов. В начале апреля Лига, как и вся парижская буржуазия, была еще убеждена в том, что версальским реакционерам не удастся победить Париж. Версаль и Коммуна, — доказывалось в одной из прокламаций Лиги, опубликованной 8 апреля, — имеют равные силы. Версаль никогда не будет в состоянии завладеть Парижем, но и Коммуна не в состоянии победить Версаль. Поэтому они должны между собою договориться, иначе Франция погибнет. — Но с Коммуной, в которой преобладали избранные пролетариатом крайние революционеры, Версаль решительно отказывался вести переговоры. Следовало поэтому захватить Коммуну изнутри, создавши в ней умеренно буржуазное большинство. Лига намеревалась для этой цели принять самое активное участие в дополнительных выборах в Коммуну, назначенных сперва на 5-е, затем перенесенных на 10-е, наконец состоявшихся 16 апреля. Расчет Лиги, по сообщениям ее секретаря и историка Андре Лефевра, заключался в следующем: если на выборах победит кандидатский список Лиги, то она проведет в Коммуну 28 своих сторонников, которые, вместе с находившимися уже там 22 умеренными членами, будут иметь численный перевес над крайними партиями. Превратившись таким образом из «моральной силы в силу реальную», Лига могла бы успешно вести переговоры с Версалем, гарантировать Тьеру выполнение всех условий соглашения и сделать борьбу Версаля с Парижем излишней(29).

Если верить Лефевру, в самой Коммуне как среди «большинства», так и среди «меньшинства» имелись сторонники соглашения, достигнутого даже такой ценою(30). Действительно, один из влиятельных членов Коммуны, интернационалист Лефрансе, впоследствии говорил с сожалением о позиции воздержания умеренной и радикальной буржуазии. Подсчитавши, что между 28 марта и 16 апреля из Коммуны вышли 21 республика-

неу и радикал, он замечает: «Если бы умеренная буржуазия не ушла, а присоединилась бы к меньшинству, то все сложилось бы иначе. На республиканскую буржуазию и только на нее ложится вся ответственность за несчастья, к которым привело ее самоустранение». Такого же мнения и другой видный член меньшинства, интернационалист Малон. Причины ухода из Коммуны радикалов — Ранка, Парана, Робине, Лефевра, Фрюно, Гупиля — для него «непостижимы». — «Если бы они не ушли, — пишет он, — социалистическое меньшинство стало бы большинством(!), а это имело бы необычайные последствия» (31). Известно, что некоторые члены прудонистского «меньшинства» предприняли «самые серьезные шаги», чтобы удержать в составе Коммуны представителей радикальной буржуазии. Совершенно очевидно, что такого рода соглашательская тактика, которая предала бы Коммуну в руки буржуазии, ничего общего не имела с тактикой компромисса с Версалем, о которой говорил Маркс в упомянутом выше (стр. 92) письме к Ньюенгуйсу. Именно такого рода прудонистская тактика привела бы к тому, что Маркс в письме к Кугельману от 17 апреля называл «сдаться без борьбы»; а сдача без борьбы имела бы своим ближайшим следствием, как он указывает далее, «деморализацию рабочих», которая «была бы гораздо большим несчастьем, нежели гибель любого числа «вожаков».

В этой связи для нас является чрезвычайно ценным указание Андре Лефевра об основной причине провала всех соглашательских попыток буржуазной Лиги. «Комитет Лиги, — пишет он, — имел в Париже много сторонников, но они были беспомощны вследствие недоверчивости и насильнических тенденций федератов, у которых в руках была сила и которые скорее увлекали за собой Коммуну, нежели ей повиновались» (32).

Таким образом парижский вооруженный пролетариат, руководимый своим верным классовым инстинктом, оказался главным и непреодолимым препятствием к соглашению, которое было бы куплено ценою поражения революции без борьбы, ценою деморализации рабочего класса. Но только необходимо отметить, что историк Лиги, вполне правильно подчеркивая выдающуюся роль «федератов» в отпоре соглашательским попыткам, глубоко заблуждается в отношении характера этой роли. Дело здесь, конечно, вовсе не в том, что сила, — как он указывает, — находилась в руках «федератов», вследствие чего сторонники Лиги, т.-е. соглашательства, в самой Коммуне были бессильными. Ибо федераты отнюдь не противопоставляли себя Коммуне, которая ведь была избранной ими же властью, за которую они бесстрашно

бились и умирали. Передовой парижский пролетариат, наученный горьким опытом прошлых революций, в данном случае (как и в ряде других, на которых еще придется остановиться), только выпрямлял ошибочную линию поведения своей руководящей верхушки, среди которой, действительно, имелись сторонники принципиально неверной и тактически вредной политики союза с республиканской буржуазией. В конечном итоге, политика, усвоенная Коммуной по отношению к республиканской буржуазии, свелась к тому, что, не препятствуя последней организовывать в своей среде соглашательские союзы и вести никого не обязывавшие переговоры с Версалем, Коммуна пресекала в корне попытки этих союзов организовать массовую пропаганду соглашательских идей путем устройства митингов и торжественно объявила предательством делу революции всякие разговоры о примирении с реакционным Версальским собранием. Таким образом, Коммуна добилась, по крайней мере, нейтрализации части буржуазии, что и было единственно достижимым и единственно необходимым в условиях тогдашней расстановки классовых сил.

Совершенно иные задачи стояли перед Коммуной по отношению к мелкой буржуазии, составлявшей наряду с пролетариатом основную массу населения Парижа. Если принять во внимание мелкобуржуазный характер всей Франции, а особенно Парижа того времени, ремесленный или полуремесленный характер значительной, даже подавляющей части парижского пролетариата, еще не обособившегося окончательно от мелкой буржуазии, то необходимость для Коммуны закрепить свой союз с последней, сохранить ее за собой в качестве «резерва революции» станет совершенно очевидной. Каким образом стремилась Коммуна достигнуть этой цели, будет видно при рассмотрении ее социально-экономической политики в течение всего первого периода ее деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) В комиссию для выработки прокламации вошли 3 бланкиста: Вайян, Тридон и Прого — и один якобинец — Груссе. См. «Procès-verbaux» de la Commune de Paris, édition critique par G. Bourgin et G. Henriot, P. 1924, I, p. 52, где напечатана и самая прокламация.

(2) 30 марта «Journal Officiel» вышел под названием «Journal Officiel de la Commune de Paris» N°1, но после дискуссии в Коммуне того же 30-го было решено сохранить его старое наименование «Journal Off. de la République Française», N°90.

(3) Она была принята на секретном заседании 18 апреля всеми против одного голоса, после того как по предложению Риго было отброшено содержавшееся в ней осуждение «цезаристского коммунизма». Программу составил якобинец Делеклюз. «Procès-verbaux», p. 274, 277 sq, 282—284.

- (4) Maillard. Les publications de la rue, N° 292, p. 99.
- (5) Цит. у Ларонза, ук. соч. стр. 118. Повидимому, это место заимствовано из статьи в «Journal Officiel» от 31 марта.
- (6) «Rapport de Boreau Lajandie sur le rôle de la presse pendant l'insurrection de Paris» в «Enquête parlementaire», 75 sq, и C. Pelletan, о. с., p. 58.
- (7) «Journal Officiel». 12/IV.
- (8) См. ИОГН, 1930, стр. 482. (О Вайнштейн. Парижская Коммуна и пролетариат в революцию 1871 г.)
- (9) См. все ссыдки на источники там же, стр. 483.
- (10) «Journal Officiel» от 3/IV.
- (11) «Père Duchêne», N° 23.
- (12) Debidour. L'Eglise catholique et l'Etat sous la 3e République, p. 33.
- (13) Наиболее тщательно вопрос о школе разработан у А. Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны. Л. 1924.
- (14) «Liberté» от 4/IV.
- (15) «Procès verbaux», p. 492, 495.—Донесения Окунева, стр. 4 сл.
- (16) «Guerre des Communeux de Paris» (Paris, 1871) p. 189 sq.
- (17) Laronze. La Commune, p. 124; 452.
- (18) Jeb. Commissaire. Mémoires et souvenirs, t. II, p. 380 sq цит. у Laronze, 459 ss.
- (19) Ibid., p. 284 сл.
- (20) См. ряд таких писем у Добана, op. cit.
- (21) «Père Duchêne», 3 prairial.
- (22) Laronze, 294 ss.
- (23) Собр. соч., т. XXI, стр. 398.
- (24) Собр. соч., т. XXII, стр. 352.
- (25) «La Commune», № 23 (11/IV).
- (26) Firmin Maillard. Publications de la rue, N° 243, p. 94 sq.—«La Commune», N° 24, от 12/IV.—«Murailles politiques», II, pp. 212—213.
- (27) «Enquete parlementaire», 225, 277.—E. Lamé-Fleury, La guerre, la révolution etc. в «Journal des économistes français», t. XX, p. 306.
- (28) Собр. соч. т. XII, стр. 163.
- (29) André Lefèvre. Histoire de la Ligue d'Union Républicaine des droits de Paris, P. 1881. Эта очень важная работа, написанная в сентябре 1871 г. по горячим следам событий, прошедшая редакцию тьериста Тирара (утверждение Лепелтье), дает много интересного материала для характеристики эволюции буржуазных кругов по отношению к Коммуне.
- (30) Lefèvre, о. с., 78.
- (31) Lefrançais. Etude sur le mouvement comm. Neufchatel 1871, pp. 193—197.—Malon. La troisième défaite du prolétariat français, p. 137.
- (32) Lefèvre, p. 147.

ПРОВЪЗГЛАШЕНІЕ КОММУНЫ НА ПЛОЩАДИ РАТУШИ.

У СТЕНЫ ФЕДЕРАТОВ.

Срисовано с натуры 28 мая 1871 г. Дени Дерошем.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КОММУНЫ

При изучении социально-экономических мероприятий Коммуны прежде всего бросается в глаза, что специально рабочим вопросом она занялась вплотную только с конца апреля. Все же свое внимание в предшествующем периоде (конец марта — первые две декады апреля) она уделяла главным образом вопросам, которые интересовали одновременно и пролетарские, и мелкобуржуазные массы Парижа. Установившаяся таким образом своеобразная «очередность» декретов, хотя и не являвшаяся результатом сознательного планирования работы Коммуны, не была однако и случайной. Здесь сказалась, несомненно, неоднократно уже отмечавшаяся нами тактическая линия Коммуны по отношению к мелкой и отчасти средней буржуазии, которая диктовалась соотношением классовых сил в стране и в Париже. С точки зрения интересов пролетарской революции нужно действительно считать вполне правильным тактическим ходом стремление Коммуны показать «среднему классу», что волновавшие его вопросы о платежах по векселям и о задолженности по квартирной плате, решенные Национальным собранием в интересах финансовой и крупно-собственнической олигархии, только правительством рабочего класса могут быть решены в интересах широких кругов мелкой буржуазии; что только это правительство в состоянии спасти мелких предпринимателей, лавочников, ремесленников от неминуемого ожидавшего их разорения. Нельзя также упускать из виду, что первоочередность этих декретов была, так сказать, навязана Коммуне всем предшествовавшим ходом событий: ведь враждебная правительству Тьера позиция почти всей парижской буржуазии и 18 марта, и в последующие дни была в значительной степени обусловлена вексельным и квартирным законами Бордоского национального собрания.

К этой же категории жгучих вопросов, унаследованных Коммуною от предшествовавшего периода, относился и вопрос о ломбарде, затрагивавший, впрочем, наиболее сильно безработный пролетариат и вообще массы парижской бедноты.

Но правильная постановка вопроса еще не означает всецело правильного его решения. Мы увидим, что Коммуна допустила здесь немало ошибок, вызывавших уже в то время справедливую критику. Да и трудно ожидать от рабочего правительства, в котором не было ни одного марксиста, чтобы оно сохраняло выдержанную и четкую классовую линию в исключительно тяжелых условиях непрерывной борьбы за самое свое существование. Можно скорее удивляться тому, как быстро изживались Коммуною в ходе ожесточенной борьбы ее мелкобуржуазные предрассудки первой поры, ее вредные иллюзии о внеклассовой «справедливости», возможности «примирить все интересы» и т. п., и как много из первоначально допущенных ошибок было впоследствии исправлено.

1. — Мартовский декрет Национального собрания о задолженности по квартирной плате отдавал безработного пролетария, а также разоренного войной и осадой парижского буржуа на произвол домовладельца. Соответствующий декрет Коммуны, изданный 29 марта, был, наоборот, составлен исключительно в интересах нанимателей. Он совершенно аннулировал их задолженность домовладельцам за девять месяцев, начиная с октября 1870 г.; засчитывал уже внесенную квартирную плату в счет будущих «термов» (квартальных платежей); предоставлял нанимателю право расторгнуть контракт о найме или же, наоборот, в случае его истечения, сохранить за собою квартиру в течение трех месяцев. Таким образом декрет Коммуны был достаточно радикален, но совершенно лишен классовой окраски. Крупные промышленники и торговцы могли им также воспользоваться, как и мелкие наниматели. Группа членов Коммуны пыталась на следующий день после издания декрета исправить его в том смысле, чтобы наниматели, не пострадавшие во время войны, — рантье, крупные чиновники, некоторые категории промышленников и торговцев, — обязывались внести квартирную плату за льготные месяцы в кассу Коммуны, но эта поправка не прошла. Гораздо хуже было то, что интересы беднейших нанимателей, которых домовладельцы успели выбросить на улицу до 18 марта, декретом совсем не были приняты во внимание. В таком положении очутились многие безработные нац. гвардейцы, на что указывал Вайян в заседании 24 апреля. Еще раньше, 8 апреля, Дерер внес предложение, чтобы Коммуна реквизировала мебелированные комнаты для нужд нац. гвардейцев, оставшихся без

CABINET

COMMUNE DE PARIS.

Procureur de la Commune.

Paris, le 13 mai 1871

Citoyen. Schaller,

J'apprends seulement hier votre arrestation. Ce fait, quelque étrange qu'il m'ait paru au premier abord, semblait provenir plutôt par la suite du citoyen Decroix.

Comme cependant vous, en tout cas, par vous, je rends l'absurdité pour l'absurdité, je m'empresse de donner l'ordre de vous mettre en liberté.

Salut et fraternité

Raoul Rigault

P.S. C'est pour le citoyen Decroix l'arrestation
du citoyen Decroix

FAC-SIMILÉ DE L'ÉCRITURE DE RAOUL RIGAUT

D'après un autographe de la collection de M. Georges Cain.

ПИСЬМО РАУЛЯ РИГО

От 13 мая на бланке прокурора Коммуны

крова. В качестве представителя от рабочего 18-го округа, где свирепствовала безработица и отчаянная нужда, Дерер прекрасно знал, насколько остро стоял квартирный вопрос для многих его избирателей. Но Коммуна отклонила его проект, явно не желая раздражать буржуазию мероприятием чисто классового характера, которое интересы собственников принесло бы в жертву исключительно беднейшим пролетариям (1). Только позже, когда Коммуна в процессе развития революции и своего собственного роста лучше поняла лежавшие на ней задачи, квартирный вопрос, как будет далее видно, был окончательно решен в интересах парижской бедноты.

Точно также не был вполне решен вначале и другой вопрос, чрезвычайно волновавший беднейшее население — вопрос о ломбарде. Коммуна здесь ограничилась декретом о прекращении аукционной продажи невыкупленных из ломбарда вещей, воспроизводившим соответствующее распоряжение Центрального комитета. Но это, конечно, ни в малейшей степени не устраивало парижской рабочей массы. Ломбард с его 24 филиалами и 14 комиссионными конторами, проводившими свои операции в самой гуще пролетарских кварталов, играл в экономической жизни этой массы значительную роль, особенно возросшую в связи с войной и безработицей. Уже в конце 1870 г. в складах ломбарда находилось 1 708 547 вещей, стоимостью в 100 миллионов. Среди этих вещей, по свидетельству современника (2), преобладали орудия мелкого производства, — станки, рабочие инструменты, швейные машины, — а также необходимейшие предметы домашнего обихода. По данным «Административного отчета ломбарда за 1871 г.», к началу этого года у парижского населения фактически не было уже что закладывать. Ввиду невозможности для безработной массы выкупить свои вещи или хотя бы платить высокие проценты по ссуде над ней нависла угроза продажи этих вещей с аукциона. Вот как описывает создавшееся в связи с этим положение «Отец Дюшен» в номере от 7 марта. «Кажется, что торговцы деньгами, руководители проклятого ломбарда, черт бы их побрал, немедленно начнут продажу — ранее приостановленную — невыкупленных вещей. Они хотят этим довести народ до отчаяния и спровоцировать его на восстание, которое вызвало бы резню патриотов и гибель республики. Во время этой проклятой осады... пролетарии, чтобы прожить, вынуждены были все позакладывать по милости бесстыдных спекулянтов продовольствием. Еще задолго до войны был застой в производстве и торговле; товары валялись в магазинах, безработица росла. Когда объявили войну, то большая часть предприятий закрылась; рабочие, буржуа и мелкий люд не имели чем

жить. И тогда жалкое движимое имущество пролетария, купленное ценою пота и суровой экономии, пошло дорогою, ведущею в ломбард, ростовщическое учреждение, которое взимает 9, 10, 11 и 12⁰/₁₀₀. Это позволено им законом, ибо они (руководители ломбарда) называются филантропами, между тем как это хищные волки. И вот народ, который страдал, терпел, голодал... теперь принужден смотреть, как продают его добро. Приходится распрощаться со всей этой убогой, но дорогой утварью, купленной с такими трудностями, с этой бедной мебелью... может быть, и с орудиями труда» (3).

Революция 18 марта, казалось бы, должна была радикально и сразу покончить с этим вопросом. В своем месте было уже упомянуто, что ЦК вынес постановление вернуть бесплатно вещи, заложенные на сумму не свыше 20 франков. Но провести его в жизнь он не успел, да и не хотел. Это должна была сделать Коммуна, «законная власть», на решение которой ЦК откладывал вообще все сколько-нибудь важные мероприятия. Однако Коммуна своим декретом от 29 марта в сущности только отсрочила окончательное решение вопроса о ломбарде. Вместо того чтобы передать его на разработку одной из своих комиссий, она за массою текущих и срочных дел как бы забыла о его существовании. Не помогали и неоднократные напоминания некоторых газет, особенно «Отца Дюшена», который, будучи инспирирован письмами своих «рабкоров», 12 и 15 апреля настойчиво требовал декрета о бесплатном возвращении заложенных вещей «бедным патриотам», в первую очередь нац. гвардейцам, которые служат революции (4). Только 25-го представитель Интернационала в Коммуне, рабочий Авриаль внес соответствующий проект. «Нужно показать, заявил он, что нас интересует народ, сделавший революцию 18 марта. Народ, сидящий на черном хлебе, имеет право, чтобы его страдания были приняты во внимание и чтобы не остановились перед расходом в несколько миллионов, когда нужно удовлетворить его законными мерами». Его поддержали многие другие члены Коммуны, которые даже заговорили о «социальной ликвидации», о необходимости «обложить рантье в интересах тех, кто ничего не имеет», о том, что «Коммуна недостаточно до сего времени интересовалась рабочими с социальной точки зрения» и т. п. Тем не менее для большинства ее членов еще сохраняли силу аргументы финансового делегата Журда, призывавшего к благоразумию. «Разрушить ломбард,— сказал он,—значило бы покуситься на частную собственность, а этого мы пока еще ни разу не делали. Я не думаю, чтобы так поступить было бы целесообразно, полезно, разумно». Обсуждение декрета о ломбарде было перенесено «на следующий

день», но прошло десять дней, прежде чем Коммуна получила возможность вернуться к этому вопросу. Только 6 мая она одобрила представленный Журдомом проект, согласно которому бесплатной выдаче подлежали лишь вещи, заложенные на сумму менее 20 франков, выдача начиналась с 12 мая, финансовому делегату поручалось «уладить с администрацией ломбарда вопрос о компенсации ломбарда». И самый декрет, и разработанный Журдомом способ его осуществления были насквозь проникнуты прудонистской идеей «справедливости». Справедливость требовала, чтобы интересы акционеров ломбарда были ограждены и чтобы, как заявил автор декрета, «была устранена идея предпочтения одних категорий граждан перед другими при проведении этого мероприятия». В начале мая, когда отход радикальной буржуазии от Коммуны был уже вполне очевидным фактом, такая постановка вопроса была в корне ошибочной, и для нас поэтому понятно возмущение члена Коммуны рабочего Авриала, который принужден был напомнить «о тех, которые идут на смерть» за революцию. В результате допущенной здесь ошибки национальным гвардейцам, да и вообще парижской бедноте, удалось лишь в самой слабой степени воспользоваться декретом, который появился слишком поздно, незадолго до падения Коммуны, и к тому же требовал ряда сложных операций для своего осуществления (жеребьевка, представление держателем квитанции документальных доказательств о принадлежности ему заложенной вещи и т. п.). Неудивительно, что в красных клубах сурово критиковали этот декрет, требуя его исправления в более классово выдержанном духе. Нет сомнения, что Коммуна пересмотрела бы свое решение (как это было сделано в нескольких аналогичных случаях), если бы она продержалась хотя бы месяцем дольше.

Но при всех своих несовершенствах декрет о ломбарде имеет тем не менее принципиально важное значение, как один из тех актов рабочей власти, в которых выразилась ее забота о материальном положении бедноты, безработных пролетариев, неимущих и малоимущих слоев населения. Сама постановка вопроса о ломбарде вплотную подводила Коммуну к другой, более широкой и важной проблеме, а именно о социальном страховании, которое сделало бы самое существование ломбарда излишним. В этом направлении велась даже определенная работа в Комиссии труда и обмена, подготавливавшей план полной ликвидации ломбарда и замены его «социальной организацией», способной «защитить рабочего от капиталистической эксплуатации», «дать ему реальные гарантии помощи и поддержки в случае безработицы и болезни». Но такого рода мероприятия, требовавшие для своего

осуществления значительное время, Коммуне были конечно недоступны.

Особенно большое внимание Коммуна с первых же шагов своей деятельности уделила вопросу, интересовавшему исключительно мелкую и среднюю буржуазию, а именно вопросу о рассрочке платежей по векселям и другим кредитным обязательствам. Начиная с 31 марта, когда была признана срочность относившегося сюда декрета, и кончая 17 апреля, когда он был окончательно утвержден, этот вопрос, можно сказать, почти не сходил с повестки дня заседаний Коммуны. Частично или полностью ему было посвящено не менее пяти заседаний, на которых ряд видных членов Коммуны — Беле, Журд, Асси, Тридон, Паризель — наперебой предлагали свои проекты закона, тщательно разработанные и продуманные. Через посредство прессы все эти проекты были сделаны предметом широкой гласности и всестороннего обсуждения. Для этой же цели Коммуна создала специальную комиссию, к работам которой были привлечены представители парижской торговли и промышленности. Во время дискуссии в самой Коммуне неоднократно подчеркивалось желание выработать декрет, который «примирил бы все интересы», удовлетворил бы «как крупных, так и мелких коммерсантов». Комиссия в конце концов остановилась на проекте Журда, который после некоторых поправок был принят и получил силу закона. Кредитные обязательства согласно этому закону подлежали оплате начиная с 15 июля 1871 г. равными долями в двенадцать сроков, распределенных в течение трех лет, причем различными статьями предусматривалась и заранее устранялась возможность злоупотреблений со стороны должников. Даже противники Коммуны принуждены были признать, что ее декрет по своей продуманности и тщательности подготовки значительно превосходил все, что было по этому вопросу сделано Национальным собранием. О значении декрета можно судить по тому, что в одном лишь «портфеле» Французского банка имелось векселей парижских торговцев и промышленников на сумму около 1 800 миллионов франков. По свидетельству одного современного буржуазного экономиста, декрет Коммуны «спасал от гибели и разорения многие тысячи мелких и мельчайших предприятий Парижа» (5).

Не приходится и говорить о том, что и самый декрет, и весь поднятый вокруг него шум преследовали определенную тактическую цель — сохранение за Коммуной симпатий широких слоев мелкой и средней буржуазии. Не довольствуясь этим, Коммуна и в ряде других случаев обнаружила готовность считаться с интересами торгово-промышленных кругов Парижа. Так, например, она выразила согласие нейтрализовать почту, поставив ее под

контроль смешанной комиссии из представителей парижского и версальского правительств; возобновила работу городского телеграфа, дезорганизованного чиновниками по приказу из Версаля; обеспечила беспрепятственную выдачу «деловым людям» пропусков на выезд из Парижа и лицензий на вывоз различных товаров.

Наконец стремление Коммуны сохранить единый фронт пролетариата и мелкой буржуазии в борьбе с реакционно-монархическим правительством Тьера красной нитью проходило и через всю ее финансовую политику.

Этой областью заправляли исключительно прудонисты во главе с Журдом, и ряд допущенных здесь ошибок, равно как и вообще поразительную умеренность, проявленную Коммуной в финансовых мероприятиях, нужно отнести почти целиком на их счет.

«Искусный и добросовестный счетчик», но очень недалекий как политический деятель, Журд, вместе со своими товарищами по финансовой комиссии, был глубоко убежден в том, что «в финансах — все спасение Коммуны и республики», а спасение финансов — в сохранении любой ценою бюджетного равновесия, в строжайшем режиме экономии и в завоевании доверия со стороны буржуазных деловых кругов. Действуя совершенно независимо от Коммуны, а подчас и против желания ее большинства, — финансовую комиссию недаром упрекали в том, что она «считает себя диктатурой», — Журд в своем увлечении бюджетной эквилибристикой нередко забывал о самых насущных нуждах революции. «Когда у меня требуют 200 тысяч франков, — говорил он, — я осведомляюсь, для чего они нужны, и стараюсь дать только 50 тысяч, если и этого хватит». Руководствуясь таким принципом, он отказывал в предоставлении средств для покупки лошадей, нужных военному ведомству, или для приобретения усовершенствованных ружей, которые пошли бы на перевооружение национальной гвардии. Любопытно, что впоследствии перед версальским судом, ссылаясь на приведенные выше факты, он с гордостью указывал, что «не бросал денег на ветер». Излишне говорить, насколько так понимаемый режим экономии был губелен для дела революции.

Благодаря подобной системе финансовому делегату удалось свести все расходы Коммуны за время ее существования к сравнительно ничтожной цифре — 41 миллиону, между тем как правительство реакции на одну только борьбу с Парижем тратило сотни миллионов. В общем, по данным Шере, специально изучавшего финансы Коммуны (6), военная делегация, интендантство, морское ведомство, походные госпитали, устройство баррикад и

«КРОВАВАЯ НЕДЕЛЯ»

Женщина-коммунарка отдаёт распоряжение передвинуть батарею митральез на площадь
Тарен 22 мая

прочие расходные статьи, связанные с военными действиями против Версаля, поглотили около 38 млн., а все остальные нужды (суд, народное образование, общественная безопасность, социальное обеспечение, муниципальное управление, аппарат Коммуны) — невероятно малую сумму — 3 293 тыс. франков! Коммуна действительно была, как остроумно заметил Рошфор, самым дешевым и самым честным правительством, какое знала Франция с мифических времен Фарамонда. Не подлежит также сомнению, что для трудящихся масс, которых буржуазное государство всегда задавливает бременем налогов на содержание своей бюрократии, войска, полиции и жандармов, этот факт экономности рабочей власти должен был иметь огромное агитационное значение. Но в ряде случаев, где экономия достигалась путем ущемления самых настоятельных потребностей революции, мы в праве говорить о вредном перегибе, об ошибке Коммуны.

Построение приходной части бюджета носит еще в большей мере печать прудонистской ограниченности финансовой делегации. Достаточно указать, что одним из важнейших источников дохода было так наз. «октруа» (пошлина на ввозимые в Париж продукты продовольствия), и другие косвенные налоги, давшие Коммуне с 20 марта до 1 мая около 11 миллионов. Это значило

в сущности строить бюджет революции на обложении тех масс, на которые революция опиралась. Лионские революционеры, при дя 4 сентября 1870 г. к власти, первым делом уничтожили октруа, «эту школу каторги и проституции». Парижане не последовали их примеру, хотя о крайней непопулярности этого налога среди пролетариата им не могло не быть известно. Еще 27 марта «Отец Дюшен», откликаясь на письма своих рабочих корреспондентов, писал: «Народ платит на предметы своего потребления налог, доходящий до 20, 25, 30, 45 и 50%, а иногда и более, между тем как богачи — ибо они ведь не работают — платят самое большее 2, 3, 4, 5 и 6% за деликатесы, которыми они уставляют свои столы. Вы (члены Коммуны) должны понять падающую на вас обязанность — прекратить этот гнет, который уже в течение столетий душит рабочих и мелких торговцев (7).

Нельзя сказать, чтобы Журд не понимал принципиальной важности этого вопроса. 2 апреля он заявил в Коммуне о своем намерении представить проект об уменьшении косвенных налогов на половину, но дальше проектов он так и не успел пойти. Заботы каждого дня отвлекали Коммуну от проведения широко задуманных реформ, а финансовая делегация и подавно не хотела форсировать этого дела, опасаясь нарушения с трудом достигнутого бюджетного равновесия.

Эти опасения, равно как и вечно испытывавшаяся Коммуной нужда в деньгах кажутся тем более безосновательными, что под самым ее носом находились сундуки с золотом Французского банка. К моменту революции здесь хранилось ценностей в золоте и бумагах на сумму 2 180 млн. фр., не считая 800 млн. банкнотами, которым недоставало только подписи кассира. Управляющий банком, маркиз де-Плек, был в такой степени уверен, что революционное правительство не замедлит наложить руку на это учреждение, что накануне провозглашения Коммуны вывез из Парижа все клише для печатания банкнот. Он даже вел в Версале переговоры о том, чтобы поставить банк, эту «цитадель богатой буржуазии», под охрану иностранных правительств. Но уже первые шаги новой власти показали, что она не только не помышляет о захвате банка, но фактически сама берет его под свою охрану. Финансовая комиссия и особенно назначенный Коммуной делегат при банке, Беле, приложили все усилия к тому, чтобы сохранить в целости и невредимости «важнейшее кредитное учреждение Франции». Роль Беле, богатого буржуа, ставшего «социалистом», была в этом деле особенно позорной. Он не постеснялся впоследствии указывать на то, что не последовал примеру других своих буржуазных коллег и остался в Коммуне исключительно для того, чтобы оберегать банк от покушений на

него со стороны крайних партий (8). Делегат Коммуны фактически сделался подручным де-Плека, которому он решающим образом помог не только спасти банк, но и свести к минимуму неизбежные «жертвы» банка на революцию. Это было достигнуто путем заключения о банке договора, в силу которого последний превращался в нейтральное учреждение и получал различные привилегии (самостоятельная вооруженная охрана из банковских служащих, изъятие из общих распоряжений административных и судебных органов и т. п.). В свою очередь «Французский банк обязывался выдавать Коммуне фонды, принадлежащие городу Парижу, а в случае истощения этих фондов, авансировать суммы, гарантированные выпуском закладных листов под городское имущество» (9). На основании этого соглашения банк выдал Коммуне в общем немногим более 15 млн., в то время как Версальскому правительству удалось получить из того же источника 257 630 тыс. фр., которые, как замечает реакционный историк Дюкан, «были употреблены на дело освобождения», т. е. на удушение революции.

Впоследствии, в изгнании и ссылке, члены Коммуны почти единодушно признали, что они в этом вопросе допустили огромную ошибку. Захвативши банк, который мог в их руках оказаться самым драгоценным заложником против реакционной буржуазии, они в худшем случае спасли бы Париж от кровавого разгрома версальской солдатчины и свели бы к минимуму жертвы революции. Но таким путем весьма возможно было достигнуть и большего: предотвратить вообще разгром революционного пролетариата версальцами и принудить Тьера к отказу от открытой войны с Парижем. С другой стороны, огромные денежные средства банка позволили бы им лучше организовать свои силы и вести борьбу против Версаля с несравненно большими шансами на успех.

Но в то время, когда они стояли у власти, не эти возможности определяли их политику по отношению к банку, а боязнь малейшим покушением на целостность этой твердыни французского капитализма вооружить против себя решительно все слои буржуазии. Помимо общего удручающего впечатления, которое захват банка произвел бы на буржуазию, нужно иметь в виду, что для парижских буржуа, владевших 70% всех акций банка, этот удар был бы особенно чувствительным, а для мелких торговцев и промышленников, возлагавших на него все надежды на восстановление своего кредита, прямо-таки катастрофичным. Именно поэтому в корне ошибочная аргументация Беле и других защитников неприкосновенности банка (прудонистов, помешанных на

организации кредита) и оказалась столь убедительной для якобинско-бланкистского большинства Коммуны (10).

Не затронув Французского банка, который фактически являлся учреждением государственного характера, Коммуна с тем большим основанием оставила неприкосновенными частные финансовые предприятия и акционерные общества. Правда, 29 марта Коммуна распорядилась опечатать кассы и книги пяти крупнейших страховых компаний, но эта мера, объясняемая желанием конфисковать страховые взносы низложенной династии, была по предложению Беле отменена уже на следующий день (11). Точно также Коммуна немедленно вернула по принадлежности кассу Газовой компании, конфискованную во время обыска одним из батальонов национальной гвардии.

Таким образом, придерживаясь в течение всего апреля своей тактической линии по отношению к буржуазии, Коммуна в ряде случаев продемонстрировала последней свое нежелание существенно затронуть ее собственнические интересы. Но в применении этой тактики не было проявлено достаточной гибкости, умения маневрировать, результатом чего явилось несколько грубых ошибок, ответственность за которые падает на всю Коммуну, но в наибольшей степени — на прудонистских доктринеров ее финансовой комиссии.

2. — Теоретическая незрелость парижского пролетариата и его руководящей верхушки, господствовавшие среди последней в области социально-экономических вопросов мелкобуржуазные, прудонистские предрассудки наложили известный отпечаток и на рабочую политику Коммуны, особенно в первый период ее деятельности. Этой политикой руководила Комиссия труда и обмена, состоявшая почти целиком из прудонистов — членов Интернационала и возглавлявшаяся Френкелем. С общей установкой Комиссии нас знакомит ее официальная программа, выдвигавшая следующие положения: «Комиссия имеет задачей специальное изучение всех реформ, которые необходимо ввести как в общественных службах Коммуны, так и в отношениях между рабочими — мужчинами и женщинами — и их хозяевами. Ее целью является также общее исследование труда и обмена для создания статистики. На комиссии лежит безусловный долг предоставления заинтересованным всех средств для группировки элементов, при помощи которых могут подготавливаться проекты декретов». Дюбрейль справедливо замечает, что эта программа «кажется удивительно бледной и почти ничтожной; это программа исследования и подготовки, а ни в коем случае не программа действия и осуществления» (12). Правда, если верить газете

КРОВАВАЯ НЕДЕЛЯ

Последнее сопротивление коммунаров на одной из баррикад Парижа

«Paris-Journal», существовала и другая программа, ставившая перед комиссией совершенно иные задачи. «Комиссии, — сказано здесь, — поручается пропаганда социалистических учений. Она должна искать способов уравнивать труд и заработную плату (?). Она должна также содействовать развитию национальной и парижской промышленности. Этой комиссии надлежит точно также заняться способами развития международного обмена, привлекая в Париж иностранную промышленность с тем, чтобы превратить Париж в крупный центр производства». Трудно допустить, чтобы весь этот план, насквозь проникнутый прудонистским духом, являлся просто плодом досужей фантазии журналиста. Но характерно, что враждебная Коммуне газетка, которая до середины апреля (когда появляются первые официальные протоколы Коммуны) была для буржуазии главным источником информации о новой власти, сообщает о Комиссии труда и обмена самые безобидные вещи.

Тем не менее, самим ходом революции и инициативой рабочей массы перед Комиссией стали выдвигаться задачи, заставлявшие ее — и чем далее, тем больше — выходить за рамки намеченной ею скромной программы. Об этом свидетельствует прежде всего проведенный ею 16 апреля в Коммуне декрет о промышленных предприятиях, прекративших работу вследствие бег-

ства их хозяев из Парижа. Декрет поручал профессиональным союзам учреждение комиссии, которая должна была произвести статистическое обследование бездействующих мастерских и инвентаризацию их оборудования, а также подготовить проект передачи мастерских производительным ассоциациям рабочих. Прежние собственники при этом сохраняли право на получение от рабочих возмещения в размере, который будет в каждом отдельном случае устанавливаться особым «арбитражным жюри».

Таково содержание этого знаменитого декрета, который был в сущности лишь предварительным наброском задуманного более общего и более разработанного закона о передаче в руки рабочих промышленных предприятий буржуазии. Вот почему в протоколах Коммуны о принятии декрета 16 апреля мы находим лишь следующее указание: «Председатель читает предложение, представленное гражданином Авриалем и несколькими его коллегами (по Комиссии труда и обмена) относительно требования анкеты о бездействующих мастерских. Проект декрета, поставленный на голосование, принимается в п р и н ц и п е» (13). Действительно, в самом декрете мы находим указание, что он имеет прежде всего в виду сложную подготовительную работу по обследованию предприятий, по составлению всякого рода планов, обсуждение их сначала в комиссии профсоюзных делегатов, затем в Комиссии труда и обмена, наконец в самой Коммуне. Лишь в результате этой работы мог появиться о к о н ч а т е л ь н ы й закон о конфискации мастерских и передачи их рабочим ассоциациям.

Таким образом декрет 16 апреля не заключал в себе угрозы немедленной «экспроприации экспроприаторов»; поэтому для парижской буржуазии он прошел почти незамеченным, и она на него решительно ничем не реагировала. Но передовой пролетариат, как мы увидим ниже, справедливо рассматривал его как важный шаг Коммуны в сторону раскрепощения труда от гнета капитала, как начало коллективизации орудий производства. Следует подчеркнуть, что Маркс, Энгельс и Ленин высоко расценивали принципиальное значение этого декрета, указывая, что изданием его прудонисты далеко отошли от идей своего учителя, ненавидевшего ассоциацию. «Главная мера Коммуны, — писал Ленин, цитируя Энгельса, — организация крупной промышленности и даже мануфактуры, для которой не только требовались рабочие ассоциации на каждой данной фабрике, но и нужно было объединить все отдельные ассоциации в один большой союз. Такая организация, как Маркс справедливо заметил в «Гражданской войне», с необходимостью вела к коммунизму, к прямой противоположности прудонизма» (14).

Однако в своей непосредственной практической деятельности Комиссия труда и обмена обнаружила во многих случаях неспособность подняться над уровнем прудоновских представлений о роли государства во взаимоотношениях между трудом и капиталом. Состоя из рабочих-интернационалистов, Комиссия, тем не менее, не поставила на рассмотрение Коммуны ни вопроса о контроле рабочих над производством, ни вопроса о регулировании рабочего дня, ни вопроса о минимуме заработной платы. Ряд интересных попыток в этом направлении был сделан на государственных и коммунальных предприятиях (например, в Луврских оружейных мастерских, в Национальной типографии), но частный предприниматель совершенно не был ими затронут.

Точно также излишне осторожно подошла комиссия к вопросу о регулировании рынка труда. Еще 1 апреля она постановила организовать при всех окружных мэриях записи предложения и спроса на труд, приглашая и рабочих, и работодателей принять непосредственное участие в этом деле путем выделения особых подкомиссий при каждой мэрии. Но частные посреднические конторы, жестоко эксплуатировавшие рабочих и к тому же находившиеся в руках ставленников императорской полиции, вначале не были уничтожены. Только 20 апреля, в связи с отдельным вопросом о труде рабочих-пекарей, Исполнительная комиссия постановила упразднить «учрежденные бывшей императорской полицией конторы найма» и заменить их регистрами для записи рабочих-пекарей при окружных мэриях и центральным регистром в здании бывшего министерства торговли. Наконец, 22 апреля Комиссия труда и обмена детализировала это постановление указанием, что при существующих в каждой мэрии информационных бюро должны быть заведены две книги: одна для спроса, другая для предложения рабочей силы, после чего, по крайней мере в некоторых округах, начали действительно функционировать своего рода биржи труда.

Комиссии труда и обмена нужно вообще поставить в упрек что она в своей деятельности всегда несколько отставала от потребностей момента, от запросов и все повышавшейся инициативности рабочей массы. Особенно ясно это видно на примере законодательства Коммуны о ночной работе в пекарнях. Рабочие пекаря, которые еще во времена империи начали борьбу за улучшение условий своего тяжелого труда, после появления Комиссии неоднократно обращались к ней с требованиями о вмешательстве. Но пока Комиссия с педантичной медлительностью занималась всесторонним рассмотрением этого вопроса, союз пекарей, очевидно потеряв терпение, организовал 20 апреля демонстрацию своих членов перед Ратушей, с целью добиться немед-

ленного издания декрета о запрещении ночной работы. Исполнительная комиссия удовлетворила их требование, опубликовав в тот же день соответствующий декрет, который однако оказался совершенно неудовлетворительным, так как в нем не было указано, ни когда он вступает в силу, ни какие кары полагаются за его нарушение. Делегату труда и обмена пришлось таким образом исправлять дело изданием (24/IV) дополнительного распоряжения, на основании которого ночная работа в пекарнях должна была прекратиться с 27 апреля. Тогда предприниматели организовали собрание, на котором было решено требовать у Коммуны отсрочки декрета до 15 мая, и представитель Коммуны, Паскаль Груссе, имел слабость обещать им, что эта просьба будет удовлетворена. Известие об этом вызвало сильное возбуждение среди рабочих, которые угрожали разломать печи и выбить окна в пекарнях. 28-го конфликт перешел на рассмотрение пленума Коммуны, где часть правых прудонистов и якобинцев стояла за невмешательство в отношения между рабочими и хозяевами, в то время как бланкисты и левые прудонисты, особенно Малон и Френкель, энергично отстаивали интересы рабочих. В конце концов прошла компромиссная точка зрения: декрет о запрещении ночной работы оставить в силе, хозяевам предоставить отсрочку, но не до 15-го, а только до 3 мая. В этом духе и был в тот же день опубликован новый декрет Исполнительной комиссией. Необходимо отметить, что, добиваясь отсрочки, предприниматели вовсе не имели в виду подчиниться декрету: они просто рассчитывали (Тьер громогласно возвестил об этом с трибуны Версальского собрания), что к этому времени Коммуна не будет уже существовать. Следовательно, Коммуна проявила известную слабость, сделавши в вопросе о сроке небольшую уступку хозяевам. Тем не менее утвержденный ею декрет был все же существенным завоеванием пролетариата, значительным шагом вперед в области рабочего законодательства.

Не менее важным мероприятием в этой же области являлся декрет о запрещении штрафов и вычетов из заработной платы, изданный 27 апреля по предложению Комиссии труда и обмена. Как это указано в мотивировочной части декрета, штрафы и вычеты во многих предприятиях были возведены в систему и служили только замаскированным способом уменьшения заработной платы рабочих и служащих. Коммуна своим декретом обязывала под угрозой привлечения к суду все учреждения и предприятия, как государственные, так и частные, выдавать в дальнейшем заработную плату полностью, без всяких удержаний, а также предписывала в 15-дневный срок возратить рабочим все вычеты произведенные у них начиная с 18 марта.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ КОММУНЫ.

КРОВАВАЯ НЕДЕЛЯ

Расстрел пленной коммунарки на улице Парижа.

МИЛЬЕР.

Депутат Национального
Собрания. Приверженец
Коммуны. Расстрелян вер-
сальцами 26 мая 1871 г.

ТРАНКИЛЬ.

Член наблюдательного ко-
митета.

ТОНИ МАСЕН.

Выдающийся врач. Был
активным политработни-
ком при Коммуне. Рас-
стрелян версальцами.

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

Знаменитый географ. Служил рядовым в нац. гвардии Коммуны и 4 апреля был захвачен в плен версальцами.

Таким образом, Коммуна, сначала ограничившая свою деятельность главным образом «преобразованием» (т. е. созданием принципиально новых) государственных и муниципальных учреждений, с конца апреля решительно стала на путь вмешательства в отношения между рабочими и частными предпринимателями. Быть может наиболее ярким свидетельством того, насколько уверенно и последовательно шла Коммуна и далее в этом направлении, является ее майский декрет о поставках одежды для национальной гвардии. В Париже во времена Коммуны насчитывалось от 20 до 30 тысяч рабочих-портных, организованных в профессиональные союзы и живших главным образом выполнением заказов для военного ведомства. Эти заказы они получали через подрядчиков, бравших на себя поставку обмундирования с торгов, причем, пользуясь царившими среди парижских рабочих нуждой и безработицей, подрядчики наперебой снижали цены, разумеется, за счет сильного уменьшения заработка рабочих. К концу апреля этот заработок упал почти вдвое, и таким образом получалось, что после победы пролетарской революции одна из самых многочисленных категорий парижских рабочих сделалась жертвой вновь расцветшей потогонной системы. По настоянию профессиональных организаций портных Комиссия труда и обмена занялась этим вопросом. 4 мая она получила разрешение Коммуны командировать в интендантство своих представителей для изучения контрактов на поставки обмундирования и 12-го представила результаты обследования, произведенного двумя рабочими — Эветтом и Леви Лазаром, со своим заключением. Комиссия доказывала в этом заключении, что продолжение прежней системы раздачи заказов через подрядчиков содействует «порабощению рабочих путем централизации труда в руках эксплуататоров, сохранению рабских условий буржуазного режима, ожесточенного врага... всякого освобождения рабочего класса». Коммуна обратила в декрет все требования Комиссии труда и обмена, касающиеся поставок. Комиссия получила право пересмотреть все уже заключенные контракты; при заключении новых контрактов предпочтение должно отдаваться рабочим корпорациям (хотя бы предприниматели и предлагали более выгодные с финансовой точки зрения условия); условия выполнения работы должны быть устанавливаемы совместно интендантством, соответствующим профессиональным союзом рабочих и делегацией Комиссии труда и обмена, с учетом заключения делегата и комиссии финансов; при заключении договора с подрядчиком должен быть оговорен минимум дневной или сдельной заработной платы рабочих.

Таким образом декрет 12 мая не уничтожал ни подрядной системы, ни вообще эксплуатации рабочего предпринимателем; но он клал этой эксплуатации известный предел, благоприятствовал возникновению производительных рабочих ассоциаций и существенно улучшал условия труда пролетариев, работающих по выполнению казенных заказов.

Попутно отметим активное участие, принятое рабочими и их профессиональными организациями в подготовке декрета. При обсуждении его в Коммуне Малон указывал, что секретари различных рабочих ассоциаций являлись к нему с требованиями о пересмотре контрактов, а Ж. Б. Клеман заявил, что если Коммуной по этому вопросу не будут приняты «серьезные меры», то «наверняка состоится внушительная манифестация рабочих». Нам еще придется убедиться в дальнейшем, что организованные рабочие не только проявили инициативу в издании декрета, но и весьма внимательно следили за его выполнением.

В исполнение требования рабочих о содействии развитию производительных ассоциаций в Коммуне поднимался также вопрос о создании мастерских с целью предоставления работы безработным, в частности женщинам работницам. Этот вопрос был решен положительно, так как делегат финансов 6 мая заявил о своем согласии отпустить необходимые средства (до 100 тыс. фр. в неделю). Одна женская пошивочная мастерская была устроена в здании Законодательного корпуса, где получили работу 1 500 женщин; другая известная нам такая же мастерская помещалась в церкви св. Петра на Монмартре (15).

Наконец, отметим еще один случай, когда Коммуна, действуя в тесном контакте с рабочими, стремится по-новому организовать их труд. 3 мая в Коммуну поступил от рабочих Луврских оружейных мастерских проект инструкции, предоставлявшей им широкое право контроля над управлением предприятием. Заведующий мастерской, мастера, приемщики, часть членов административного совета согласно этой инструкции избираются самими рабочими. Рабочие же избирают своих делегатов, которые имеют право контролировать все производственные операции, а также бухгалтерскую отчетность мастерских. Инструкция, предварительно согласованная с заведующим материальной частью артиллерии Авриалем, была немедленно утверждена Коммуной (16).

Конечно, все эти начинания, предпринимавшиеся часто по инициативе самих рабочих, являлись лишь первыми попытками преобразовать формы организации труда; но в них были уже ростки нового социалистического общества и, главное, они по-

КРОВАВАЯ НЕДЕЛЯ

Бессудный расстрел пленных коммунаров

казывают, в каком направлении должно было пойти дальнейшее развитие.

В то же время эти попытки, хронологически падающие на последний период деятельности Коммуны (последняя декада апреля — первые две декады мая) свидетельствуют о росте революционной власти в смысле усиления сознательно-классовых элементов в ее политике и развития форм ее сотрудничества со всей рабочей массой. Процесс изживания Коммуной ее мелкобуржуазных предрассудков, ее прудонистских иллюзий находится в несомненной связи с отходом от Коммуны республиканской буржуазии и мелких буржуа после поражения революционного движения в провинции и окончательно определившегося военного перевеса версальцев над силами Парижа. С другой стороны, этот процесс и его конкретное содержание станут нам более понятными на фоне роста политической сознательности и революционной активности передового парижского пролетариата. Этими двумя моментами, которые помогут нам понять развитие Коммуны на ее последнем этапе, и определяется порядок дальнейшего изложения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) «Procès-verbaux», p. 147, 435. Бланкистская газета «La Montagne» в № 1 от 5 апреля также требовала «издания нового декрета против собственников (т. е. домовладельцев), пользующихся благами в ущерб всем».
- (2) Maxime du Camp. Le Mont-de-Piété de Paris («Revue des deux Mondes», t. 103, p. 313). — Ср. Hans. Le second siège de Paris, p. 149.
- (3) «Père Duchêne» № 2.
- (4) Ibid, №№ 28 (p. 7), 31, (p. 4).
- (5) Eug. Pacini, La question des échéances des effets du commerce («Journal des économistes», t. XXI, p. 395).
- (6) Chérest. Le bilan de la Commune (recettes et dépenses).—Da Costa. La Commune vécue, t. III. ср. 7—12.
- (7) «Père Duchêne», № 12. Необходимо также подчеркнуть, что уничтожение «октруа», как первоочередная задача победившей революции, предусматривалось программами Бланки, Мильера и других коммунистов.
- (8) Beslay, La vérité sur la Commune, p. 87 sq. p. 111.
- (9) «La Commune» от 9 апреля.—Lanjolleу et Carrier. Histoire de la révolution du 18 mars, p. 246.
- (10) Подробнее см. О. Вайнштейн, Французский банк и Парижская Коммуна («Историк-марксист», № 1, 1936 г.).
- (11) «Procès-verbaux», I, p. 241.
- (12) Дюбрейль. Коммуна 1871 г. М. 1920, стр. 202.
- (13) «Procès-verbaux», p. 241.
- (14) В. И. Ленин. Марксизм о государстве. Л. 1931, стр. 64.
- (15) Debidoir. op. cit., p. 38, п. 3.
- (16) Подробнее см. Н. М. Лукин, ук. соч. стр. 268-270.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ПРОВИНЦИИ И ВОЕННЫЕ НЕУДАЧИ КОММУНЫ

К моменту избрания Коммуны и в течение нескольких ближайших дней революционное движение в ряде крупных провинциальных центров, как мы уже упоминали в своем месте, было подавлено. Однако к началу апреля победа реакции далеко еще не была решающей. В Лионе, Марселе, Лиможе революционная партия не считала своего дела окончательно проигранным, и во многих других частях Франции только начинали вспыхивать волнения. В Марселе первый буржуазно-демократический этап движения, выразившийся в создании департаментского революционного совета во главе с радикальным адвокатом Кремье и в издании нескольких враждебных Версалю прокламаций, закончился с прибытием туда трех делегатов Центрального комитета. Начальник гарнизона генерал Эспиван эвакуировал город; буржуазный муниципалитет, сначала примкнувший к движению, обнаружил трусливые колебания, когда оно приняло более революционный характер, и был разогнан; 3 апреля предполагалось произвести выборы в Коммуну. Но марсельские революционеры повторили все ошибки Центрального комитета. Они не заняли важнейших стратегических пунктов города, не преследовали Эспивана и дали ему возможность реорганизовать свои силы. 4 апреля войска вошли в город и после кровопролитной борьбы окончательно разгромили революционных рабочих. Точно также рабочие, а не радикальная буржуазия, потерпели 5 апреля поражение в Лиможе. Они начали было возводить баррикады, разружили воинскую часть, которая была направлена на помощь Версалю, но, покинутые в решительный момент буржуазными революционерами, отказались от борьбы с подавляющими силами реакции. 10 апреля произошли крупные беспорядки в нескольких городах департамента Ньевр, причем в одном из них — в Ко-

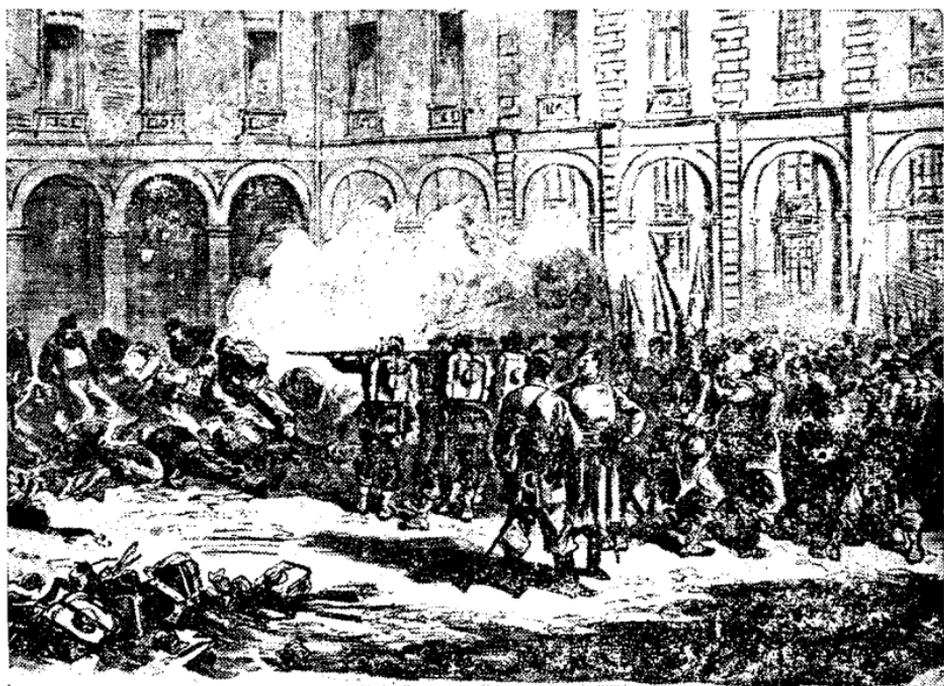
не — повстанцы избрали мэром рабочего. Только 18-го восстание было подавлено «многочисленными войсками». Еще более кратковременный успех имело восстание в Монтеро (деп. Сены и Марны), где повстанцы продержались всего один день. 11 и 13 апреля произошли демонстрации рабочих-железнодорожников в Периге, где властям пришлось прибегнуть к помощи войск, чтобы добиться выдачи блиндированных вагонов, предназначенных для действий против Парижа. 16 апреля попытка восстания и провозглашения Коммуны была сделана в Гренобле. Приблизительно в то же время в ряде небольших городов — Памье, Фуа, Вариль, Лавелане, Вьенна, Манс и др., — рабочее население устраивало враждебные Версалю демонстрации, избивало жандармов, пыталось задерживать войска, следовавшие в Версаль. В Бордо рабочие батальоны нац. гвардии, «изобиловавшие приверженцами социалистической революции», организовали центральный комитет по образцу парижского. 16, 17 и 18 апреля здесь произошли беспорядки, которые, по сообщениям местных властей, легко могли развернуться в опасное восстание. Поражение революции в других городах Юга позволило быстро справиться и с этим движением. Такие же беспорядки вспыхнули в нескольких пунктах департамента Сены и Марны — в Куломье, Супле, Немуре, Шато-Ландоне. В течение апреля под угрозой рабочих волнений находились и некоторые промышленные районы Севера. Передовые пролетарии Рубе и Анзена неоднократно устраивали стачки в знак солидарности с парижским пролетариатом. Многочисленные данные свидетельствуют о том, что железнодорожные рабочие и мелкие служащие оказывали деятельную помощь Коммуне в распространении ее прокламаций и укрывали ее агентов. Донесения властей из Тулона, Гавра, Безансона и других мест, где были сколько-нибудь значительные скопления рабочих, не оставляют сомнений в том, что повсюду имелась достаточно подготовленная почва для всеобщего восстания пролетариата. Сообщение из Безансона говорит не только о готовности рабочих к восстанию, но и знакомит нас с любопытной эволюцией провинциальной буржуазии по отношению к Коммуне, аналогичной той, которая была проделана парижской буржуазией. «Восстание 18 марта, — пишет председатель безансонской судебной палаты, — вызвало здесь симпатии не только среди рабочего класса, но и в среднем классе и среди торговцев... Однако настроение многих лиц... изменялось в пользу правительства по мере того, как восстание принимало свой настоящий характер; только низший класс, а именно рабочий класс, сохранил и еще сохраняет первоначально проявленные им чувства. Он громко высказывался за победу Коммуны, и, по словам нац. гвардейца,

осужденного за оскорбление жандармов и армии, 4-й батальон нац. гвардии, к которому он принадлежал, ждал только сигнала, чтобы выступить на помощь восстанию». Настроение рабочих было столь напряженным, что даже в конце апреля, когда реакция всюду торжествовала победу, они кое-где восставали без всякого сигнала и без всякой надежды на успех. 30-го в Лионе поднялись рабочие предместья Гилотьеры, другое предместье — Круа-Русс покрылось баррикадами, некоторые военные части отказались стрелять в народ. Но сильная артиллерия, находившаяся в руках властей, позволила им потопить восстание в крови. В тот же день рабочие небольшого промышленного центра, Тьера, завладели ратушей, телеграфом, зданием суб-префектуры, прогнали несколько жандармских бригад, но рассеялись при появлении кавалерийских частей. Любопытны заявления восставших: «Мы имеем Коммуну и мы ее сохраним... Мы желаем власти... Мы хотим поддержать наших парижских братьев». Но это были лишь последние судороги побежденного революционного движения в провинции.

Неправильно было бы думать, что крестьянство оставалось совершенно незатронутым движением. В департаментах Канталя, Пюи-де-Дома, Эра, Ньевра, Сены и Марны, Сены и Уазы беднейшие крестьяне были за Коммуну. «Коммуна и идеи, которые она представляет, — сообщал один из префектов, — нашла приверженцев не только среди городских рабочих, более склонных к разрушительным идеям, но даже и в сельских общинах». — «В стране чувствовались судороги лихорадки, центр которой был в Париже, — пишет префект Ардешского департамента: «Мало было таких сел, в которых не оказалось бы нескольких приверженцев Коммуны». В нескольких селах, например в Неви, Ньеврского департамента, приверженность крестьян к Коммуне выразилась даже в открытом восстании против властей, и притом под красным знаменем пролетарской революции (1).

Что касается радикальной и мелкой городской буржуазии, то после первых поражений в больших городах она отказалась от борьбы и заняла выжидательную позицию. Ее сочувствие Коммуне в течение апреля и мая выразилось лишь в отправлении многочисленных делегаций к Тьеру с предложениями посредничества в целях прекращения гражданской войны, в представлении адресов Версальскому собранию с аналогичными требованиями, в попытках организации сначала в Бордо, затем в Лионе съездов муниципальных делегатов, которые надеялись своими резолюциями принудить к уступчивости версальских реакционеров. Некоторые делегации по дороге в Версаль заезжали и в Париж, чтобы согласовать свои дей-

ствия с Республиканской лигой, но по возвращении домой ругали и Версаль, и Коммуну, чем буржуазные радикалы доказывали свое «беспристрастие». Коммуне нечего было рассчитывать на помощь провинциальной буржуазии, как и на помощь своей собственной. Тем более велика ошибка Коммуны, оставившей без руководства провинциальный пролетариат и не сделавшей ни одной серьезной попытки поднять беднейшее крестьянство. Об этом красноречиво свидетельствуют ее прокламации, в которых мы не находим ни отчетливо выраженного классового содержания, ни призыва к восстанию, а еще более — инструкции, которые давались ее весьма немногочисленным эмиссарам, направленным в апреле в провинцию (2). В этих инструкциях дословно сказано следующее: «1) Открыться и сообщить о характере своей миссии только надежным и могущим быть полезными политическим друзьям; 2) связаться с газетами; там, где их нет, заменять газеты письмами, циркулярами либо печатными выдержками, точно характеризующими основу и форму коммунального движения; 3) действовать через рабочих и вместе с ними, если у них имеется зародыш организации; 4) информировать торговцев, убеждать их при помощи солидных доводов продолжать свои дела с Парижем, стараться содействовать его снабжению; 5) связаться с буржуазией и умеренно-республиканскими элементами, чтобы побудить муниципальные советы посылать, на подобие Лилля, адреса или делегатов к гражданину Тьеру, которые принудили бы его положить конец гражданской войне; 6) препятствовать набору солдат для версальской армии, вызвать рассылку им писем, которые бы их убеждали не участвовать в войне с Парижем». — Отсюда ясно видно, что Коммуна все свои надежды возлагала только на о р г а н и з о в а н н ы х рабочих, но совершенно не предусматривала агитационной работы среди крестьянства. Известна только одна прокламация, составленная журналисткой Андре Лео, которая стремилась ознакомить крестьян с классовым характером совершившейся революции и которая в состоянии была вызвать сочувственный отклик в деревне. Мы здесь находим такие сильные строки: «Париж хочет, — запомни это хорошенько ты, сельский работник, бедный поденщик, мелкий собственник, которого гложет ростовщик, мызник, арендатор, фермер, вы все, кто сеет, жнет и трудится в поте лица своего для того, чтобы лучшая доля плодов вашего труда досталась какому-нибудь бездельнику, — Париж хочет земли для крестьян, орудий труда для рабочих, работы для всех». Но и эта замечательная прокламация, напечатанная и распространявшаяся всего в количестве 100 тыс. экземпляров, исходила официально не от Парижской Коммуны, а имела никого не обязывавшую подпись: «па-

КРОВАВАЯ НЕДЕЛЯ

Массовый расстрел коммунаров в казарме Лобо

рижские рабочие» (3). Таким образом, Коммуна не осмелилась даже обещать от своего имени крестьянам землю, в случае своей победы. Мало того, один из членов Коммуны, Ж. Б. Клеман, позволил себе поместить в газете ругательную статью против крестьян, где, смешивая в одну кучу кулаков и беднейшее крестьянство, он их всех обвинял в крайней реакционности. А между тем, в парижской прессе неоднократно появлялись статьи — Даже, Лео, Ришпена, — в которых подчеркивалась важность смычки революционного Парижа с крестьянством. Руководящая верхушка парижского пролетариата недостаточно понимала, повидимому, все значение этого вопроса, верная застарелым предрассудкам парижан насчет сплошной реакционности и политического невежества крестьянской массы.

Такая же ошибка была Коммуной допущена, хотя и в несколько меньшей степени, по отношению к армии. Несмотря на все усилия Версаля, в армии еще сохранялись значительные следы разложения. Во время подавления восстания в Лионе, Лиможе и других городах офицерам стоило иногда большого труда заставить солдат подчиняться своей команде. Были даже случаи, редкие, правда, когда та или иная часть совсем выходила из по-

виновения. В середине мая нашлись храбрецы — отряд из 35 унтеров и капралов, следовавших через Лилль в Версаль — которые кричали в пути: «Да здравствует Коммуна! приклады вверх!» (4). В самом Версале, несмотря на тщательную чистку войск от ненадежных элементов и прекрасную обработку солдат, не было в них полной уверенности до первой стычки с парижанами и до первых жертв. Во время сражения 2 апреля в Курбува «несколько артиллеристов» и один батальон солдат едва не разбежались; в Шатийоне при столкновении с федератами некоторые солдаты поднимали приклады вверх (5). Подготовленное к этому командование немедленно приняло решительные меры; недаром в авангарде версальских войск всегда шли жандармы и отряды полиции. Во всяком случае для агитации в армии имелись довольно благоприятные условия. Коммуна их совершенно не использовала. Рассылка писем, о которой мы читаем в инструкции для эмиссаров Коммуны, т. е. индивидуальная обработка солдата, являлась, конечно, слишком недостаточным и примитивным способом агитации. Если принять во внимание, что на агитационную работу в провинции Коммуна ассигновала буквально гроши (6), то будет понятной незначительность достигнутых здесь результатов.

В оправдание Коммуны следует заметить, что ни одно революционное правительство в прошлом не было так изолировано в столице, так тщательно отрезано от всякой регулярной связи с страной, как это произошло с нею. Во всяком случае, Коммуна не сумела овладеть движением в провинции и своими прокламациями, в которых она требовала от последней только «моральной» поддержки, сбивала с толку самых горячих своих приверженцев.

К концу апреля уже не могло быть сомнений, что революция в провинции закончилась и что отныне Париж не должен рассчитывать на помощь с этой стороны. Предоставленный своим собственным силам, он мог бы все же держаться неопределенно долгое время, если бы его военная организация находилась в сколько-нибудь удовлетворительном состоянии. Однако его слабость в этом отношении выяснилась уже после первого столкновения с версальскими войсками. 2 апреля рекогносцировочный отряд нац. гвардейцев наткнулся у Нейи, под Парижем, на крупные силы версальцев, выдвинутые вперед с целью атаки. Федераты отступили, понеся потери убитыми и пленными, которые немедленно, тут же на месте, были расстреляны жандармами. Известие об этом подняло на ноги весь Париж; в ночь на 3-е во всех рабочих кварталах били сбор, и до двухсот тысяч нац. гвардейцев с возгласами «в Версаль!» бросились к воротам, требуя массовой вылазки. Генералы Коммуны, Бержёре, Эд и Дюваль, увлекаемые

своими людьми, вопреки призывам Исполнительной комиссии к благоразумию, взяли на себя руководство операцией, не успев ничего подготовить, не приняв самых элементарных мер военной предосторожности, не предусмотрев даже возможности обстрела федератов из форта Мон-Валерьен. В результате все три колонны, на которые были разбиты нац. гвардейцы, потерпели поражение и потеряли много людей, в том числе выдающихся революционеров Дюваля и Флуранса, зверски убитых версальцами уже после захвата их в плен. После этой неудачи в открытом поле ген. Кюзере, назначенный 2 апреля военным делегатом Коммуны, решил отказаться от всяких вылазок и перейти исключительно к обороне Парижа на линии его внешних укреплений. Военный авантюрист, в прошлом — кадровый офицер французской армии, заслуживший орден Почетного Легиона расстрелами рабочих в июньские дни 1848 г., затем соратник Гарибальди в борьбе за освобождение Италии, наконец, генерал американской армии во время гражданской войны Севера с Югом, — Кюзере совершенно не подходил к роли главнокомандующего вооруженными силами революции, в способность которых выдержать борьбу с регулярными войсками он не верил с самого начала. Коммуна назначила его на этот ответственный пост, зная о его близости к Интернационалу, о его деятельном участии в революционном движении на Юге Франции в период франко-прусской войны, о его недюжинных военных способностях. Но нац. гвардия относилась к нему сдержанно, а в конце апреля, когда выяснились плачевные результаты его пассивно-оборонительной тактики, в рабочих кварталах начали о нем поговаривать, как о «втором Трошю». Неудачно задуманная им реорганизация нац. гвардии по типу регулярной армии только ослабила ее боевую силу; военная администрация, интендантство, артиллерия дошли при нем до состояния развала. При наличии в Париже огромных боевых средств (280 тыс. шаспо, 30 млн. патронов, 1 740 пушек и митральез, в том числе тяжелая морская артиллерия), гвардейцев посылали на передовые позиции плохо вооруженными, снабженными недостаточно артиллерией и боевыми припасами, а начальники фортов получали в приказах выговоры за чрезмерное расходование снарядов. Хаос во всех военных ведомствах усиливался еще соперничеством трех властей: военного делегата, военной комиссии Коммуны и Центрального комитета, а также ряда второстепенных комитетов — ЦК артиллерии, легионных совств, окружных военных бюро и т. п. В число сотрудников военного министерства и даже в средний командный состав затесались версальские агенты, шпионы или просто враждебные Коммуне люди, сознательно разваливавшие организацию нац.

гвардии. Правда, на высших командных постах стояли энергичные и талантливые военные специалисты: начальник главного штаба Россель, польские революционеры Домбровский, Вроблевский, Околович, б. офицер итальянской службы Ля-Сесилиа. Домбровский, командовавший на северо-западном фронте, имея в своем распоряжении 1 500 — 1 800 гвардейцев, сумел в течение нескольких недель сдерживать напор вдсятеро сильнеешего противника, иногда и сам переходя в наступление. Федераты, относившиеся к нему «с энтузиазмом» (под их влиянием ЦК требовал назначения его главнокомандующим), оказывали под его руководством чудеса храбрости (7). С неменьшим мужеством и героизмом сражались гвардейцы и на других участках фронта, под начальством Эда, Вроблевского и Ля-Сесилиа. Но все это не могло искупить общих недостатков военной организации и помешать резкому падению численности бойцов на фронте. Из 200 тыс. федератов фактически сражались только 25—30 тыс., притом почти всегда одних и тех же. Крупные потери в апрельских боях; отход от Коммуны значительных слоев мелкой буржуазии; исключительно тяжелые условия существования на передовых позициях (недоедание, недостаток обуви, одежды, амуниции, как результат бесхозяйственности интендантства и режима экономии Журда); шкурнические настроения части отсталых рабочих; беспорядок в военном управлении, — таковы важнейшие причины непрерывного сокращения действующей армии Коммуны, уклонения от службы в нац. гвардии, падения воинской дисциплины. Суровые декреты Коммуны против дезертиров и уклоняющихся от военной службы, учреждение дисциплинарных советов и военных судов не достигали цели. В результате, командование не имело возможности пополнять убыль на фронте, бросать своевременно подкрепления на наиболее угрожаемые участки и вообще поддерживать все время на одной и той же высоте обороноспособность Парижа. С конца апреля огромный перевес версальцев уже не представлял сомнений. Против нескольких тысяч истомленных непрерывной борьбой коммунаров стояла 130-тысячная армия, великолепно снабженная артиллерией, между прочим и дальнобойными морскими орудиями, подвезенными по распоряжению Тьера из Тулона. В противоположность Клузере, Тьер предписывал не щадить снарядов, и они падали без конца на форты Исси, Ванв, Монруж, превращая их в развалины, на самый Париж, внося смерть и разрушение. Впрочем, Тьер, в противоположность Коммуне, не щадил и денег: его солдаты ни в чем не терпели лишения, а его платные агенты наводняли Париж.

В этой неравной борьбе Коммуна, покинутая союзниками, отрезанная от всего мира, могла опираться только на пролетариат

и ремесленников-полупролетариев Парижа. «Только рабочие, — пишет Ленин, — остались до конца верны Коммуне. Буржуазные республиканцы и мелкие буржуа скоро отстали от нее: одних напугал революционно-социалистический, пролетарский характер движения; другие отстали от него, когда увидели, что оно обречено на неминуемое поражение. Только французские пролетарии без страха и усталости поддерживали свое правительство, только они сражались и умирали за него, т. е. за дело освобождения рабочего класса, за лучшее будущее для всех трудящихся» (8).

Армия Коммуны, уменьшаясь в числе, теперь приобретает все более пролетарский характер. В начале мая, когда были опубликованы сведения о составе нац. гвардии, выяснилось: что, из 3500 офицеров один только рабочий 18-й округ дал 1 000, а из 11 000 человек младшего командного состава — 3 000; что на 90 000 гвардейцев, числившихся в маршевых батальонах, тот же округ дал 20 325, а в резервные батальоны, предназначенные только для внутренней службы — ни одного человека; что другой рабочий округ, 11-й, насчитывал в маршевых батальонах 13 000. Парижский корреспондент буржуазной немецкой газеты «Allgemeine Zeitung», приводя эти данные, с торжеством замечает: «Инсurreкционное движение коренится в населении этих двух округов и так сказать опирается именно на эти округа. Всякий во Франции и за границей знает достаточно хорошо, что за категории людей проживают в этих округах: никого, кроме рабочих и поденщиков...» (9). И почтенный немецкий буржуа при этом в недоумении разводит руками: для чего, мол, понадобилось Коммуне публиковать столь компрометирующие ее данные!

Ему было невдомек, что, публикуя эти данные, Коммуна только лишней раз подчеркнула свою классовую сущность как органа революционной пролетарской диктатуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Вся данная здесь картина провинциального революционного движения в апреле основывается исключительно на донесениях префектов, жандармских начальников и председателей судебных палат, напечатанных в «Enquête parlementaire».

(2) Этот документ напечатан в реакционной книжке Sempronius. Histoire de la Commune. Paris 1871, p. 252.

(3) Вопросу об отношении Коммуны к крестьянству посвящена специальная брошюра А. Молок. «Парижская Коммуна и крестьянство», Л. 1925.

(4) О фактах неповиновения войск и братания с восставшими см. L. Andrieux. La Commune à Lyon en 1870 et 1871 P. 1906, p. 273, n. 1. и др.: «Enquête parlementaire». passim; Latouze, p. 93, n. 4.

(5) Yriarte. Les Prussiens à Paris, p. 314 sq.

(6) См. весьма важную дискуссию в Коммуне 22 апреля («Procès-verbaux» pp. 362-364), вызванную требованием Мио стимулировать революционное движение в провинции. Коммуна, ничего не решив, перешла к порядку дня.

(7) См. о нем специальную статью: Ч И. Я с и н с к и й. «Ярослав Домбровский» (Ком. Академия, Секция по изучению войны. «Записки», т. I. 1930).

(8) Собр. соч., т. XV, стр. 158.

(9) «Allgemeine Zeitung». № 137, от 17/V 1871. Корреспонденция помечена 8 мая.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПАРИЖСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ И ЕГО ОРГАНИЗАЦИИ В ПЕРИОД КОММУНЫ

1.— В программе французских авторитарных социалистов (главным образом бланкистов) уже имелось зародышевое понятие диктатуры как формы организации власти пролетариата в переходный период, следующий за победоносной революцией. Бланки, называвший буржуазное государство «жандармерией богатых против бедных», считал необходимым не уничтожение го-

RAOUL RIGALT

(VU PAR L'AUTEUR LE 24 MAI A S. BRUNO DE SOIN)
RUE CAY LUSIAC

ТРУП ПРОКУРОРА КОММУНЫ РАУЛЯ РИГО

Расстрелян и ограблен версальцами 24 мая

Рисунок с натуры Пилотеля

сударственной власти на другой день после победы пролетариата, а, наоборот, сохранение ее в качестве «жандармерии бедных против богатых», т. е. в качестве орудия подавления незначительного меньшинства эксплуататоров огромным большинством народа. Для этой цели он, как известно, рекомендовал такие мероприятия, как «разрыв с либеральной буржуазией и вооружение всего рабочего класса; отсрочку выборов и недопущение никакого народного Собрания; борьбу с церковью и религией; уничтожение буржуазной прессы; строгие меры в судебном и фискальном по-

рядке, осторожные—в экономике» (1). Представление о пролетарской диктатуре, правда, еще очень смутное и совершенно примитивное, не было чуждо и другим течениям французской социалистической мысли конца империи. Так, например, популярный в то время публицист Мильер, развивая в ряде газетных статей свои несколько туманные коммунистические идеи, также приходит к понятию диктатуры. Для осуществления коммунизма, писал он, необходима революция. «Революция—это и есть собственно говоря диктатура». Народ, то есть «активная, воинствующая и революционная часть населения», возьмет и удержит в своих руках власть, организует ее в виде «центральной комиссии», которая будет заседать в парижской Ратуше, и проведет с ее помощью ряд первоочередных экономических мероприятий: уничтожение подушной подати, октруа и налогов на потребление—для привлечения крестьянства, экспроприацию закрытых промышленных предприятий и организацию крупных общественных работ—для удовлетворения рабочего класса (2). Заметим, что для всех взглядов этого года характерно признание носителем революционной власти именно парижского пролетариата, как наиболее развитого, и отождествление пролетарской диктатуры с диктатурой революционного Парижа над всей Францией.

В такой теоретически незрелой и совершенно неразработанной форме идея диктатуры сделалась достоянием передовых рабочих, которые в период первой осады только дополнили ее идеей революционной Коммуны как высшего органа этой диктатуры.

Таким образом, даже передовые слои французского пролетариата были теоретически очень слабо подготовлены к тому, чтобы, свергнув господство буржуазии и взяв в свои руки власть, суметь удержать эту власть и избежать ряда непоправимых, роковых для революции ошибок. Но еще более неблагоприятным было положение пролетариата в смысле его организационной подготовки к диктатуре. Мы видели, как уже в период, предшествовавший революции 18 марта, бесчисленное количество мало или совсем между собою не связанных политических кружков и организаций раздробляло весь поток революционного движения на ряд мелких ручейков, ослабляло силы рабочего класса. Мы констатировали также, что исходившие по всей вероятности из бланкистских кругов попытки создать объединяющий и руководящий центр революционной борьбы путем реорганизации наблюдательных комитетов и ЦК 20 округов не дали сколько-нибудь ощутительных результатов. Не мог сделаться по многим причинам таким центром и ЦК национальной гвардии, который испытывал на себе влияние различных революционных групп и сам еще

нуждался в партийном руководстве. Особенно после захвата власти недостаток организованности пролетарской массы, при ее

ОДИН ИЗ ПАЛАЧЕЙ КОММУНЫ

Генерал маркиз Галифе «во всей своей славе»

Рис. Стейнлена

исключительно высокой политической активности, жестоко мстил за себя несогласованностью действий, взаимными, часто мелочными обидами и столкновениями отдельных организаций между собою или с Советом Коммуны. Можно только удивляться, как при столь неблагоприятных условиях (не говоря уже о таких внешних факторах, как версальская блокада, непрерывные военные действия под стенами Парижа и т. д.) парижский пролетариат успел развернуть такое богатство форм своего политического и профессионального движения.

Мы остановимся прежде всего на взаимоотношениях между Советом Коммуны и гвардейскими организациями, имевшими не только военное, но и политическое значение.

После избрания Коммуны Центральный комитет нац. гвардии, вопреки своим собственным торжественным декларациям, не распустил себя, а остался, как он объяснил в очередном воззвании, «на страже завоеваний революции», имея в виду сохранить в своих руках общее руководство военными силами Коммуны. Он

назначил выборы для пополнения своего состава и делегировал 31 марта в военное министерство Ключере с поручением провести реорганизацию национальной гвардии. Несмотря на уверения, что он не собирается вмешиваться в работу Коммуны и не претендует на политическую власть, «ибо идея разделения власти была бы чревата гражданской войной в наших стенах», Центральный комитет, опережая на полмесяца Коммуну, опубликовал 5 апреля свою программу, в которой он с предельной для того времени отчетливостью сформулировал классовое содержание революции 18 марта. «Рабочие, — читаем в этой знаменитой прокламации, — не заблуждайтесь: это идет великая борьба, идет схватка между паразитизмом и трудом, между эксплуатацией и производством». Однако заключительное обращение к «гражданам Парижа, торговцам, ремесленникам, лавочникам, мыслителям», ко всем, «кто работает и искренно ищет разрешения социальных проблем», с призывом «вместе идти к прогрессу», свидетельствует о незрелости социально-политической мысли авторов прокламации да и самого Комитета.

Читая протоколы первых заседаний Коммуны, мы убеждаемся в том, насколько ее нервировали некоторые действия Центрального комитета, нарушавшие ее компетенцию верховной власти. В ответ на назначение Ключере она предписала арестовать Асси—влиятельного члена ЦК и в то же время члена Коммуны, — сместив его перед тем с поста коменданта Ратуши; удалила из здания Ратуши вооруженную охрану Центрального комитета; запретила ему печатать свои прокламации на белой бумаге (3); отказала в назначении его членам содержания и в передаче в его ведение интендантской части национальной гвардии. Не довольствуясь этим, многие члены Коммуны неоднократно поднимали вопрос о роспуске Центрального комитета. Однако, невзирая не все свое недовольство его действиями, Коммуна на такой шаг не решалась. Дело в том, что Центральный комитет и после избрания Коммуны продолжал пользоваться значительным авторитетом не только в рядах национальной гвардии, но и вообще в рабочих кварталах Парижа, где в нем попрежнему видели верного защитника интересов пролетарской революции (4). Нужно сказать, что ЦК оправдывал такую репутацию в глазах массы тем радикализмом, с каким он подходил к обсуждению некоторых социально-экономических вопросов, случайно попадавших в поле его зрения. Так, например, 11 апреля на заседании ЦК Лакор выдвинул предложение, чтобы Коммуна провела национализацию (точнее муниципализацию) средств транспорта — омнибусов, сенских пароходов, — принадлежавших частным компаниям. 18 апреля там же обсуждали вопрос о репрессиях по

ПЛЕННЫЕ КОММУНАРЫ
Отправляемые по конвоем в Версаль

отношению к бежавшей буржуазии и лицам, уклоняющимся от службы в национальной гвардии. Одуано, поддерживая предложенный проект конфискации имущества эмигрантов, внес следующую поправку: «Я только требовал бы, чтобы принадлежащие эмигрантам имущества эксплуатировались коллективно». Будучи вообще горячим приверженцем решительных мер, ЦК уже в начале апреля ставит у себя на обсуждение проект введения для всех граждан личных удостоверений (*cartes d'identité*), которые позволили бы бороться с дезертирами и шпионами, наводнявшими Париж. Он очень рано приступает также к рассмотрению вопроса о сожжении так называемой Большой книги государственного долга как средстве нанести жестокий удар буржуазии. Он подчас резко критикует нерешительную и излишне мягкую, по его мнению, политику Коммуны, порицает ее за недостаточное внимание, которое она уделяла вопросам обороны Парижа. Он считает необходимым «подновить ее революционные принципы», «организовать серьезную революцию» с применением террора против контрреволюционеров.

Проявляемая Центральным комитетом активность в вопросах, подлежащих ведению Коммуны, приводила к постоянным недоразумениям, создавала нежелательные трения, достигшие в середине апреля такой остроты, что Центральный комитет предпола-

гал даже апеллировать к общеделегатскому собранию национальной гвардии. Его удержало от этого намерения только то соображение, что тогда его отношения с Советом Коммуны могли бы принять самые нежелательные формы в то время как перед лицом Версаля нужно соблюдать единство какой угодно ценою.

Не менее острые формы принимали отношения между Коммуной и некоторыми окружными организациями нац. гвардии—легионными советами. Последние также стремились, каждый в своем округе, контролировать отдельные стороны работы Коммуны и особенно ее окружных делегаций. Действуя по собственной инициативе, нередко даже вопреки прямым распоряжениям властей, легионные советы проявляли большую активность в борьбе с саботажем, вредительством, контрреволюцией. Конечно, им приходилось при этом на каждом шагу нарушать демократические принципы, провозглашенные и вначале энергично защищавшиеся Коммуной: свободу движения, свободу личности, печати, неприкосновенность частной корреспонденции и т. п. Легионные советы задерживали деньги и продукты, которые вывозились или предназначались к вывозу в Версаль; стремились затруднить буржуазную эмиграцию, установив кое-где проверку и визирование паспортов, выданных органами Коммуны; боролись с реакционными газетами, предписывая нац. гвардейцам отбирать их у разносчиков, а иногда и уничтожать их тут же на улице. Наиболее активные советы, например, в 12-м округе, организовали тщательный надзор над действиями железнодорожных компаний, производили систематические обыски в поездах — к ужасу прудонистов, опасавшихся, что подобные нарушения свободы заставят провинциальную буржуазию прекратить всякую связь с Парижем. «Наши люди чрезвычайно бдительны, — объяснял Лонкла образ действия легионных советов, — и они правы, ибо каждодневно именем самой Коммуны совершаются злоупотребления». Однако Коммуна, возмущенная их постоянным вмешательством в компетенцию окружных муниципалитетов и свою собственную, проявила к ним самое враждебное отношение. Некоторые ее члены (Верморель и др.) доходили даже до утверждения, что легионные советы «вредят Коммуне больше, чем версальское правительство». 6 апреля Коммуна предписала особым декретом навсегда распустить легионные советы, несомненно рассчитывая тем самым нанести удар и по Центральному комитету, который на них опирался. Однако нац. гвардия не подчинилась этому декрету, и легионные советы продолжали функционировать попрежнему, так что Коммуна в конце концов принуждена была примириться с их осуществлением (5).

Конечно, для тех упреков в дезорганизаторской работе, которые неоднократно делались в Коммуне по адресу легионных советов, имелось достаточно оснований. Единство руководства, столь необходимое в период отчаянной борьбы с прекрасно организованными силами реакции, этим слишком часто нарушалось. Но не следует забывать, что активность легионных советов и «излишне усердие» (*excès de zèle*), в котором некоторые члены Коммуны склонны были слишком часто обвинять национальных гвардейцев, были наилучшим свидетельством их глубокой преданности делу революции. Здесь, как и в ряде других случаев, сказалась основная беда парижского пролетариата: отсутствие у него единой дисциплинированной партии, которая одна только сумела бы должным образом организовать и поставить на службу революции огромную энергию и революционный энтузиазм, таившиеся в самых глубинах парижской народной массы.

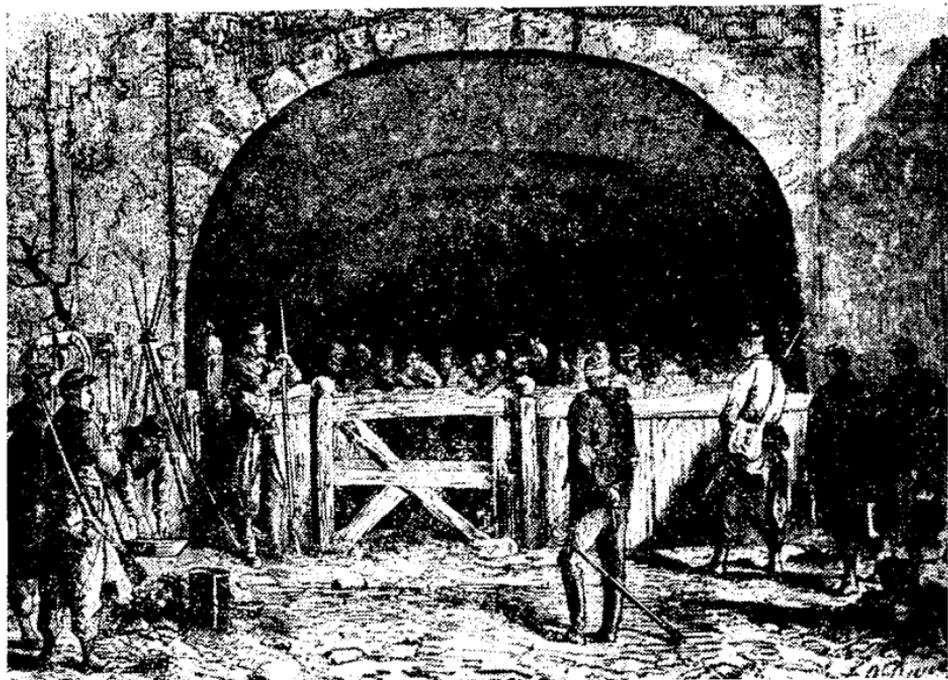
Помимо легионных советов, политическая активность массы проявлялась также через наблюдательные и революционные комитеты, число которых, все время возрастая после 18 марта, достигло 60-ти (6). К сожалению, об их деятельности сохранилось очень мало сведений. Известно только, что они приняли самое деятельное участие в дополнительных выборах в Коммуну, выдвигая и проводя своих кандидатов; что на своих заседаниях, происходивших ежедневно, они обсуждали как дела, касавшиеся их округа, так и общие политические вопросы; что они, подобно легионным советам, неоднократно вмешивались в деятельность окружных муниципалитетов и арестовывали подозрительных лиц; что некоторые из них имели свой печатный орган (7). Коммуна нередко испытывала на себе скрытое от нас давление этих низовых органов политической самостоятельности массы. Достаточно указать, что такой важный вопрос, как организация Комитета общественного спасения, был выдвинут впервые не членами Коммуны, а наблюдательными комитетами. Мы приведем для образца резолюций по этому вопросу ту, которая была принята 24 апреля в округе Монмартра:

«По инициативе наблюдательного комитета 18 округа дистрикт Марсельезы, первый в этом округе, принимая во внимание, что положение Парижа все ухудшается и что чем ближе становится угроза, тем больше энергии должно быть проявлено, —

требует от Коммуны немедленной организации из своей среды комитета общественного спасения и предоставления ему всех полномочий, чтобы декретиро-

вать победу, и необходимых сил, чтобы обеспечить выполнение его декретов» (8).

Стремление пролетарских и полупролетарских масс парижского населения к непосредственному участию в политической жизни, к тесному сотрудничеству с органами революционной власти особенно ярко обнаруживается в деятельности многочисленных народных клубов. После революции 18 марта возрождаются ранее закрытые клубы и возникает множество новых, главным образом в церквях. Здесь господствовали, как правило, якобинские и бланкистские идеи, но с сильным коммунистическим оттенком. «Здесь проповедывали с кафедр, — пишет Малон, — святое восстание бедняков, эксплуатируемых, угнетенных против эксплуататоров и тиранов». Осторожная тактика Коммуны по отношению к республиканской буржуазии, ее нерешительность, недостаток энергии, страх перед крутыми мерами подвергались в клубах решительному осуждению. Важно отметить, что многие члены Коммуны посещали клубы, где они могли лучше всего знакомиться с настроениями массы, а затем переносили на свои заседания отголоски той резкой критики, которой клубные ораторы подвергали общую линию Коммуны и ее отдельные декреты. «Повсюду говорят, что Коммуна нереволюционна», — заявил 22 апреля Бланше. — «Наши избиратели говорят, что мы ничего не делаем», — поддерживает его Анри. — «Нет, граждане, — говорил на следующем заседании Мейе, — народ недоволен, видя, что все наши дебаты безрезультатны; мы напускаем тумана декретами, но ничего не делаем». — «Коммуну вообще обвиняют в мягкотелости, в бездеятельности», — указывал в своей речи Жюль Мио. — «Уже две недели, — отмечает Варлен, — в секретариате лежит проект о конфискации имущества уклоняющихся от службы; из-за множества дискуссий мы до сих пор не могли за него взяться». Вся эта самокритика является несомненным результатом критики в клубах. То обстоятельство, что Коммуна так живо реагировала на настроения масс, доказывает, в какой мере тесной и органической была ее связь с этими массами. Имеются данные, указывающие на то, что многие из ее членов не только усердно посещали клубы, но иногда и председательствовали в их собраниях, выступали с речами и предлагали резолюции, стремясь заручиться поддержкой массы для проведения тех или иных решительных мероприятий. Копируя во многом опыт Великой революции, «большинство» Коммуны пришло даже к мысли об организации центрального клуба, наподобие якобинского, который был бы составлен из делегатов всех клубов. «Этот центральный клуб, — сообщала 17 мая газета

РАСПРАВА С ПОБЕЖДЕННЫМИ

Место заключения в Версале, откуда пленных выводили массами на расстрел

«Le Vengeur», — будет находиться в постоянном общении с большинством Коммуны, которая будет у него черпать общественное мнение» (9). Клубы того времени были действительно огромными кузницами пролетарского общественного мнения, собирая на свои заседания по несколько тысяч человек и обсуждая все животрепещущие вопросы дня. На этих заседаниях или, точнее, массовых митингах принимались резолюции с такого рода требованиями: радикальная переработка декретов о ломбарде и квартирной плате в интересах защитников Коммуны; улучшение питания бойцов на фронте; предоставление работы исключительно производительным ассоциациям рабочих; закрытие всех реакционных газет; решительная борьба с контрреволюцией мерами суровых репрессий, даже путем систематического применения террора; уничтожение домов терпимости; борьба с религией, прекращение службы в церквях, изгнание из Парижа всех попов и монахов.

Очень видное место в политической деятельности клубов принадлежало женщинам-работницам и революционным интеллигенткам, которые, не довольствуясь участием в общих клубах, организовали ряд специально женских клубов, где наряду

с политикой уделялось много внимания вопросам семейного быта, женского воспитания и вообще эмансипации женщины. Некоторые из принимавшихся здесь решений оставили след и в законодательстве Коммуны. Уравнение в правах законных и незаконных жен, облегчение развода для женщины, уравнение заработной платы учителей и учительниц, энергичная борьба с проституцией, внесение в Коммуну проекта очень передового закона о гражданском браке — все это было в известной степени результатом влияния женских клубов.

Следует попутно отметить выдающуюся роль, которую женщины вообще играли в революции 1871 г. Придавленные в эпоху империи гнетом еще более жестокой эксплуатации, нежели рабочие-мужчины, женщины работницы проявили исключительную активность в свержении реакционного правительства и в защите Коммуны, с победой которой они справедливо связывали все свои надежды на материальное и духовное раскрепощение. В середине апреля группа работниц, среди которых была и русская революционерка — Елизавета Дмитриева — учредила «Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым», состоявший из Центрального комитета и целой сети окружных комитетов. Союзу удалось всколыхнуть всю женскую пролетарскую массу путем проведения широкой пропаганды в прессе и публичных собраниях, наладить существенную помощь бойцам в укреплениях и на передовых позициях в виде женских санитарных и перевязочных отрядов, содействовать развитию женского профессионального движения. Учитывая эту роль Союза, Комиссия труда и обмена поручила ему всю работу по организации женского труда и женских синдикатов (10). Возросшая политическая сознательность парижской работницы проявилась также в формировании добровольных женских батальонов, в героической борьбе многих женщин на фронте, а в кровавую майскую неделю — на баррикадах Парижа.

В ряду организаций, служивших проводниками чисто пролетарского, социалистического влияния в Совете Коммуны и ее отдельных органах, одно из самых заметных мест принадлежало секциям Интернационала, их Федеральной палате и рабочим профессиональным союзам. Многие секции в апреле—мае сильно увеличили количество своих членов, втягивая иногда в свой состав целые объединения, например Гарибальдийский легион и «Социалистический клуб» 13-го округа, вошедшие полностью в секцию Пантеона (11). Секция вокзала Иври и Берси вела усиленную агитацию среди рабочих железнодорожников, призывая их «объединиться под знаменем Интернационала» для окончательного завоевания нашего законного права, которое

у нас доселе оспаривали капиталисты и монополисты — права жить работая» (12). Некоторые секции для увеличения своего удельного веса, своего влияния объединялись по двое, например секции Пантеона и 13-го округа, секции Батиньоля и Терна. О том, как они стремились воздействовать на Коммуну, подталкивать ее на социалистические мероприятия, свидетельствуют резолюции, которые посылались ими в Коммуну. Одна из них, принятая секцией Каррьер в начале мая, приветствовала «решительное вступление Парижской Коммуны на путь политических и социальных реформ, обозначенных в декларации принципов, которой начинается устав Интернационала» (13). Другая, опубликованная 23 мая секциями Батиньоля и Терн, подвергла резкой критике Комиссию труда и обмена, которая «оставляет труд в руках эксплуататоров и капиталистов», и требовала «в кратчайший срок организовать справедливое распределение работ между комитетами различных округов» (имеется в виду работа по изготовлению обмундирования для нац. гвардии) (14). Наибольшие возможности для проведения своего влияния на Коммуну имела, естественно, Федеральная палата секций, представленная в ней такими выдающимися своими членами, как Варлен, Френкель, Малон, Авриаль. Френкель прямо заявил однажды в Коммуне: «Я нахожусь здесь исключительно для того, чтобы защищать интересы пролетариата». И в другой раз: «Если Коммуна ничего не сделает для рабочих, то я не вижу оснований для ее существования». Однако позиция Федеральной палаты в общем была необычайно умеренной и осторожной, и ее требования, в отличие от низовых ячеек, от всей рабочей массы, в большинстве случаев не шли дальше подготовки и изучения проектов всяких социальных реформ, для чего ею была еще 29 марта образована особая комиссия из 7 лиц при Комиссии труда и обмена. Федеральная палата, повидимому, внимательно следила за деятельностью своих членов в совете Коммуны, и 20 мая, в связи с расколом и выходом из Коммуны «меньшинства», она вызвала их для дачи объяснений. Хотя линия их поведения и была одобрена, им тем не менее было предложено вернуться в Коммуну, «чтобы во имя интересов рабочего дела сохранить единство Коммуны, столь необходимое в борьбе с версальским правительством».

Что касается профессиональных союзов, то их влияние может быть прослежено только в сфере чисто рабочей политики Коммуны. Мы уже видели, как это влияние осуществлялось на практике. Здесь же ограничимся указанием, что параллельно с подъемом политической активности рабочего класса довольно интенсивно развивалось и профессиональное движение, в кото-

рое оказались втянутыми даже отсталые слои рабочих, например рабочие свечных заводов, рабочие мясники, или же такая консервативная категория работников, как смотрители домов (13). Эта тенденция к развитию профессиональных союзов тем более замечательна, что она обнаруживалась на фоне сильнейшей безработицы. Уже накануне 18 марта из 600 000 рабочих Парижа только 114 000, в том числе 62 575 женщин имели постоянную работу и могли жить на заработную плату (14). Но после революции и особенно после начала военных действий версальцев резко ухудшилось положение и этой группы рабочих ввиду саботажа большинства предпринимателей или бегства их из Парижа. В середине апреля один буржуазный современник записывает в свой дневник следующее: «Мы сделали сегодня прогулку по Парижу и вынесли из нее чрезвычайно тяжелое впечатление: большинство фабрик и заводов закрыто, и роскошные магазины в центре уже не выставляют напоказ прохожим чудес парижской промышленности» (15). 26 апреля рабочий Дюран говорил в Коммуне о «редких рабочих, которые работают». Так вот, движение обнаруживается не только среди этих «редких рабочих», но и среди всей массы безработных. Одни синдикаты — например рабочих-швейников, металлистов — создают производительные ассоциации, чтобы облегчить своим членам получение работы; другие реорганизуются, чтобы усилить свои позиции и быть готовыми к борьбе с предпринимателями, когда те вернутся и попытаются возродить прежнюю систему эксплуатации, например ювелиры, каменщики, плотники. 23 апреля рабочие-обойщики устраивают собрание для «обсуждения общих профессиональных интересов»; на 30-е созывается собрание слесарей «без различия групп или обществ для избрания делегатов в рабочую федерацию и присоединения к кооперативному обществу»; многочисленные объявления в газетах в апреле и мае извещают о таких же собраниях рабочих чернотесов, пекарей, котельщиков, гвоздарей, крючников, седельщиков и т. п. Наиболее передовыми оказываются, естественно, рабочие-механики и металлисты. Их синдикаты организуют 23-го общее собрание, на котором ставятся следующие вопросы: 1) социальная эмансипация, 2) проект эмансипации, 3) защита республики и Коммуны (16). «Особенно большое оживление среди синдикатов вызвал декрет 16 апреля о брошенных хозяевами мастерских. В связи с этим они приходят в более тесное соприкосновение с Комиссией труда и обмена, а также и с самой Коммуной, к которой они в начале мая обращаются с просьбами о предоставлении работы и с требованием «содействовать развитию старых и созданию новых ассоциаций» (17).

РАСПРАВА С ПОБЕЖДЕННЫМИ

Допрос пленных коммунаров в Версале

Таковы те разнообразные и многочисленные пути, которыми шло влияние парижских трудящихся масс на Коммуну, их постоянное и живое взаимодействие с Коммуной. Центральный комитет, легионные советы, наблюдательные комитеты, клубы, синдикаты, организации Интернационала — все они в той или иной степени и каждый по-своему сотрудничали с Коммуной в проведении революционных и социалистических мероприятий, нередко выступая сами инициаторами этих мероприятий, помогая Коммуне — критикой отдельных ее промахов и ошибок — находить более правильные решения для ряда вопросов. Дело здесь не обходилось временами без излишних трений и конфликтов (особенно с окружными органами управления), которых в интересах революции можно и должно было избегать. Отчасти виною этому было то, что Коммуна, как констатировал 13 мая Маркс в письме к Френкелю и Варлену, «тратила слишком много времени на мелочи и личные счета»; что в ней, «наряду с влиянием рабочих, имелись и другие влияния», нередко приводившие к рецидиву мелкобуржуазного демократизма в ее политике. Отчасти вина за это ложится и на некоторые революционные организации, особенно на легионные советы, которые не

езде были удовлетворительно составлены в социальном и политическом отношениях и, под влиянием безответственных анархических элементов, иногда склонны были забывать о необходимости дисциплины и важности поддержания на должной высоте авторитета Коммуны. Но в общем, для роста всего движения в целом, для устранения в нем элементов стихийной революционности и все большего усиления революционности вполне сознательной, прослеженная нами живая связь между Коммуной и центрами политической активности рабочего класса имела очень большое значение. В этом можно убедиться прежде всего при изучении эволюции социально-экономических взглядов Коммуны и соответствующих изменений в ее политике.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Доманже, Огюст Бланки, стр. 67.
- (2) В. G. Weill. Histoire du mouvement social (éd. 1924), p. 133.
- (3) Во Франции на белой бумаге печатаются только правительственные афиши.
- (4) О. Вайнштейн. Этюды й розвідки, стр. 136—140
- (5) Показание Бийоре перед версальским военным судом. См. Morias. Les conseils de guerre de Versailles, I série. 1871, p. 62.
- (6) «Le Mot d'Ordre», №№ 57, 58; «Cri du peuple» № 67, № 62, № 53.
- (7) «La Commune», № 37 (26/IV).
- (8) Цит. по А. Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны, стр. 78.
- (9) Ibid. стр. 110.
- (10) «Cri du peuple», № 33.
- (11) «Cri du peuple», № 80.
- (12) «Cri du peuple», № 72.
- (13) Ibid, № 83.
- (14) Лукин, о. с., стр. 252 сл.—«Cri du peuple», № 76.
- (15) Audiganne. Mémoires d'un ouvrier de Paris, P. 1873, p. 137 sq.
- (16) Ermette Pierotti. Décrets et rapports, p. 355.
- (17) «La Commune», № № 26, 33; «Cri du peuple», № № 53, 60.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММУНЫ. КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

1. — Мы остановимся прежде всего на тех изменениях, которые потерпела политика Коммуны по отношению к собственности капиталистической буржуазии. Коммуна в первый период своей деятельности, как уже было указано, стремилась из тактических соображений избежать каких-либо упреков в том, что она покушается на эту святыню буржуазного общества. Даже ее декрет 16 апреля о брошенных мастерских непосредственно не имел в виду нарушить собственные интересы буржуазии. Но совершенно иначе отнеслась к декрету рабочая масса. «Отец Дюшен», который 28 марта писал, что он «совсем не разделящик (partageux) и не гневается на добрых собственников, лишь бы только они поняли положение бедных пролетариев» (1), приспособляясь к настроениям своей рабочей аудитории, резко меняет тон и комментирует декрет в революционно-коммунистическом духе. «Эта сволочь (в оригинале сильнее), — пишет он 18 апреля о бежавшей буржуазии, — насобирала большие богатства. А ведь известно, что они заработали их не трудом, а эксплуатируя народ, уплачивая патриотам недостаточную заработную плату; потому-то и приходилось рабочим устраивать все время коалиции и стачки, чтобы вырвать у них немного больше... Итак, необходима еще одна хорошая революция, чтобы передать землю тем, кто ее обрабатывает, а все орудия труда — тем, кто умеет ими пользоваться... Нельзя позволить, чтобы бездельники имели все, а патриоты умирали с голоду. Так вот, члены Коммуны, необходимо, чтобы все это изменилось; и для того, чтобы это изменилось, отец Дюшен предлагает вам конфисковать имущество всех мерзавцев,

покинувших город во время войны... А имущества их должны быть объявлены собственностью Коммуны». И далее, переходя к разъяснению своим читателям сущности декрета о мастерских эмигрантов, бланкистский орган пишет: «Кто же эти эмигранты? Это все собственники. У них заводы, фабрики, машины, они применяют наемную рабочую силу. Теперь все это стоит без движения... Рабочий идет на фронт; повоював под Нейи или в другом месте, он возвращается, переночует дома, а с утра на работу — заработать себе пропитание. Но он приходит — и нет ничего: патрон исчез. Нет патрона — нет и работы. Но Коммуна бодрствует, и сегодня утром она приняла маленькую, чертовски хорошую меру для защиты рабочих». И, обращаясь к капиталистам: «Ваши рабочие войдут в мастерские, возьмут орудия, получают заказы, выполняют их... Что вы сможете возразить? У вас ничего не отбирают, хотя вы этого и заслуживаете, и удовлетворяются лишь тем, что вас экспроприируют для общественного блага. Да здравствует славная Парижская Коммуна, издавшая такой чертовски патриотический декрет всецело в интересах народа!» (2).

Легко заметить, что такое толкование декрета было значительно шире того содержания, которое в него вложили его авторы, умеренные прудонисты Комиссии труда и обмена. И тем не менее, именно толкование «отца Дюшена» являлось единственно аутентичным, ибо это было толкование парижского пролетариата. Действительно, немедленно по появлении декрета, среди передовых рабочих начинается движение с целью его организованного использования. Первым откликнулся на декрет синдикат рабочих-швейников. 20 апреля он через газету «*Cri du peuple*» обратился с «братским призывом ко всем синдикальным палатам рабочих и ко всем рабочим обществам» избрать делегатов для проведения обследования мастерских, с целью «организовать труд в соответствии с указанным декретом». — «Никогда еще правительство не давало для этого рабочему классу более благоприятных возможностей, — заканчивают швейники свое воззвание, — и не воспользоваться этим означало бы предать дело освобождения труда» (3). 22 апреля с таким же призывом выступает синдикальная палата рабочих-механиков и ассоциация рабочих-металлистов. На своем общем собрании эти две организации избрали двух делегатов, которые получили мандат — «уничтожить эксплуатацию человека человеком и организовать труд путем создания солидарных ассоциаций с коллективным и неотчуждаемым капиталом» (4). Не удовлетворяясь этим, механики и металлисты 28 апреля публикуют воззвание к рабочим обществам, где указывают, что

КРОВАВАЯ НЕДЕЛЯ
Отправление пленных в Версаль

декрет Коммуны имеет в виду «немедленную эксплуатацию брошенных мастерских» и приглашают эти общества возможно скорее прислать своих делегатов в анкетную комиссию. Далее движение все расширяется, втягивая рабочих различных профессий: деревообделочников, слесарей, ювелиров. Организация последних обращается 3 мая ко всем рабочим этой профессии с предложением «использовать в интересах упомянутой корпорации декрет Коммуны от 17 (?) апреля». На своем общем собрании, состоявшемся в конце апреля, ювелиры избрали две комиссии: одну пропагандистскую, другую — под названием «комиссия организации труда», которая должна «вступить в непосредственную связь с членами Коммуны, чтобы ускорить реализацию этого декрета» (5).

Однако предусмотренная декретом громоздкая система обследования предприятий и составления всяких проектов сама по себе не могла, конечно, дать за короткое время каких-либо результатов. Анкетная комиссия собралась только два раза, причем последнее заседание состоялось за 3 дня до вступления версальцев в Париж. Мы ничего не знаем о ее работе помимо того, что она выделила исполнительную комиссию в составе семи рабочих. «Экспроприация экспроприаторов», к которой стремились рабочие, пошла таким образом не линией Анкетной комиссии, а так сказать захватным порядком. О конфискациях собственности бежавшей буржуазии мы имеем, правда, весьма отрыв-

вочные сведения, но это не лишает их ценности, ибо Коммуна, естественно, не была заинтересована в разглашении подобных актов, которые она с конца апреля начинает совершать или санкционировать под влиянием революционного пролетариата. Уже 24 апреля в одной статье газеты «Коммуна» глухо упоминалось, кто «Коммуна... налагает запрет и секвестр на бездействующие мастерские». Из донесения американского посла в Париже, Уошборна, мы случайно узнаем о конфискации имущества одного из богатейших промышленников Франции, Мартена дю-Нор, бежавшего в Версаль (6). Тот же Уошборн сообщает в письме от 16 мая более любопытный факт, потребовавший его дипломатического вмешательства. Он получил извещение, что нац. гвардия захватила промышленное предприятие одного немецкого подданного, бежавшего по примеру своих французских собратьев из Парижа. Ввиду того, что на американского посла была во время войны возложена защита немецких интересов во Франции, он «немедленно посетил одного члена Коммуны, чтобы заявить протест против насилия, ибо собственник предприятия — иностранец, и собственность его должна быть уважаема. На это он получил ответ, что собственность человека, покинувшего Париж, не уважается, но подлежит конфискации». А между тем, 26 апреля, в ответ на такой же протест иностранных представителей, было опубликовано в «Официальной газете» предупреждение, что собственность иностранно-подданных «не может и не должна быть предметом реквизиции» (7). Этими двумя ответами можно приблизительно измерить тот путь, который прошла политика Коммуны по отношению к частной собственности. При этом само собою разумеется, что мера, распространявшаяся даже на иностранцев, с еще большей силой должна была ударить по французской буржуазии.

К этому же разряду фактов относится конфискация имущества Тьера и срытие его особняка, произведенное на основании постановления Комитета общественного спасения от 10 мая.

Одновременно Коммуна обнаруживает намерение серьезно взяться за конфискацию церковных имуществ. Ее декрет от 2 апреля, предусматривавший национализацию собственности религиозных корпораций, оставался только на бумаге. Теперь же Коммуна своим распоряжением 7 мая поручает директору коммунальных имуществ Фонтену приступить к соответствующим операциям. Эта мера распространялась, повидимому, не только на имущества католической церкви. 18 мая член Коммуны Ж. Б. Клеман посылает приказ «воспретить во имя новой революции молитвы, службы, воскресные обеды и проповеди» в протестантской церкви на улице Бюрк, а также наложить сек-

БЕРНЕР.

Соборный канонерка
Жуны

ГОРТЕНЗИЯ ДАВИД

Паводчик на канонерке
Коммуны.

ХРИСТИНА ДАРЖАН.

Канонерка Коммуны.

КЛАРА ФУРНЬЕ.

Наводчик на канонерке
Коммуны.

СТЕНА ФЕДЕРАТОВ.

Композиция Стейглера. Надпись художника на картине: «Нужны целые полки, чтобы охранять этих мертвецов».

вестр на имущества церкви и произвести их инвентаризацию (8). Любопытно, что Версальское собрание немедленно реагировало на перемену в политике Коммуны по отношению к собственности. 12 мая оно приняло закон, «имевший целью затруднить разграбление частной и общественной собственности, происходящее в Париже». Закон провозглашал все имущества, захваченные или проданные «мятежным правительством», неотчуждаемыми и предоставлял их собственникам право иска в течение 30 лет против всякого держателя этих имуществ.

Наконец, отметим, что и в области финансовой политики, особенно в отношении Коммуны к Французскому банку, также начинают пробивать себе дорогу совершенно новые тенденции. Если не все якобинско-бланкистское большинство, то по крайней мере влиятельная часть его начинает понемногу склоняться к мысли о необходимости захвата Банка. 11 мая делегат внешних сношений П. Груссе писал военной делегации, что Французский банк, «внутренняя первоклассная стратегическая позиция», является «настоящей штаб-квартирой внутренней реакции и центром объединения бесчисленных версальских агентов, которыми кишит Париж». Повидимому, в этот же день на тайном совещании нескольких бланкистов, членов Коммуны, было решено внезапно занять банк вооруженными силами, чтобы поставить прудонистское меньшинство перед совершившимся фактом. Однако эта попытка, которую начали уже было приводить в исполнение, не удалась. Беле, своевременно предупрежденный, использовал нерешительную, двойственную позицию Коммуны в этом вопросе и добился ее распоряжения об уходе присланных к банку батальонов.

Зато по отношению к бежавшей буржуазии Коммуна проявила намерение стать на путь серьезных репрессий. 17 мая она поддержала предложение одного из своих членов о наложении военной контрибуции на «лавочников», покинувших Париж. Правда, она несколькими днями позже вынесла порицание Центральному комитету, опубликовавшему 20-го в «Официальной газете» приказ о возвращении в Париж в течение 48 часов всей бежавшей буржуазии под угрозой сожжения Большой книги государственного долга. Но те резкие нападки, которым подвергся приказ со стороны многих членов Коммуны, были вызваны уже не принципиальными соображениями о неприкосновенности частной собственности, а убеждением в нецелесообразности этой меры, а также раздражением против ЦК за его вмешательство в компетенцию Коммуны.

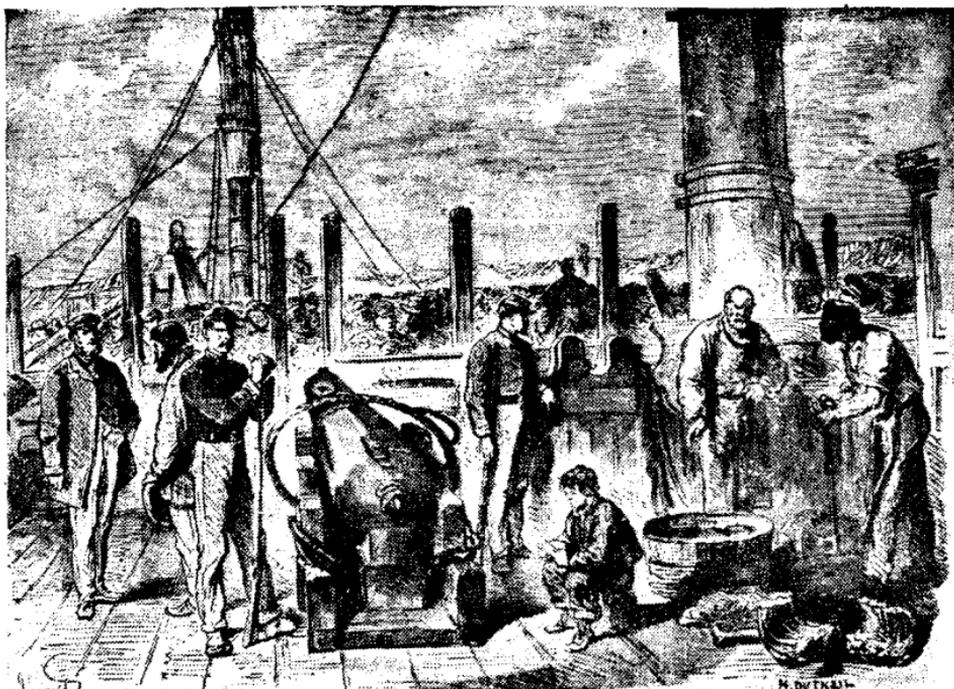
Последний этап революции характеризуется также более сильным нажимом на оставшихся в Париже частных предприни-

мателей по линии их взаимоотношений с занятыми у них рабочими. Ярким примером такого усиления нажима являются принятые Коммуной меры воздействия на тех хозяев пекарен, которые упорно продолжали саботировать ее декрет о прекращении ночной выпечки хлеба. 3 мая, когда декрет должен был войти в силу, ночная работа все же продолжала производиться. Однако благодаря бдительности органов Коммуны, активности и настойчивости самих рабочих, попытки нарушения декрета были пресечены в самом начале. Несмотря на то, что в постановлении Исполнительной комиссии от 28 апреля не были предусмотрены никакие кары против ослушников, специально выделенные отряды национальной гвардии произвели в ночь на 4-е обход пекарен, конфискуя дневную выручку всюду, где они заставляли работу в разгаре. На следующее утро Коммуна легализировала примененную нац. гвардейцами меру пресечения, лишь слегка изменив ее характер: особым декретом от 4 мая устанавливалась кара за ночную выпечку хлеба в виде конфискации всего этого хлеба.

В то время как на бирже чисто классовая позиция, занятая Коммуной в этом вопросе, была встречена острым недовольством, рабочие-булочники ответили на декрет 4 мая обширной манифестацией, с целью, — как писал их союз в приглашении на манифестацию, — «выразить Коммуне нашу благодарность и уверить ее в нашей преданности».

Некий Мишелан, буржуазный современник Коммуны, оставил любопытное описание этой манифестации. Около двух тысяч рабочих-пекарей 15 мая собрались в цирке, а затем, во главе с оркестром музыки, двинулись к Ратуше. На красных знаменах манифестантов красовались лозунги: «Организация труда через ассоциацию»; «1871 г. Социальная республика»; «Да здравствует дневной труд»; «Долой эксплуатацию человека человеком». На площади Ратуши представитель Комиссии труда и обмена обратился к рабочим с речью, в которой он дал общую картину развития противоречий между буржуазией и пролетариатом и которую он закончил следующими словами: «Борьба началась уже давно; нужно ее кончать. Если мы только мечтатели, если наши надежды не оправдаются, если наши усилия окажутся напрасными, то дети наши сохранят их в памяти и возобновят эту великую борьбу. Да! нужно до конца бороться с этим классом, (буржуазии), который не хочет, чтобы каждый принимал участие и в прибылях, и в убытках, и только умеет перекладывать бремя этих убытков на рабочих» (9).

Хотя Мишелан, открыто враждебный Коммуне, рабочим и «радикальной демократии», возможно, допустил искажения в

РАСПРАВА С ПОБЕЖДЕННЫМИ
Коммунары на понтонах в Бресте

содержании речи, но и в его изложении она свидетельствует о том, что классовый инстинкт революционного пролетариата уже поднялся окончательно над мелкобуржуазной ограниченностью первой поры, и что при всей теоретической незрелости парижских рабочих их классовая и политическая сознательность стояла уже в то время достаточно высоко.

Подлинно социалистическим духом и стремлением оградить интересы пролетариев, продающих частному предпринимателю свою рабочую силу, отличается также майский декрет Коммуны о пересмотре контрактов на поставку обмундирования для национальной гвардии. Мы не будем возвращаться к этому мероприятию, рассмотренному в главе о социально-экономической политике Коммуны. Отметим только, что и этот декрет, подобно предшествующему, характеризуется сознательным стремлением положить начало уничтожению «эксплуатации человека человеком».

Следует далее подчеркнуть, что на последнем этапе развития Коммуны и самой Коммуной, и ее окружными органами была внесена классовая поправка в прежнее решение вопроса о квартирах для нуждающихся рабочих. Еще 25 апреля Коммуна издала

декрет о реквизиции всех квартир, оставленных бежавшей буржуазией, для переселения в них жителей пострадавших от бомбардировки кварталов. «Как бы ни был скромнен этот декрет, — замечает Н. М. Лукин, — он все же открывал перед рабочими разгромленной версальцами окраины двери покинутых их владельцами буржуазных квартир, что не могло не иметь воспитательного значения: перед пролетариатом демонстрировалась условность священного права частной собственности; и в то же время в головах рабочих не могла не возникнуть святотатственная мысль: почему они должны ютиться в подвалах и на чердаках, тогда как их патроны пользуются комфортабельными помещениями, по своим размерам обычно далеко превышающими потребности средней семьи?»

Но значительно дальше в этом отношении пошли некоторые окружные муниципалитеты, в частности мэрия 18-го округа, которая 25 апреля писала в своем воззвании:

«Мы принуждены, дабы удовлетворить первейшие и настоятельнейшие потребности и не оставлять граждан-солдат ночевать на улице, когда они возвращаются из окопов, реквизировать меблированные комнаты, чтобы они могли отдохнуть между двумя битвами. Поэтому предлагаем хозяевам гостиниц и меблированных комнат впредь до нового распоряжения оставить у себя граждан и гражданок, поселенных у них по реквизиции. Мы надеемся на их патриотизм и думаем, что они окажутся на высоте положения, понимая, что теперь не время выбрасывать на улицу вдов и сирот нац. гвардейцев. Впрочем, члены Коммуны от 18-го округа обещают оплатить их убытки по справедливости и по мере возможности».

Однако, как видно из нового воззвания, опубликованного 19 мая за подписями членов Коммуны Дерера и Ж. Б. Клемана, «собственники и консьержи не обратили внимания на братский призыв», приведенный выше. Поэтому им было объявлено, что «под страхом сурового наказания они не смеют отказываться вселять к себе граждан, имеющих ордера на реквизицию». Таким образом, предложение Дерера о принудительной реквизиции меблированных комнат, проваленное в Коммуне 6 апреля, было теперь введено в жизнь, по крайней мере в 18-м округе. Что касается других округов, то и они, хотя и более робко, пошли по тому же пути. Муниципалитеты 10-го, 11-го и 19-го округов также объявляют о выдаче «бон» на реквизицию комнат в гостиницах, однако делают оговорку, что «квартирные бонны не обязывают хозяев гостиниц держать неудобных им жильцов» (10). Судя по полной тождественности этих объявлений, они, очевидно, явились

результатом какого-то общего для всего Парижа решения. Но только это решение вряд ли связано с упомянутым выше декретом Коммуны, который касается частных квартир, а не гостиниц и меблированных комнат. Декрет Коммуны и распоряжения окрестных муниципалитетов скорее дополняют друг друга и вместе составляют решительный шаг вперед в деле разрешения квартирного вопроса в интересах нуждающегося пролетариата.

Достаточно вдуматься в чисто классовый, пролетарский характер приведенных мероприятий, которые осуществляются Коммуной во второй половине ее деятельности, чтобы понять, почему республиканская буржуазия и зажиточная часть парижского мещанства, сначала поддерживавшие Коммуны, затем от нее отошедшие, теперь начинают проявлять по отношению к ней все большую враждебность. Некий Морен, типичный парижский буржуа, писавший свои заметки о Коммуне во время самой Коммуны, оценивает ее политику в мае следующим образом: «Что касается ее актов, то они заключались главным образом в щедротах (*liberalité*) рабочим и нац. гвардейцам; по отношению к ним Коммуна была полна нежности». Наоборот, буржуа были пасынками Коммуны. «Коммуна,— пишет далее Морен,— не признавала иных активных граждан, кроме нац. гвардейцев, т. е. солдат восстания и мятежа. Они одни были призваны к составлению жюри, они одни призывались к гологованию. Одним росчерком пера исключили из гражданской и политической жизни многочисленный класс лиц, неспособных к ношению оружия или отказывающихся служить мятежному правительству» (11).— Другой буржуазный современник дает образное описание перемены, происшедшей в мае в политических взглядах парижского лавочника. 18 марта этот лавочник говорил по адресу правительства Тьера: «Так им и надо!»— В разгар Коммуны: «Версаль и Коммуна — один другого стоит».— В мае: «Пора уже, чтобы все это кончилось» (12). А политики радикальной буржуазии, переводя эти обывательские настроения на более отчетливый классовый язык, высказывали в то же время следующие мысли: «Победа Коммуны означала бы банкротство, войну с пруссаками, неизвестность». Победа Коммуны означала бы «насильственное установление мнимой системы социализма, основанного на господстве одного (рабочего) класса, который, прислушиваясь только к своим страданиям, не знает границ своих прав». Конечно, и победа Версаля открывала радикальной буржуазии не особенно блестящие перспективы — «расстрелы, убийства, пожары, военно-полевые суды, гибель республики, угрозы военного переворота». Поэтому лучше

всего соблюдать нейтралитет, но нейтралитет, в конечном итоге враждебный пролетарской Коммуне (13).

Позиция парижской буржуазии в последнем периоде революции является еще одним признаком быстрого развития пролетарской диктатуры, наметившегося уже перехода ее на более высокую ступень.

2. — Если на примерах социально-экономических мероприятий Коммуны мы могли убедиться в быстром росте элементов классовой сознательности в процессе развития первой диктатуры пролетариата, то, к несчастью, в области организационной за столь короткое время не могло быть достигнуто заметных успехов. Совет Коммуны, который, в отличие от буржуазных парламентов, являлся рабочим органом, не только законодательствовавшим, но и приводившим в исполнение свои декреты, в организационном отношении все же не был лишен ряда недостатков. Многообразие представленных в Коммуне оттенков партийной мысли, разногласия между «большинством» и «меньшинством», превращавшие многие заседания пленума в бурную дискуссию иногда по самому случайному поводу, недисциплинированность отдельных ее членов — все это исключало возможность быстрых решений, энергичных и согласованных действий, которые должны быть присущими высшему органу диктатуры. Исполнительная комиссия, с 20 апреля состоявшая из всех делегатов, не могла по техническим причинам действовать непрерывно, никогда не собиралась в полном составе, почти никогда не выступала в Совете как организованное целое и поэтому не пользовалась достаточным авторитетом. В результате отдельные делегации, согласно выражению одного из делегатов, «считали себя диктатурами», т. е. принимали решения и действовали совершенно несогласованно, без единого плана, иногда даже вопреки воле большинства Коммуны. Отрицательные стороны такой системы сказывались прежде всего на интересах обороны, где необходима была координированная работа военной, финансовой, продовольственной и других делегаций. Неудивительно, что уже во второй половине апреля в революционных кругах возникает и начинает дискутироваться мысль о создании вполне авторитетного исполнительного или, как тогда говорили, диктаторского органа в виде Комитета общественного спасения, избранного из состава самой Коммуны.

Эта мысль, которую поддерживали некоторые газеты, наблюдательные комитеты и которая завоевывает себе популярность в рабочих предместьях, нашла сочувственный отклик среди якобинско-бланкистского «большинства». Последнее, под влиянием военных неудач на фронте и обострения своих отношений

№ 11308 9e rue, Lillebonne, Calvados, n° 6
 Mardi 28 novembre 1971
 9^h matin

Ma chère sœur,

Dans quelques instants je vais mourir, au dernier moment
 toi-même me sera présente, je te prie de demander mon
 corps on s'en rendra à celui de notre malheureux père. Si
 tu le veux fais passer dans la journée l'heure de mon
 inhumation, afin que les amis puissent m'accompagner
 bien entendu, en une cérémonie religieuse, je meurs martirisé
 comme j'en suis.

Porte une couronne d'immortelles sur la tombe de notre
 père.

Sache le gâcher mon frère et de grâce console notre
 père, en lui disant à tous deux combien je les aime.

Je t'embrasse mille fois et te remercie de tous côtés que
 tu n'as cessé de me prodiguer, surmonte ta douleur et console
 ta mère et surtout ton père, sans oublier d'embrasser
 quand il me, je suis sûr, j'en vas faire avec mes
 souffrances, ce sera un grand bien de me plaindre.

Bonne nuit

De ton frère dévoué

Th. Ferré

Donne mes papiers, mes vêtements et autres objets personnels
 à ta sœur, sauf l'adresse et l'adresse que j'abandonne ma sœur
 me malheureux.

Th. Ferré

ПИСЬМО Т. ФЕРРЕ

Написанное сестре за несколько минут перед расстрелом.

Обратите внимание на твердость и уверенность почерка бесстрашного бойца революции перед самой казнью

с «меньшинством», сближается к этому времени с Центральным комитетом и удовлетворяет его требование о смещении и аресте Кюзере и назначении Домбровского главнокомандующим. Правда, одновременное назначение военным делегатом Росселя, который добился отмены приказа о передаче Домбровскому верховного командования, было сделано независимо от ЦК, но внесенное в Коммуну в тот же день — 30 апреля — предложение об избрании Комитета общественного спасения было с Центральным комитетом, несомненно, согласовано. Недаром «меньшинство», возражая против КОС, требовало в то же время разгона Центрального комитета. С другой стороны, КОС, избранный 1 мая 42 голосами якобинцев и бланкистов против 23 членов «меньшинства», проявил по отношению к ЦК исключительное внимание. Своим распоряжением 5 мая он сохранил за Росселем только руководство военными операциями, передав ЦК административные функции военного министерства. Точно также вторым распоряжением об обязательной службе железнодорожников в нац. гвардии и праве легионных советов ко с в е н н о контролировать ж.-д. компании (прямое вмешательство было им воспрещено) КОС признал легионные советы легально существующими, несмотря на то, что декрет Коммуны об их роспуске не был отменен. Все это свидетельствует о чрезвычайном усилении влияния ЦК в Коммуне и позволяет думать, что появление нового органа диктатуры не обошлось без содействия со стороны Центрального комитета (14).

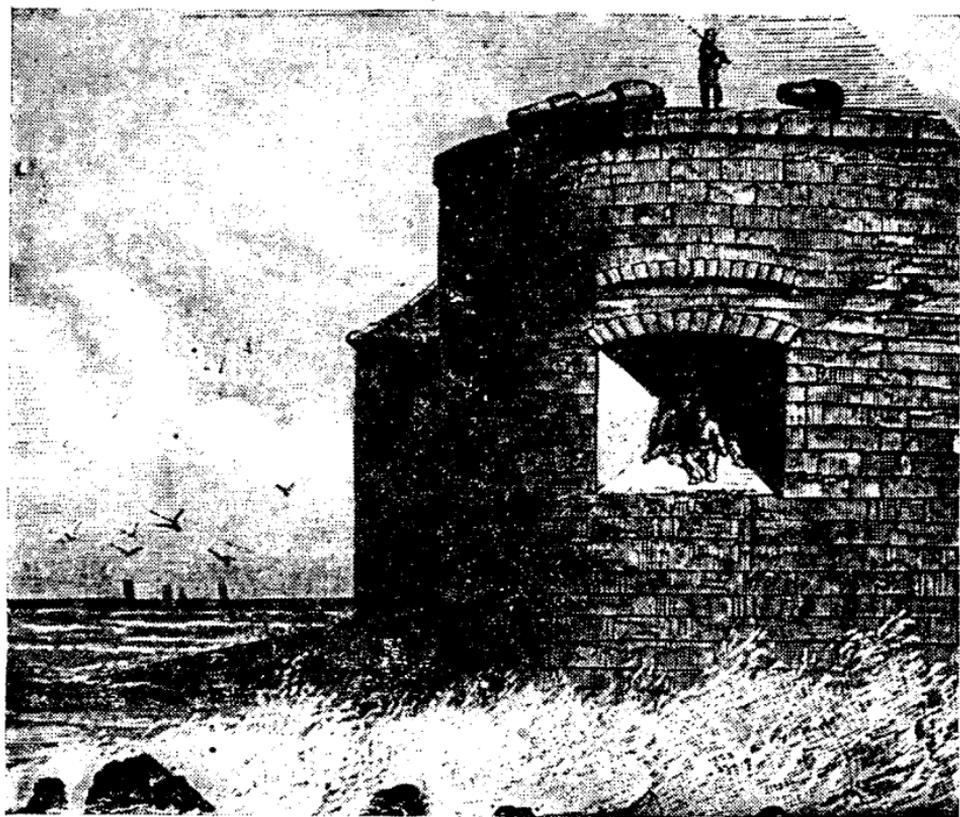
Если бы Комитету общественного спасения была действительно предоставлена неограниченная власть, ему может быть и удалось бы прекратить беспорядок в отдельных ведомствах, прежде всего в военном, повести энергичную борьбу с разлагающей деятельностью версальских агентов и дать новый мощный импульс защите Парижа. Но Коммуна при определении его функций остановилась на половине пути. Правда, новый орган получил «самые широкие права по отношению ко всем делегациям и комиссиям», но Коммуна связала его действия, не определив эти права более точно и поставив его под свой постоянный контроль, что давало ей возможность в любой момент отозвать любого члена КОС или совсем ликвидировать этот орган. Мало того, когда 2 мая Журд подал в отставку на том основании, что, являясь «только приказчиком Комитета общественного спасения», он теряет свободу маневрирования фондами и лишается доверия «финансовых кругов», то Коммуна переизбрала его финансовым делегатом подавляющим большинством голосов. Это означало молчаливое признание независимости финансовой делегации от КОС, а следовательно и всякой другой делегации,

которой вздумается отказать в подчинении диктаторскому комитету или апеллировать от него к пленуму Коммуны. Таким образом, КОС оказался фактически лишенным неограниченной, «диктаторской» власти. Поэтому «меньшинство», которое 1 мая отказалось участвовать в выборах органа диктатуры (ибо оно было вообще против нового, стоявшего над Коммуной органа диктатуры), поступило вполне последовательно, принявши 9 мая участие в его перевыборах (ибо КОС оказался таким органом только по имени). Поэтому также отношение к Комитету общественного спасения в парижской буржуазной прессе было все время насмешливым, даже издевательским, и делу мало помогло прикрытие семи наиболее реакционных газет по распоряжению делегации общей безопасности от 5 мая.

Лишенный почти всякого авторитета и к тому же очень неудачно составленный, первый КОС за девять дней своего существования ничего не в состоянии был сделать для улучшения положения на фронте и внутри Парижа. Версальские агенты, контрреволюционеры и добровольные шпионы Тьера, пользуясь полнейшей безнаказанностью, широко развернули свою подрывную работу. Те из них, которые случайно попадали в руки органов общей безопасности, немедленно и совершенно непонятным образом выпускались на свободу (15). Сама делегация общей безопасности, в которой еще с 26 апреля энергичного бланкиста Риго сменил нерешительный Курне, проявляла больше великодушия по отношению к врагам революции, чем здравого смысла и умения разрушать их замыслы. Распоряжения нового военного делегата, сначала взявшегося было очень рьяно за дело, не выполнялись или выполнялись плохо; дезорганизация нац. гвардии, начавшаяся еще при Ключере, продолжалась полным ходом. КОС, вместо содействия военному делегату, вел с ним постоянную борьбу, в чем особенно отличался наиболее влиятельный член Комитета якобинец Феликс Пиа, склочник и интриган, прозванный Маломом «злым гением революции». ЦК нац. гвардии, хотя и поддерживавший Росселя, с которым он был связан через своего члена Моро, назначенного «гражданским комиссаром Коммуны при военном делегате», тратил большую часть своей энергии на борьбу с военной комиссией, в которой преобладали члены «меньшинства». Вся эта склока, обусловленная отсутствием сильной и авторитетной власти, облегчала версальцам непрерывное продвижение вперед, к самым стенам столицы. В ночь на 2-е мая они захватывают замок Исси и важную в стратегическом отношении станцию Кламар; в ночь на 4-е измена предает в их руки редут Муллен-Саке, где погибло много коммунаров; 6-го они прерывают сообщение между

фортами Ванв и Исси; 9-го они захватывают этот последний форт, превращенный в развалины их бомбардировкой и накануне покинутый гарнизоном федератов. Россель, который был не революционером, а только патриотически настроенным офицером, перешедшим на службу революции из презрения к бездарным бонапартистским генералам Версаля и в надежде использовать победу революции для возобновления войны с немцами; который очень скоро убедился в бесплодности своих усилий реорганизовать армию Коммуны и изверился в возможность оказать версальцам длительное сопротивление, — Россель 9 мая подал в отставку, предварительно оповестив население Парижа, что «трехцветное знамя развеивается над Исси» и подвергнув беспощадной критике военную организацию Парижа в своем письме к членам Коммуны, получившем самую широкую огласку (16).

При таких условиях Центральный комитет, не считаясь ни с Коммуной, ни с Комитетом общественного спасения, доказавшим на деле свою неспособность, решил на заседании 9 мая провозгласить временную военную диктатуру и вручить диктаторскую власть Росселю. Это решение, продиктованное отчаянием, к счастью не реализовалось ввиду отказа Росселя. Коммуна была спасена от внутренних раздоров; но ей пришлось теперь отбросить в сторону всякие колебания и стать на путь значительного ограничения роли пленума Совета в пользу Комитета общественного спасения. 9-го вечером Коммуна постановила распустить первый КОС и избрать новый, в другом составе; ограничить заседания своего пленума тремя разами в неделю, сосредоточив всю работу своих членов в окружных мэриях, где они получали права высших представителей власти; сделать Ратушу местом пребывания КОС, где он будет заседать непрерывно; назначить в военное министерство гражданского делегата, сохранив в качестве его ближайшего помощника прежнюю военную комиссию; организовать высший военный суд. Таким образом КОС, в который были избраны три бланкиста (Ранвье, Арно и Эд) и два якобинца (Гамбон и Делеклюз, замененный вскоре Бийоре ввиду своего назначения военным делегатом), получил полную свободу действий. Ряд распоряжений нового комитета доказывает, что он, не в пример своему предшественнику, стремился серьезно использовать предоставленную ему власть. 10 мая он предписал немедленно разрушить особняк Тьера, а через пять дней, наконец, привел в исполнение декрет Коммуны о свержении Вандомской колонны. 11-го, извещая население об обнаружении предателей в рядах защитников Коммуны и предании их суду военного трибунала, он призвал все

РАСПРАВА С ПОБЕЖДЕННЫМИ

Пленные коммунары, заключенные в форте д'Эне, смотрят через амбразуру на окружающее их море

«живые силы революции» к единению и беспощадной борьбе с изменниками. 14-го он ввел особым приказом личные карточки для всех граждан, с целью облегчить контроль над уклоняющимися от военной службы и борьбы с внутренними агентами Версаля. 15-го, впервые используя свою дискреционную власть по отношению к комиссиям и делегациям, он распустил военную комиссию и составил новую исключительно из членов «большинства». Двумя днями раньше он заменил в бывшей полицейской префектуре ставленника Делеклюза, Курне, бланкистом Ферре, стойким и решительным борцом революции. С появлением Ферре во главе делегации общей безопасности были произведены многочисленные аресты саботажников и вредителей, в частности одного из членов правления банка, нескольких директоров железнодорожных компаний, директора табачной мануфактуры, директора рудного управления и мн. др., главным образом по обви-

нению в сношениях с Версалем. 16 мая КОС назначил гражданских комиссаров для постоянного контроля над военными операциями при генералах Домбровском, Вроблевском и Ла-Сесилиа. В тот же день был издан приказ, разрешавший товарным и пассажирским поездом, прибывающим в Париж, проникать в пределы городской ограды только после тщательного предварительного обыска — мера, которой давно уже добивались легионные советы. 18-го было опубликовано важное распоряжение о периодической печати. В Париже оставлялось всего 17 газет революционного направления; все остальные подлежали немедленному закрытию, причем, ввиду того, что ранее запрещенные газеты нередко выходили под другим названием, издание новых политических газет и журналов воспрещалось «до конца войны»; все статьи должны были обязательно подписываться их авторами; за нападки против республики и Коммуны авторы статей и издатели газет подлежали суду военного трибунала. КОС повел также энергичную борьбу с нарушителями военной дисциплины в нац. гвардии. 16 мая по распоряжению Комитета была произведена ночная облава в ресторанах, причем группа офицеров главного штаба, задержанная в обществе женщин легкого поведения, была направлена на передовые позиции рыть окопы. 19-го была значительно расширена компетенция высшего военного суда и на следующий день опубликован приказ о предании этому суду всех уличенных в подкупе или получении денег от версальских агентов. Последний приказ был вызван раскрытием ряда заговоров против Коммуны, особенно знаменитого дела о трехцветных повязках со штампом версальского министерства военных дел, заготовленных в количестве 20—30 тысяч в качестве отличительного знака для защитников «порядка», которые должны были присоединиться к версальским войскам после вступления их в Париж (17).

Реакционные историки иногда готовы были ставить в заслугу Коммуне ее отвращение к актам насилия. «Нужно быть благодарными некоторым из членов Коммуны, — пишет Кольмон, — за те неслыханные усилия, которые им приходилось делать, чтобы не декретировать губительных мер, которых ежедневно у них требовали» (18). Не менее категорично утверждение «историка-шпиона» Дюкана: «Коммуна, — признает он, — часто оказывала сопротивление самым насильническим требованиям» (19). Как бы в ответ на эту сомнительную похвалу из уст врага, Энгельс тоном упрека замечает: «Не в праве ли мы, наоборот, почитать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?» (т. е. авторитетом средств насилия для подавления сопротивления эксплуататоров) (20). Но последний

период развития Коммуны характеризуется, между прочим, стремлением исправить и эту ошибку. Недаром в рабочих кварталах приветствовали решительность, проявленную вторым Комитетом общественного спасения. «Энергичные меры приняты, и поэтому бодрость поднимается», — читаем мы в информационной сводке о настроении рабочих, представленной военному делегату 15 мая (21). И однако эти энергичные меры, необходимость которых давно сознавалась пролетарскими революционными организациями, теперь уже не могли спасти положение. Они были приняты слишком поздно, когда версальцы, после взятия форта Исси, а затем Ванва, уже стояли у самых ворот Парижа и когда их вступление в город оставалось делом нескольких дней. С другой стороны, партийные раздоры в Коммуне, вынесенные как раз в это время наружу и выявившие ее внутреннюю слабость, чрезвычайно ослабили эффект мероприятий второго Комитета. 16 мая в газетах появился манифест, подписанный 22 членами «меньшинства» и извещавший население об их выходе из Коммуны на том основании, что «Коммуна отрекалась от своей власти в пользу диктатуры, которой дала имя Комитета общественного спасения». Правда, Федеральный совет Интернационала и избиратели, к которым они апеллировали, не поддержали их в этом решении и предложили им вернуться в Коммуну; правда, рабочая масса отнеслась неодобрительно к их поступку, видя в нем пустую игру в парламентаризм; правда, многие из подписавших манифест одумались уже на следующий день и явились на очередное заседание; но удар был тем не менее нанесен, удар, от которого Коммуна уже не имела времени оправиться. Одним из последствий этого легкомысленного шага был распад Коммуны на следующий же день после проникновения версальских войск внутрь города. 21 мая еще состоялось заседание пленума для суда над Клузере, который был оправдан. Известие о начале уличных боев заставило членов Коммуны разойтись по своим округам, чтобы уже не собираться больше. Совет Парижской Коммуны, как высший орган революционной власти, перестал существовать.

Но Коммуна еще жила! И за те семь дней жизни, которые ей еще оставались, она успела вписать в историю революционного движения пролетариата одну из самых неизгладимых страниц беспримерной героической борьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) «Père Duchêne», № 13.
 - (2) Ibid, № 34.
 - (3) «Cri du peuple», № 50.
 - (4) «Journal Officiel» от 25/IV.
 - (5) «Cri du peuple», № 63.
 - (6) Du Camp. Les convulsions de Paris, t. IV, p. 123, n. 1.
 - (7) «Journal Officiel» от 26/IV.
 - (8) Laronze, о. с. p. 374, n. 3.
 - (9) Michelant. Un souvenir de la Commune, («Journal des économistes» XXIII, p. p. 264).
 - (10) «Murailles politiques», t. II, p. p. 378, 465, 499, 343, 533.
 - (11) G. Morin. Histoire critique de la Commune, P. 1871, pp. 230, 261.
 - (12) Drapeyron-Seligman. Les deux folies de Paris. P. 1872. p. 303
 - (13) Lefèvre, op. cit. p. 109 sq. 112 sq.
 - (14) Сюда же относится и назначение Комитетом О. С. влиятельного члена ЦК Эдуарда Моро гражданским делегатом Коммуны при военном делегате.
 - (15) Laronze, op. cit. p.p. 383—393.
 - (16) О Росселе см. А. Молок. Военная организация Парижской Коммуны и делегат Россель («Историк-марксист», т. VII).
 - (17) Laronze, p. 190 sq.
 - (18) Colmont. Histoire de l'incendie du ministère des finances, p. 275
 - (19) Du Camp, op. cit., t. IV, p. 107.
 - (20) Энгельс. Об авторитарном принципе: Цит. по Ленину, Марксизм о государстве (изд. Института Ленина при ЦК ВКП (б). 1931, стр. 75).
 - (21) Dauban, op. cit. p. 310.
-

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КОНЕЦ РЕВОЛЮЦИИ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

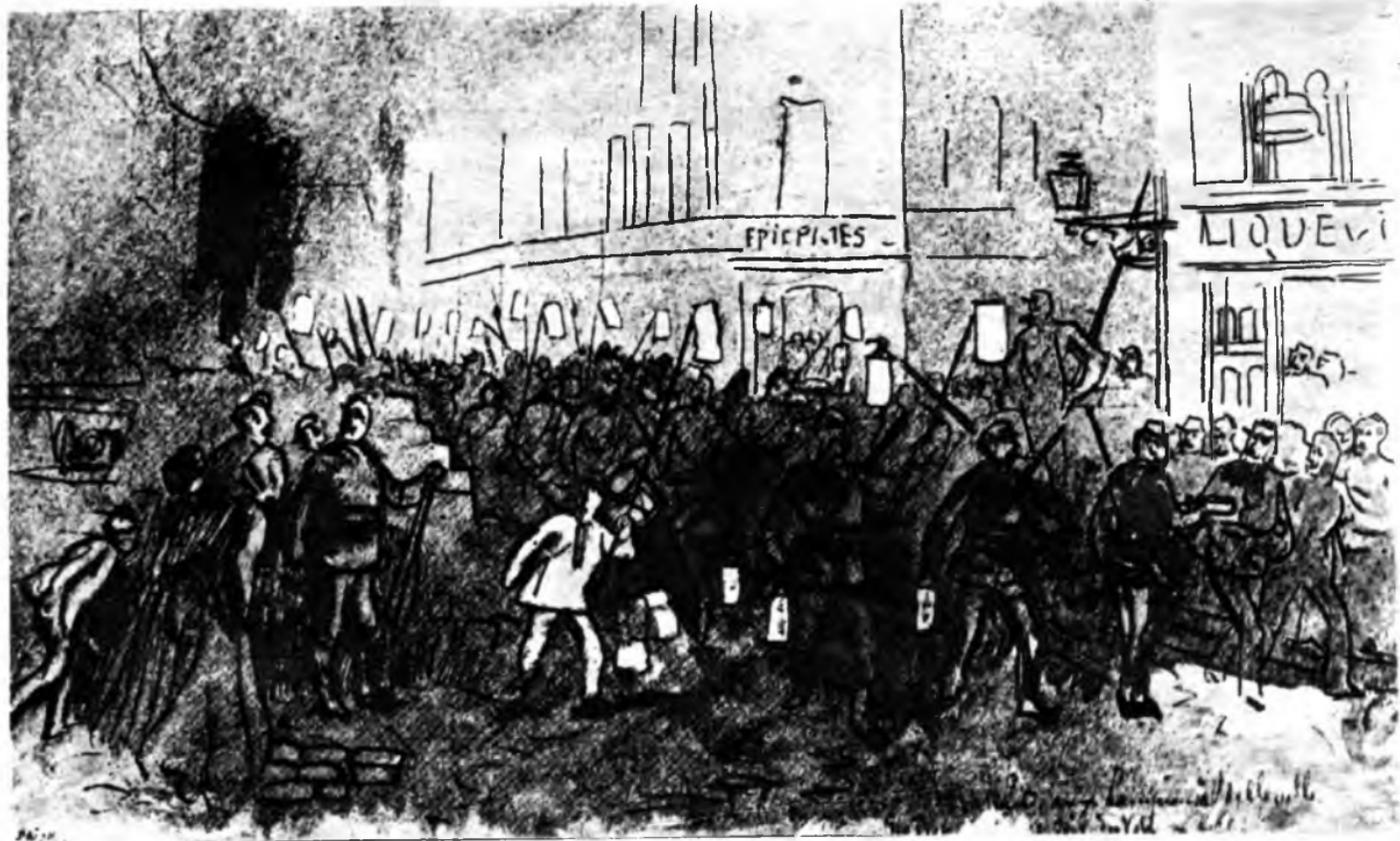
1.—21 мая в 3 часа дня предательство добровольного шпиона, одного из многочисленных «внутренних версальцев», открыло осаждающим ворота Сен-Клу, оставленные по небрежности военного командования Коммуны без защитников. Версальские войска, уже в течение нескольких дней готовившиеся к генеральной атаке парижских стен, могли благодаря этому быстро подтянуться к воротам, через которые они начали вливаться внутрь города непрерывным и все более широким потоком, не встречая на первых порах почти никакого сопротивления. К утру 22-го в их руках уже находилось около одной пятой Парижа. Домбровский, донося Коммуне о вторжении версальцев, рассчитывал, что с помощью подкреплений ему удастся отбросить их за городские стены; но в XV и XVI округах, захваченных неприятелем, насчитывалось уже свыше 50 тыс. штыков, которым Коммуна не могла противопоставить сколько-нибудь значительные силы. Помимо этого, военный делегат Делекюз с самого начала допустил огромную ошибку, выпустив к парижскому населению воззвание, в котором он восклицал: «Довольно милитаризма; не нужно больше никакого главного штаба... Место народу, бойцам с обнаженными руками! Час революционной борьбы настал. Народ ничего не смыслит в ученых маневрированиях, но когда у него в руках ружье, а под ногами мостовая, он не боится стратегов монархической школы». Это означало разрушение всей военной организации Коммуны, отмену дисциплины, централизованного руководства и общего плана военных действий. Национальная гвардия распалась, как целое, почти одновременно с Советом Коммуны, и бойцы революции, не объединяемые теперь общим командованием, устремились большей частью в свои округа и кварталы, чтобы принять участие в их защите наравне со всей массой рабочего населения. В те-

чение всего дня 22-го, когда войска по приказу Версаля временно приостановили наступление, Париж покрылся многими сотнями баррикад, построенных однако без всякого заранее выработанного плана, не представлявших сомкнутых стратегических линий защиты и не препятствовавших поэтому обходным движениям версальцев. Таким образом, борьба на улицах Парижа, возобновившаяся 23-го, разбилась на множество отдельных баррикадных боев, в которых неприятель, действуя методически, по всем правилам военной стратегии, к которой Делеклюз отнесся с таким презрением, имел в любом желаемом пункте подавляющий численный перевес над силами коммунаров.

Перипетии этой уличной борьбы, в которой парижские рабочие, их жены и дети героически отстаивали каждую баррикаду, каждую пядь земли от озверело наседавшей солдатчины, слишком хорошо известны, чтобы стоило здесь повторять подробные и точные описания Лиссагаре, Дюбрейля или Лукина. Напомним только некоторые наиболее важные события «кровавой майской недели». Утром 23-го две колонны версальцев под начальством Клиншана и Ладмиро взяли обходным движением Монмартр. Помощь пруссаков, пропустивших войска через нейтральную зону, и наличие предателей среди монмартрских артиллеристов, испортивших часть пушек, ускорило падение этой важной позиции, которая своими высотами господствовала над Парижем. Отсюда версальцы могли громить своей артиллерией высоты Шомона и кладбища Пер-Лашез, а также легко проложить себе путь к центру города. На левом фланге они преодолели сопротивление в 14-м округе и открыли себе путь к продвижению к крупным складам военной амуниции в Пантеоне (5-й округ) и к баррикадам рабочего 13-го округа. В центре, Брюнель на площади Согласия и Варлен в 6-м округе, оказывали до самой ночи отчаянное сопротивление, но принуждены были очистить свои баррикады под угрозой обходного движения. Таким образом, Ратуша, где было централизовано все управление революционным Парижем, где еще заседал КОС и куда были свезены большие запасы амуниции и продовольствия, оказалась под ударом. Поэтому решено было немедленно эвакуироваться в мэрию 11-го округа, защищенного мощными баррикадами на линии Севастопольского и Страсбургского бульваров, на площади Бастилии, а также артиллерией на высотах двух рабочих округов — 19-го и 20-го. Здание Ратуши, зажженное коммунарами, и множество других крупных зданий — министерства финансов, Тюильри, Почетного Легиона, Государственного совета и др. — загоревшихся большею частью от артиллерийских снарядов, образовали огромное кольцо пламени, которое в те-

МАССОВЫЙ РАССТРЕЛ КОММУНАРОВ ИЗ МИТРАЛЬЕЗ У ОТЕНЫ КЛАДБИЩА ПЕР-ЛАШЕИ
(Слева Федератов).

ПРАЗДНОВАНИЕ В БЕЛЬВИЛЛЕ (РАБОЧИЙ ОКРУГ ПАРИЖА)
ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ КОММУНЫ.

Ночная манифестация с ламповыми.

чение многих часов задерживало движение версальцев. Между тем несколько членов Коммуны, собравшихся в мэрии 11-го округа вокруг Делеклюза, еще совещались. По предложению Арнольда они решили сделать попытку приостановить кровопролитие путем переговоров с версальцами, думая использовать для этой цели посредничество прусского командования. Однако эта безнадежная попытка не могла быть даже осуществлена, так как караулы нац. гвардии отказались выпустить за ворота Парижа делегацию Коммуны в составе Делеклюза, Вайяна и Арнольда, когда те собирались проникнуть в расположение прусских войск. Таким образом, нац. гвардия или, вернее, то, что еще оставалось от ее военной организации, уже не признавала распоряжений Коммуны и подчинялась только своему Центральному комитету. Но и последний, с своей стороны, пытался завязать переговоры с версальцами через посредство Лиги прав Парижа, ставя условием прекращения военных действий вывод версальских войск из столицы, признание нац. гвардии, роспуск Версальского собрания и Коммуны. Эти условия, неприемлемые для версальцев в период, когда их военные успехи не были столь решающими, теперь и подавно не могли явиться базой для переговоров. Революция была полузадушена, ее агония могла продолжаться еще несколько дней, быть может несколько часов, и единственная цель, которую преследовали победители, заключалась в том, чтобы физически уничтожить весь революционный авангард рабочего класса, терроризировать пролетарские кварталы путем организации массовых убийств, которые должны были превзойти по своим размерам и жестокости июньскую бойню 1848 г., — словом, не только подавить революцию, но и сделать надолго невозможным ее повторение.

Систематическое истребление революционного пролетариата началось уже с момента вступления версальцев в Париж, но приняло особенно широкие размеры только с 23-го, когда в их руки перешел первый рабочий округ — Монмартр. Не довольствуясь расстрелом пленных, захватываемых на баррикадах, версальские солдаты, опьяненные водкой и уже пролитой ими кровью, подстрекаемые реакционными буржуа и кровожадными статьями бульварных газет, врываются в квартиры рабочих, даже не принимавших участия в уличной борьбе и убивали их на глазах семьи, а иногда и вместе с семьей. Женщины, заподозренные в том, что они будто бы обливали керосином и поджигали здания («петролейщицы»), и даже малолетние дети расстреливались с одинаково хладнокровной жестокостью. Одновременно в различных частях Парижа, по мере их «освобождения от ига коммуналистов», начинали функционировать так

называемые «превотальные» или просто военно-полевые суды, которые производили массовые убийства более систематически, вынося сотнями и тысячами смертные приговоры, немедленно приводившиеся в исполнение. Попытки буржуазных историков доказать, что эти убийства были вызваны поджогами общественных и частных зданий коммунарами, а также расстрелом нескольких заложников, находившихся в руках Коммуны, не выдерживают критики. Еще задолго до того, как начались пожары, версальцы расстреливали своих пленных, а также безоружных рабочих, женщин и детей. Что касается заложников Коммуны, то действительно несколько десятков человек, в том числе парижский архиепископ Дарбуа (которого в свое время Тьер отказался обменять на Бланки), сенатор Бонжан, финансист-спекулянт Жекер, бывший помощник мэра Шоде, были расстреляны нац. гвардейцами. Но достаточно присмотреться к тому, как возрастало по дням число казней заложников, чтобы убедиться в репрессивном характере этих казней, которые являлись лишь слабым ответом на неслыханные зверства версальской солдатчины. 23 мая в ответ на монмартрские убийства было казнено 4 заложника, 24-го — 6, 25 — 13, 26-го, когда зверства версальцев достигли своего апогея и распространились почти на весь Париж, последние защитники Коммуны расстреляли 47 монахов, жандармов и полицейских шпионов. С этим нужно сопоставить другие цифры: 315 жандармов и городских, содержавшихся в качестве заложников в тюрьме Гранд-Рокетт и выпущенных 27 мая на свободу по распоряжению Ферре; 1 333 пленных солдата, фактически освобожденных из другой тюрьмы; десятки священников и монахов, «забытых» коммунарами в камерах Мазаса и Ля Рокетт (1). Итак, на почти 2 тыс. пленных и заложников — 70 казненных, которым противостоят 20 тыс. убитых версальцами только во время кровавой недели — таков страшный баланс взаимных репрессий. Нужен, поистине, исключительный цинизм какого-нибудь Дюкана, Ларонза или Дени, чтобы после этого осмеливаться обвинять коммунаров в жестокости. Их можно скорее обвинить — как это и сделал Маркс — в излишнем великодушии, которое не спасло их от злобной клеветы врагов и в то же время дало последним возможность почти безнаказанно удовлетворить свою жажду мести.

Эта месть принимала все более чудовищные размеры по мере того, как ослабевала сила сопротивления защитников Коммуны и суживалась занимаемая ими территория. В ночь на 26-е им пришлось очистить мэрию 11-го округа; были утеряны последние форты (Монруж, Бисетр); весь левый берег Сены попал во власть версальцев. В течение последующего дня и ночи,

ЧЛЕНЫ КОММУНЫ И ЕЕ ВИДНЫЕ ДЕЯТЕЛИ. Сверху вниз: Вердюр, Нио, Люлье, Нежи, Гайяр; Арну, Вермосель, Ферра, Тренке Лефранс, Шали; Жантеле, Валлес, Ф. Пия, Безинье, Сикар, Вроблевский; Потье, Курпа, Делеклюз, Груссе, Журд, Мильер, Ла-Сесилия; Пейрутон, Ферре, Риго, Курбе, Пиллотель, Кюзере, Бержере; Режер, Дакоста, Прото, Асси, Рауа, Пенди; Россель, Кавалье, Юрбен, Флуранс, Тонни Муален, Рауа, Муро; Вермеш, Шампи, Декан, Дерер, Рошфор, Алликс и Гамбон.

после захвата версальцами Ла Виллетт, площади Трона и площади Бастилии, где погибли все до одного защитники баррикад, было закончено полное окружение 11-го и 20-го округов, в которых еще длилось героическое сопротивление. Наконец, 27 мая были взяты приступом Шомонские высоты, а в ночь на 28-е — последний оплот коммунаров, кладбище Пер-Лашез. Оставались лишь одинокие баррикады, на которых еще командовали наиболее мужественные из уцелевших членов Коммуны — Варлен, Ж. Б. Клеман, Гамбон, Жерем, Теофиль Ферре, но и они принуждены были покинуть 20-й округ, когда иссякли все средства защиты вплоть до ружейных зарядов. В полдень 28-го последние выстрелы, прозвучавшие с баррикады на улице Рампонно, возвестили конец Революции.

Но дикая месть буржуазии побежденному пролетариату не закончилась, а продолжала свирепствовать с еще большим ожесточением. Весь Париж был отдан во власть военщины, которая приступила теперь к систематическим обыскам каждой улицы, каждого квартала и каждого дома, при самом активном содействии реакционного парижского мещанства, людей «порядка», выползших теперь из своих нор, где они притаились во время господства пролетариата, и украсивших себя трехцветными повязками. Самое ничтожное подозрение, простое заявление соседа, сводившего личные счеты, бездоказательный донос добровольного шпиона служили достаточным основанием для ареста, за которым следовала почти верная смерть. Расстрелы людей целыми партиями, часто при помощи митральез для ускорения операции, шли в казарме Лобо, в Люксембургском саду, в тюрьме Ля Рокетт, у стен кладбища Пер-Лашез, в десятках других мест. Несчастных иногда даже не добивали, а зарывали на месте казни полуживыми. Сцены самой разнузданной жестокости повторялись на каждом шагу. Варлен был расстрелян после долгого и мучительного вожделения по улицам, среди толпы буржуазной черни, с целью искусственно удлинить его предсмертную агонию; Мильера расстреляли на коленях, в позе человека, просящего прощения у «общества» за свои «преступления»; многих коммунаров, ведомых на казнь, заставляли пинками и ударами простираться на земле перед каждой церковью, мимо которой лежал их последний путь. Но все эти постыдные издевательства над обреченными на смерть людьми не устроили бойцов Коммуны. Они умирали героически, так же как и сражались, с возгласами: «Да здравствует Коммуна!», с презрением к своим палачам, побежденные, но не подчинившиеся.

Еще большие издевательства и мучения ожидали тысячные

толпы арестованных мужчин, женщин и детей, пощаженных в Париже рукой палача и ежедневно направляемых в тюрьмы Версаля, где раззолоченная чернь парижских бульваров, великосветских кабаков и шантанов, во главе со своими дамами и куртизанками, встречала оборванных и измученных пленных дикими завываниями, осыпала их ударами зонтиков и палок, покрывала камнями, грязью и плевками. Многие из арестованных, уцелевшие от избиений и расстрелов по дороге в Версаль, гибли сотнями в самих версальских тюрьмах вследствие ужасающих условий существования; многие погибли от болезней, голода, жажды, от изощренной жестокости тюремщиков на понтонах (пловучих тюрьмах) Шербурга и Бреста, в фортах и крепостях побережья Атлантического океана, на каторге и ссылке в далекой Каледонии. Именно в эти места, на медленную смерть, направляло пленников Коммуны буржуазное правосудие, когда бессудные казни прекратились и производ отдельных офицеров, солдат, жандармов или «превотальной юстиции» был заменен узаконенным произволом 26 военных судов.

Общий итог кровавой тризны буржуазии по Парижской Коммуне хорошо известен. 379 823 анонимных доноса в одном Париже за время с 22 мая по 13 июня; 50 000 арестов (2); около 30 000 убитых и казненных по суду или без суда; 38 568 заключенных в тюрьмы, крепости и концентрационные лагеря; 36 300 преданных военному суду и 13 450 приговоренных к разным наказаниям (в том числе 270 — к смертной казни). Деятельность военных судов и приведение в исполнение их приговоров продолжалось вплоть до 1875 г. Классовая месть победившей буржуазии, совершавшаяся, по словам Тьера, «именем закона, при помощи закона и на основании закона», обезлюдил рабочий Париж. В ряде отраслей парижской промышленности не хватало рабочих рук, что привело даже к временному застою в делах и к сокращению производства.

После поражения революции реакция охватила все стороны общественной и политической жизни. Не довольствуясь десятками тысяч попавших в его руки жертв, правительство Тьера обратилось ко всем иностранным дворам с требованием выдачи, как уголовных преступников, тех участников Парижской Коммуны, которым удалось бежать из Франции. Потерпев в этом полную неудачу, оно приступило к разгрому рабочих организаций, особенно организаций Интернационала, стремясь, при помощи дипломатических переговоров, организовать преследование последнего в международном масштабе. Почти полностью уничтожив революционный авангард рабочего класса, француз-

ская буржуазия немедленно принялась за обработку терроризованной и распыленной пролетарской массы в религиозном духе. В сентябре 1871 г. был создан Союз католических рабочих ассоциаций под председательством епископа Сегюра. Офицеры-иезуиты граф Альбер де Мен и граф де ла Тур-дю-Пен-Шамбли, активные участники кровавой резни в Париже, организуют многочисленные рабочие католические кружки, из коих два в самом сердце пролетарского Парижа—в Бельвилле и на Монмартре. «Революция, — поучали рабочих эти представители мракобесия и черной реакции, — обманула народ; она обанкротилась; она отняла у рабочего веру в счастье в загробном мире, лишив его тем всякого счастья». Восстановление классовой иерархии, уничтоженной ложными принципами равенства, создание моральных связей между правящими и управляемыми, беспрекословное подчинение в духовных делах церкви и римскому папе, — такова в немногих словах та программа, при помощи которой палачи надеялись приручить свою жертву, отравить ее сознание, вырвать у нее веру в революцию, волю к борьбе и жажду освобождения (3).

Все эти жалкие потуги свидетельствуют только о страхе победителей перед побежденным классом. «Многие спрашивают, — писал 23 июня 1871 г. Сильвестр де Саси, — начнется ли это снова. Конечно, это начнется снова! Не завтра, может быть, но те же причины произведут тот же эффект» (4). Таким образом, уже на другой день после своей победы французская буржуазия дрожала (а после нашего Октября и подавно дрожит!) при мысли о приближении страшного часа возмездия.

Сегодня, когда старый капиталистический мир, мир победителей 1871 года, гниет и заживо разлагается в тисках невиданного экономического кризиса и своих собственных противоречий, в то время как на шестой части земного шара претворяются в жизнь, и притом в грандиозных размерах, смутные социалистические мечты парижских коммунаров, мы можем с стократной уверенностью повторить слова ученого приспешника Луи-Наполеона: «Конечно, это начнется снова!», и начнется не когда-нибудь, а именно завтра, и на сей раз без тех ошибок и слабостей, которые предопределили трагический конец первой пролетарской революции.

Ошибки и слабости Коммуны, тогда почти неизбежные и присущие вообще раннему этапу пролетарского революционного движения, теперь не могут повториться. Они полностью и без остатка учтены Марксом и особенно Лениным, который к ним присоединил богатый опыт первой русской революции. В апреле 1919 г., приветствуя Баварскую советскую республику, Ленин

писал баварцам: «Очень просим вас сообщать чаще и конкретнее, какие меры вы провели для борьбы с буржуазными палачами Шейдеманами и К^о, создали ли советы рабочих и прислуги по участкам города, вооружили ли рабочих, разоружили ли буржуазию, использовали ли склады одежды и других продуктов для немедленной и широкой помощи рабочим, а особенно батракам и мелким крестьянам, экспроприировали ли фабрики и богатства капиталистов в Мюнхене, а равно капиталистические земельные хозяйства в его окрестностях, отменили ли ги-

ДЕЛЕКЛЮЗ

потеки и арендную плату для мелких крестьян, удвоили или утроили плату батракам и чернорабочим, конфисковали ли всю бумагу и все типографии для печатания популярных листовок и газет для массы, ввели ли 6-часовой рабочий день с двух-или трехчасовыми занятиями по управлению государством, уплотнили ли буржуазию в Мюнхене для немедленного вселения рабочих в богатые квартиры, взяли ли в свои руки все банки, взяли ли заложников из буржуазии, ввели ли более высокий продовольственный паек для рабочих, чем для буржуазии, мо-

билизовали ли рабочих поголовно и для обороны и для идейной пропаганды в окрестных деревнях?» (5).

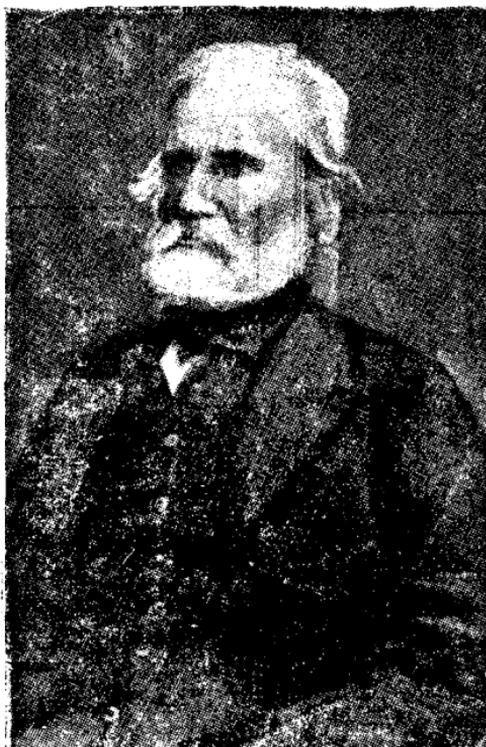
Развернутая Лениным программа действий революционной власти несомненно включает в себя, наряду с данными опыта нашей пролетарской революции, и элементы опыта Парижской Коммуны. В самом деле, разве красными клубами и другими революционными организациями, разве самой Коммуной не ставились вопросы о «немедленной и широкой помощи рабочим»; экспроприации фабрик, покинутых капиталистами; конфискации типографий для печатания революционных газет; вселения рабочих в квартиры бежавшей буржуазии; захвата Французского банка; взятия заложников из буржуазии; поголовной мобилизации рабочих для борьбы с Версалем? Разве многие из этих мероприятий не проводились в жизнь, хотя и недостаточно решительно, неуверенно, слишком поздно? И разве не потому, что в 1871 г. большинство подобных мероприятий могло быть подсказано массе только ее правильным революционным инстинктом, Маркс и Ленин так высоко ценили этот инстинкт, творчество массы, делавшей всерьез свою революцию?

Приведенный выше документ является лишь одним из примеров использования Лениным опыта Коммуны для руководства классовой борьбой пролетариата. Другие многочисленные примеры можно найти буквально в любом томе сочинений В. И. Ленина. «Мы стоим на плечах Парижской Коммуны», — неоднократно повторял Ленин. — «Советская власть, — писал он в другом месте, — есть второй всемирно-исторический шаг или этап развития пролетарской диктатуры. Первым шагом была Парижская Коммуна». Из опыта Парижской Коммуны Ленин сделал важнейший вывод, лежащий в основе всего ленинизма: «К социализму рабочий класс придет не иначе как через диктатуру, через насильственное подавление эксплуататоров» (6). Опыт Коммуны в деле разрушения буржуазного государства Ленин считал даже более глубоким, чем опыт революции 1905 г. (7). На нем он обосновывал некоторые свои положения по национальному вопросу (8). Наконец, отношение к Парижской Коммуне, как диктатуре пролетариата, служило ему нередко пробным камнем для определения революционного марксизма и разоблачения скрытых оппортунистических извращений учения Маркса (9).

Хорошо известно также, как широко использовали Ленин и его партия положительный опыт Коммуны и уроки Коммуны в Октябрьскую революцию, особенно при строительстве Советского государства. Уже в апрельских тезисах 1917 г. Ленин, намечая конкретные пути этого строительства, прямо опирается на опыт

Коммуны. В 5-м тезисе мы читаем: «Устранение полиции, армии, чиновничества. Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего». А несколько ниже, говоря о необходимых изменениях в программе большевистской партии. Ленин выдвигает требование «государства-коммуны» и в подстрочном примечании разъясняет, что под этим требованием нужно разуметь такое государство, «прообраз которого дала Парижская коммуна» (10). Действительно, важнейшие особенности Советской государственной

БЛАНК I

структуры — соединение исполнительной и законодательной власти, втягивание широчайших масс трудящихся в непосредственное управление государством, плата государственным служащим не выше заработной платы квалифицированного рабочего и мн. др.—являются лишь дальнейшим развитием и усовершенствованием образцов, которые дала нам Парижская Коммуна. Именно исходя из этих образцов и на них опираясь, коммунистическая партия и рабочий класс смогли создать государство более высокого типа, чем Коммуна 1871 г. Если мы возьмем теперь поли-

тику советской власти и руководящей ею партии, то и здесь увидим, как всесторонне учитывались уроки Коммуны и полностью преодолевались ее ошибки: недооценка роли трудового крестьянства, как союзника революционного пролетариата; нерешительность и непоследовательность в разрушении буржуазной государственной машины; отсутствие единства руководства и согласованности действия между отдельными частями государственного механизма, медлительность, проявленная Коммуною в борьбе с классовым врагом, с внутренней контрреволюцией.

Итак, и для нашей Октябрьской революции, и для всякой будущей пролетарской революции опыт Коммуны, уроки ее борьбы являются исключительно ценными. Ибо эти уроки показали:

1) что «единственным классом, способным еще к общественной инициативе» (Маркс) и могущим возглавить и повести всю массу трудящихся на борьбу с капиталистическим гнетом, является рабочий класс;

2) что для успешного осуществления этой задачи пролетариату необходима мощная партийная организация, обеспечивающая единство руководства, единство теории и тактики революционной борьбы;

3) что всякие демократические иллюзии и остатки предрассудков парламентаризма, проявившиеся в допущении Коммуною внутренней фракционной борьбы, губительны для дела пролетариата;

4) что не менее губительной является практика поитупления классовых противоречий в период ожесточенной классовой борьбы, равно как и нерешительность в подавлении сопротивления, побежденного класса буржуазии;

5) что важнейшим залогом прочности победы пролетариата является союз последнего с трудовыми массами села, союз, к которому «только пробивала себе дорогу Парижская Коммуна», но который не осуществился «в силу ряда причин внутреннего и внешнего характера» (Ленин);

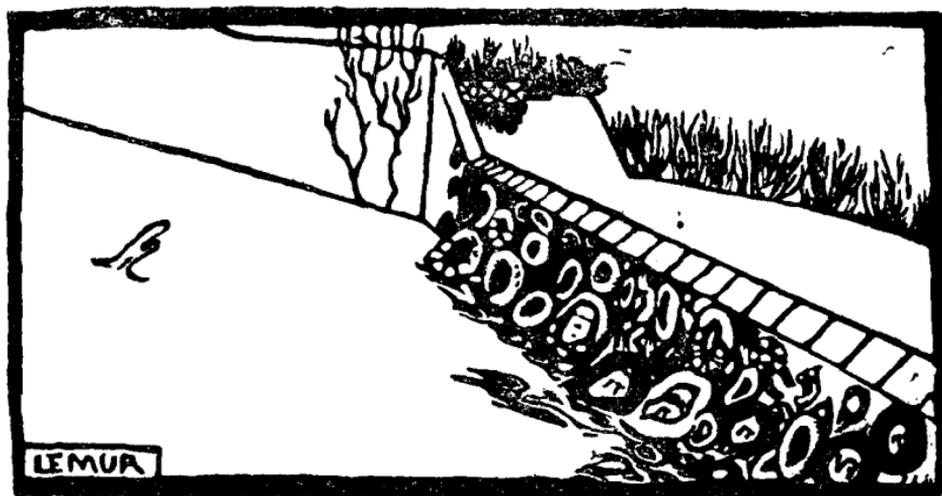
6) и, наконец важнейший и наиболее общий вывод, к которому Маркс и Ленин пришли на основании изучения всей совокупности опыта Коммуны,— что пролетариат после своей победы «не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей», а должен «разбить ее, эту готовую машину, и заменить новой» (Маркс, Ленин).

Таким образом, опыт Парижской Коммуны вошел органической, составной, неотъемлемой частью в революционный марксизм, в ленинизм, а следовательно в программу и тактику борющегося пролетариата всего мира, в программу и тактику Коминтерна. Уже одного этого достаточно для признания громадного, непреодолимого исторического значения революции 1871 г.

«Париж рабочих со своей Коммуной всегда будет чествуем как славный предвестник нового общества. Его мученики воздвигли себе памятник в великом сердце рабочего класса. Его палачей история пригвоздила к тому позорному столбу, от которого не в силах будут оторвать их никакие молитвы их попов» (Маркс).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Этот факт установлен Ларонзом на основании неизданных документов. См. Laronze, op. cit., p. 627.
- (2) Ibid., p. 650.
- (3) Debidour, op. cit., p. 67 sq.
- (4) «Revue de deux mondes», 1-er Novembre 1926, p. 149 sq.
- (5) «Правда», 1929 г. Подлинник документа хранится в архиве Института Ленина.
- (6) Т. XXIII, стр. 483.
- (7) м. С Р у б а н. Ленин о Парижской Коммуне («Пролетарская революция» XX, 1931, № 2—3, стр. 6).
- (8) См. там же, 20 сто., где цитируется статья Ленина «Национальный вопрос в нашей программе» (Т. V, стр. 343).
- (9) Это особенно отчетливо видно в одной из самых блестящих работ В. И. Ленина, в «Государстве и революции».
- (10) Сопр. соч., т. XX, стр. 89.

СТЕНА ФЕДЕРАТОВ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	
ВВЕДЕНИЕ	

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФРАНЦИЯ ЭПОХИ ВТОРОЙ ИМПЕРИИ

Предпосылки революции. 1. Экономическое развитие Франции в период второй империи. 2. Положение рабочего класса. 3. Крестьянство и крестьянский вопрос накануне революции. 4. Мелкая буржуазия. Крупная торговопромышленная буржуазия. Подъем революционного движения	
--	--

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТ 4 СЕНТЯБРЯ ДО 18 МАРТА 1871 г.

I. Революция 4 сентября. 1. Падение империи и правительство национальной обороны. Франко-прусская война и переворот 4 сентября. Начало революционной борьбы с правительством в Париже и провинции	
II. Борьба за Коммуну. 1. Происхождение идеи Коммуны. 2. Революционное движение в Париже и провинции в период парижской осады	
III. Революция 18 марта. 1. Организационная и политическая подготовка мартовской революции 1871 г. 2. 18 марта	

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РАЗВИТИЕ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

I. Центральный комитет национальной гвардии и возникновение Коммуны. 1. ЦКНГ у власти. 2. Париж, Версаль и провинция накануне выборов в Коммуну. 3. Выборы и состав Коммуны	
II. Государственное строительство Коммуны. 1. Программа и тактика Коммуны на первом этапе. Коммуна и буржуазия. 2. Разрушение буржуазной государственной машины и создание государства нового типа	
III. Социально-экономическая политика Коммуны. 1. Декреты о квартирной плате, векселях и ломбарде. Финансовая политика Коммуны. Коммуна и Французский банк.—2. Рабочая политика Коммуны	
IV. Поражение революции в провинции и военные неудачи Коммуны.	
V. Парижский пролетариат и его организации в период Коммуны	
VI. Последний этап развития деятельности Коммуны. Комитет общественного спасения.—1. Перемены в политике Коммуны по отношению к собственности. Дальнейшее развитие рабочей политики.—2. Развитие организации пролетарской диктатуры: первый и второй Комитет общественного спасения	
VII. Конец революции. Заключение.	

КАРТЫ

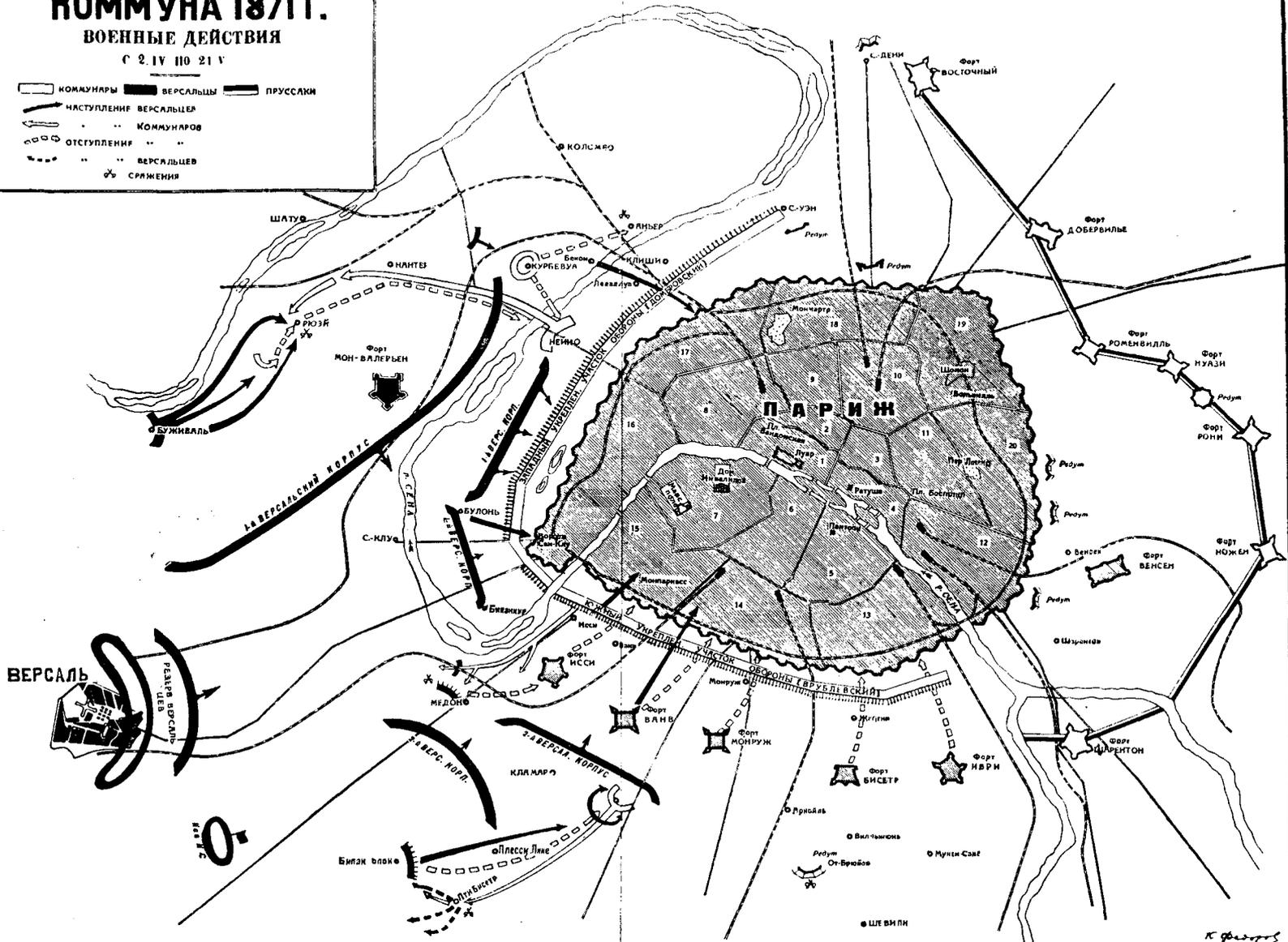
1. ПАРИЖСКАЯ КОММУНА 1871 г. —
ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ С 2 АПРЕЛЯ ПО 21 МАЯ.
2. ПЛАН ПАРИЖА В 1871 г.
3. ПАРИЖСКАЯ КОММУНА 1871 г. —
РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРОВИНЦИИ.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА 1871 Г.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

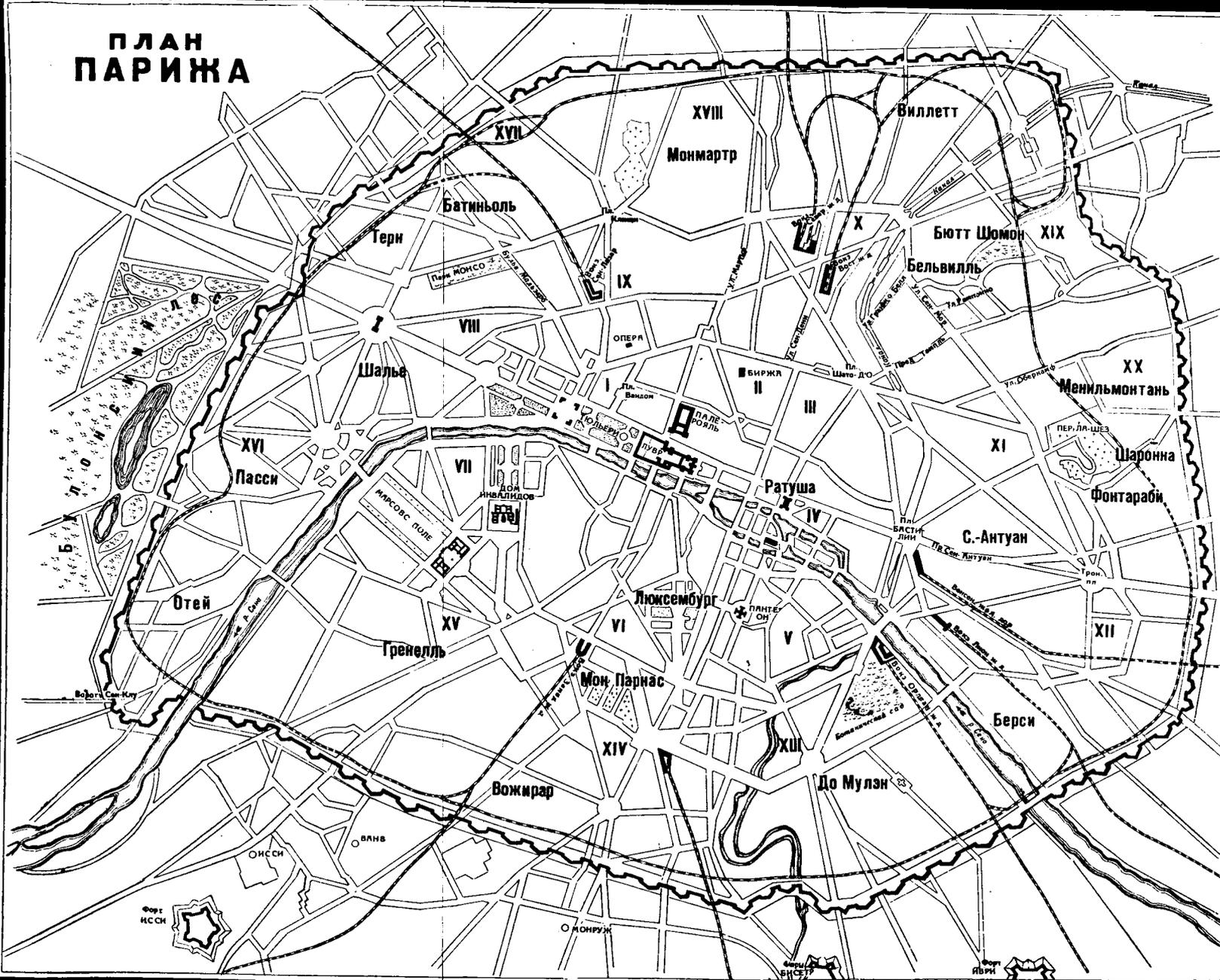
с 2.IV по 21.V

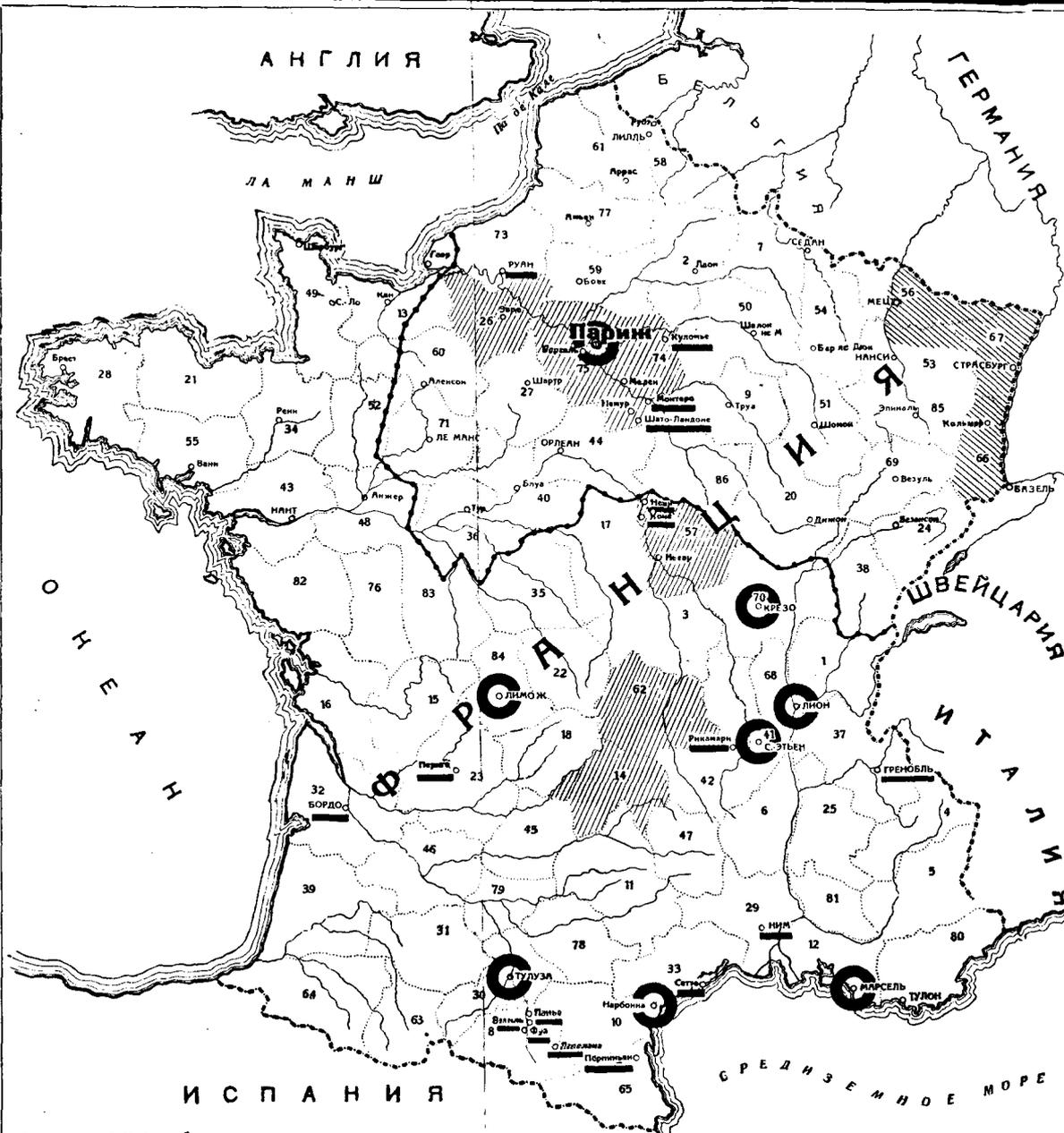
- КОММУНАРЫ ■ ВЕРСАЛЬСКИЕ ▬ ПРУССАКИ
- НАСТУПЛЕНИЕ ВЕРСАЛЬСКИХ
- КОММУНАРОВ
- ОТСТУПЛЕНИЕ " " "
- ВЕРСАЛЬСКИЕ
- ☉ СРАЖЕНИЯ

К. Фелдман

ПЛАН ПАРИЖА

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА 1871 г

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРОВИНЦИИ

- ГОРОДА, ВДЕ БЫЛА ПРОВОЗГЛАШЕНА КОММУНА.
- ГОРОДА, В КОТОРЫХ ПРОИСХОДИЛИ НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ И ДЕМОНСТРАЦИИ
- ДЕПАРТАМЕНТЫ, В КОТОРЫХ БЫЛО СОЧУВСТВУЮЩЕЕ КОММУНЕ КРЕСТЬЯНСТВО
- ТЕРРИТОРИЯ, ЗАНЯТАЯ НЕМЕЦ АРМИЯМИ
- ТЕРРИТОРИЯ, ОТОШЕДШАЯ К ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ 1870-71 гг

Департаменты Франции

1 Эн	29 ГАР	57 НИЕВРА
2 ЭНА	30 ГАРОННА (Верх)	58 НОР
3 АЛПИ	31 ЖЕР	59 УАЗА
4 АЛПЫ (Верхние)	32 ЖИРОНДА	60 ОРНА
5 АЛПЫ (Нижние)	33 ЭРО	61 ПАДЕ КАЛЭ
6 АРДЭШ	34 Иль э Вилен	62 ПЮИ ДЕ ДОМ
7 АРДЕННЫ	35 ЭНДР	63 ПИРЕНЕН (Верх)
8 АРИЕЖ	36 Эндр-э-Луара	64 ПИРЕНЕН (Ниж)
9 ОБ	37 ИЗЕР	65 ПИРЕНЕН (Восток)
10 ОД	38 ЮРА	66 РЕНН (Верх)
11 АВЕРОН	39 ЛАНДЫ	67 РЕИН (Ниж)
12 БУШ ДЮ РОН	40 ЛУАР-э-ШЕР	68 РОНА
13 КАЛЬВАДОС	41 ЛУАРА	69 СОНА (Верх)
14 КАНТАЛ	42 ЛУАРА (Верх)	70 СОНА и ЛУАРА
15 ШАРАНТА	43 ЛУАРА (Ниж)	71 САРТА
16 ШАРАНТА (Ниж)	44 ЛУАРЭ	72 СЕНА
17 ШЕР	45 ЛОТ	73 СЕНА Ниж
18 КОРРЕЗ	46 Лот-э-Гаронна	74 СЕНА и МАРНА
19 КОРСИКА	47 ЛОЗЕР	75 СЕНА и УАЗА
20 КОГ Д Ог	48 МЭН э ЛУАРА	76 СЕВР
21 КОТ ДЮ НОР	49 ЛА МАНШ	77 СОММА
22 ЖРЭЗ	50 МАРНА	78 ТАРН
23 ДОРДОНЬ	51 МАРНА (Верх)	79 ТАРН и ГАРОННА
24 ДУВ	52 МАНИЕННА	80 ВАР
25 ДРОМ	53 МЭРТ э МОЗЕЛЬ	81 ВОКЛЮЗА
26 ЭР	54 МЭЗЛ	82 ВАНДЕЯ
27 ЭР э ЛУАР	55 МОРЕГАН	83 ВЕННА
28 ФИНИСТЕР	56 МОЗЕЛЬ	84 ВЕННА (Верх)
	85 ВОЗЕЗЫ	86 ИОННА

Составил Я. Федотов